

СЕИДИ, ЗЕЛИЛИ

Советская
печать

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. А. Андреев (главный редактор),

И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,
Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов, М. К. Каноат,
К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, А. А. Михайлов, Д. М. Мулдагалиев,
Ф. Я. Прийма, С. А. Рустам, М. Танк, В. Д. Федоров,
М. Б. Храпченко

Большая серия

Второе издание

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

СЕИДИ, ЗЕЛИЛИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

*Вступительная статья,
составление и примечания
А. А. ЗЫРИНА*

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1984

Сеиди (Сеидназар Хабиб-ходжа-оглы, 1775—1836) и Зелили (Курбандурды Мамеддовлет-оглы, 1779 или 1780—1846 или 1848) — выдающиеся туркменские поэты, классики литературы своего народа. Они жили и творили в эпоху разобщенности туркменских племен, кровавых междоусобиц, иноземных нашествий, экономического и социального застоя. Однако и в этих условиях Сеиди и Зелили, активно участвуя в политической жизни общества, в своих высокохудожественных произведениях смело утверждали идеалы любви к Родине, прогресса, гуманности, человеческого достоинства и нравственного совершенства. Связанные личной дружбой, они оставили своеобразную переписку — нечастый на мусульманском Востоке образец публицистики в стихах. Оба поэта прославились и как тонкие мастера любовной лирики.

Настоящее издание впервые представляет творчество обоих поэтов в одной книге. При этом произведения каждого из них даны в большем объеме по сравнению с предыдущими русскими изданиями. Переводы заново отредактированы. Ряд переводов публикуется впервые.

МЕЧОМ И СЛОВОМ

Культура каждого из народов нашей страны, большого или малого, насчитывает много столетий своего существования, уходя корнями в далекое прошлое. Многовековая история и у письменной литературы как одного из наиболее близких к современности плодов культуротворческого процесса. Независимо от исторических условий, подчас исключительно тяжелых, литература того или иного народа никогда не оставалась только его внутренним достоянием, но всегда — тому много примеров хотя бы на Ближнем Востоке в минувшие столетия — получала выход на арену межнациональных отношений, оказывала влияние на культурную жизнь соседей, с которыми происходил своеобразный обмен духовными ценностями.¹

Великий Октябрь в невиданной степени расширил возможности взаимодействия и взаимовлияния разнонациональных, разноязычных литератур. Главные условия для этого — ликвидация межнациональной розни, рожденная в общей борьбе и труде братская дружба между народами и, как ее материальное воплощение, колоссальный, планируемый в масштабах государства разворот работы литературоведческой, переводческой, книгоиздательской, распространение всеми средствами информации лучших образцов литературы любого народа.

¹ При написании статьи использованы, кроме упомянутых в тексте, следующие работы: Бартольд В. В., Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — Соч., т. 5, Л., 1968; «История Туркменской ССР», т. 1, кн. 1, Ашхабад, 1957; «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. 2. М.—Л., 1933; Самойлович А. Н., Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе, СПб., 1914; Самойлович А. Н. Очерки по истории туркменской литературы. — В кн.: Туркмения, т. 1. Л., 1929; Бертельс Е. Э. Литературное прошлое туркменского народа. — Журн. «Совет эдебияты» («Советская литература», на туркм. яз., Ашхабад), 1944, № 9—10 (статья на русск. яз.); Скосырев П. Г., Туркменская литература. Очерк развития, М., 1945; Скосырев П. Г., Листья и цветы. Литературные портреты, очерки и заметки о туркменской литературе, М., 1957.

Всеми этим созданы также возможности открывать заново, воскрещать для общества то, что в национальных литературах оказалось преданным забвению, долгое время считалось утраченным. В ходе этого непрерывно обогащаются наши представления о каждой из литератур, а ее сокровища делаются достоянием многих национальностей как источник миропознания, эстетического наслаждения, гражданского, патриотического и нравственного воспитания.

Все сказанное приложимо к литературе туркменского народа, как мы представляем ее во всей совокупности бытования в прошлом и настоящем. Еще более тысячелетия назад, когда от арабов одновременно с исламом туркмены получили письменность, у них сложилась богатая литература — почти исключительно в форме поэзии, — занявшая прочное место в духовной жизни народа. Однако, в силу исторических условий, на землях, где основная масса туркмен в конце концов прочно осела, не возникло сколько-нибудь значительных культурных центров, в которых литература могла бы фиксироваться и сберегаться в письменной форме. Поэтому литература (поэзия) туркмен всегда, вплоть до первых пореволюционных лет, бытовала главным образом в устной традиции, сохраняясь в памяти народа, прежде всего поэтов и певцов-сказителей (шахиров и бахши), только отчасти закрепляясь в рукописях (редко в автографах, чаще в записях, делавшихся много времени спустя после смерти автора). В силу этих причин из богатой в прошлом туркменской поэзии до нас дошло далеко не все и часто в форме, значительно отличающейся от первоначального авторского оригинала. Точно так же сведения о поэтах прошлого, запечатленные в изустных преданиях, сплошь и рядом страдают неполнотой, противоречивы и чаще всего не поддаются проверке.

Век XVIII считается «золотым веком» туркменской литературы, потому что от этого времени — точнее, от второй половины столетия — до нас дошло наибольшее количество литературных памятников, запечатлевших высокие образцы поэзии, созданной теми, кто по праву почитается корифеями духовной культуры народа. Достаточно назвать Махтумкули, слава которого давно перешагнула рубежи родной для него земли.

Его младшими современниками и ревностными учениками-последователями были поэты Сеиди и Зелили, чьи имена в памяти народа и в истории литературы всегда стоят рядом.

Самая широкая популярность обоих авторов и среди их современников, и среди потомков обусловлена прежде всего тем, что по силе и яркости поэтического таланта они более чем кто-либо из собратьев по перу в их эпоху приближались к тому уровню, который в туркменской литературе был утверждён трудами Махтумкули. Неподвластное времени величие этих поэтов предопределено и

тем, что в своих высокоталантливых стихах они утверждали высокие идеалы любви к Родине, единства и благополучия народа; в эпоху захватнических войн, кровавых междоусобиц, разрухи, попрания человеческой личности неустанно призывали к социальной справедливости, гуманности, смело ратовали за просвещение, нравственное самосовершенствование. Вот почему долг потомков вновь и вновь обращаться к сокровищнице поэтического творчества великих поэтов.

Почти исключительно в народной памяти сберегаются сведения о жизни и деяниях Сеиди и Зелили. Устная традиция, а также рукописи (в большинстве — позднего времени, сделанные на основе изустной передачи) донесли до нас довольно большое количество произведений обоих поэтов, прежде всего небольших по объему стихотворений. Насколько полно сохранившееся и дошедшее до нас поэтическое наследие Сеиди и Зелили, — по этому поводу можно лишь строить предположения. Так или иначе, то, что в литературном наследии Сеиди и Зелили выявлено и зафиксировано, при достигнутой ныне стадии разработки проблем жизни и творчества обоих поэтов может и должно стать достоянием широкой читательской массы как на родном языке, так и в переводе на русский. Последнее же выводит их в широкую, не знающую государственных границ, межнациональную сферу обмена духовными ценностями.

1

Знакомство с творчеством двух туркменских поэтов-классиков необходимо предварить кратким обзором современной им исторической действительности.

Туркмены — общее (фиксируемое историками с X века) этническое наименование для конгломерата кочевых племен тюркской языковой семьи, исторических наследников тех тюрок (точнее, огузов), которые в первом тысячелетии нашей эры создали в степях и предгорьях Центральной Азии крупные, хотя и непрочные, раннефеодальные государства. Около того же X столетия туркмены из степей в низовьях Сырдарьи выходят на арену богатой событиями истории стран Ближнего Востока. Будучи стойкими и мужественными воинами (в условиях родо-племенного строя каждый взрослый мужчина — воин, а у кочевников Центральной Азии такую функцию нередко выполняли и женщины), туркмены составляли отменные кадры вооруженных сил многих ближневосточных правителей, начиная с султанов средневековой династии Сельджукидов и кончая ханами Хивы, эмирами Бухары в XVIII—XIX столетиях. При

этом туркменские племенные ополчения поступали на службу, под покровительство того или иного властелина, вместе со своими семьями и прочно оседали на новых местах поселения. Отдаленное следствие такого процесса — наличие еще и в наши дни сохраняющих этническую самобытность групп туркменского населения далеко за пределами нынешнего Туркменистана — в Египте, Сирии, Ираке, Турции, Северной Индии, в Закавказье, не говоря о сопредельных Иране (Персии) и Афганистане.

Участвуя в дальних завоевательных походах, расселяясь на территории стран с богатейшей, уходящей корнями в глубь тысячелетий материальной и духовной культурой, туркмены получили возможность непосредственно впитывать, усваивать ее многообразные достижения. В сфере образно-поэтического мышления народа происходил синтез исконного — от своеобразной культуры непритязательных тюркок-кочевников Центральной Азии — с заимствованным — от древних, изощренных, угасавших и угасших цивилизаций Ближнего Востока. Исследователи неоднократно указывали на то, что подобным синтезом в решающей степени обусловлено явление, замечательное по своей культурно-исторической сущности, а именно то, что туркмены, в массе бедные скотоводы — кочевники и полукочевники, политически разобщенные, неграмотные и без прочной связи с культурными центрами, за несколько веков выдвинули из своей среды плеяду талантливейших поэтов, чье творчество отмечено высоким совершенством художественной формы, многообразием жанров, богатством тематики, а главное — глубиной мысли, широтой обобщений, возвышенностью идеалов. Не случайно, а закономерно, туркменская поэзия уже столетия тому назад высоко ценилась у соседних народов, оказывала влияние на их духовную культуру.

Во второй половине XVIII века туркменские племена, в силу причин как внешнего, так и внутреннего характера, уже не отвлекались сколько-нибудь далеко и на длительное время от той территории, в пределах которой приблизительно мы застаем их сегодня и которая составляет географическую основу современной Туркменской ССР. Из причин внешнего порядка наиболее важна политическая: у крупных феодальных государств Ближнего Востока, таких, как Иран, Бухара, Хива, к этому времени заметно снились завоевательские амбиции вследствие ослабления государственного строя, финансовой системы, армии и т. д. Другими словами, углубился начавшийся еще задолго до того процесс, который в следующем столетии привел эти страны к политико-экономическому упадку, утрате суверенитета в международных отношениях, полуколониальной зависимости от европейских держав. Стабилизации туркмен в этот период способствовал и фактор географический

(экологический): Қаракумы, извечная область кочевания, все более превращались в безжизненную и труднодоступную пустыню, потому что Узбой — древнее русло Амударьи — пересох и вода этой реки, некогда частично поступавшая в Каспийское море, теперь целиком доставалась морю Аральскому, орошая земли, прилегающие к нему с юга. Неуклонно, хотя и медленно сокращались территории, куда достигали воды южных рек Мургаба и Теджена. Прогресс производительных сил и производственных отношений внутри туркменского общества приводил к тому, что кочевой образ жизни все больше приобретал характер полукочевого, новые и новые массы народа приобщались к возделыванию земли и в конце концов становились оседлыми.

К концу XVIII века туркменские племена заняли территорию, ограниченную с севера полуостровом Мангышлак, глинистым плоскогорьем Устюрт и дельтой Амударьи, с востока — цепью оазисов по ее берегам (Лебаб), с юга — отрогами горных систем Паропамиз и Копетдаг, долиной реки Гурген, и с запада — побережьем Каспийского моря. Политико-экономический уклад их жизни был неодинаковым. На севере и западе, где издавна расселилось крупное племя йомудов и более мелкие (чоудур, игдыр), сохранялись возможности для кочевого скотоводства, орошаемые же земли (только в Хорезме) были заняты другими народами. Политически на обладание всеми территориями, где кочевали туркмены, издавна претендовали хивинские ханы и иранские шахи, но сюда, в места суровые и труднодоступные, их власть распространялась лишь номинально. К тому же йомуды, сильные и многочисленные, признавали ее не всегда, избавлялись от нее при первом же удобном случае, а в период политических смут и междоусобиц в Хивинском ханстве решительно в них вмешивались и нередко влияли на выбор хана, характер вводимых им законов и т. д.

Иначе складывалась судьба текинцев — племени еще более многочисленного и воинственного, которое в течение всего XVIII столетия только укоренялось в северных предгорьях Копетдага, в оазисах Теджена и Мургаба. Здесь оно застало давних и более слабых насельников — мелкие туркменские племена (мурчалы, алили, салор, сарык и др.), а также остатки ирано-тюркского — нетуркменского населения. С одной стороны, все они оказались в политической зависимости от текинцев, с другой — стали причать последних к навыкам более высокой материальной, прежде всего земледельческой, культуры. Параллельно этому шел процесс ознакомления повоселов с накопленными ранее богатствами культуры духовной. Здесь, прежде всего в восточных оазисах, существовали условия для интенсивного земледелия. Соответственно края, где поселились текинцы, уже давно стали объектом захватнических воцелений каж-

Дога из ближайших, искони между собой соперничавших феодальных «сюзеренов» — властителей Ирана, Хивы и Бухары. Однако и здесь туркменам-теке удавалось, номинально признавая зависимость то от одного, то от другого, то от третьего, фактически сохранять самостоятельность, во всяком случае в вопросах внутренней жизни.

Жизнь, однако, ни в коей мере не была мирной и благополучной. Нашествия войск каждой из трех соседних держав с целью установить свое безраздельное господство следовали одно за другим, туркменские земли то и дело становились ареной кровавого столкновения противоборствующих сил. Притом текинцы в качестве данников-вассалов были вынуждены участвовать в таких столкновениях с оружием в руках, отдавая свою кровь и жизни за чуждые им интересы. Осознание и правильная оценка подобных ситуаций, чем дальше, тем чаще приводили к тому, что сами текинцы, составив более или менее крупное военно-политическое объединение, обычно с участием других туркменских племен, давали вооруженный отпор иноземным захватчикам и на какое-то время обретали уже полную независимость (такие эпизоды особенно характерны для середины XIX века). Здесь-то и выявлялась та исконная, хотя и смутно осознаваемая, историко-этническая общность туркмен, которая могла бы стать неодолимым оружием в их борьбе с чужеземным порабощением. К четкому всеобщему осмыслению и укреплению этой общности неустанно призывали передовые сыны туркменского народа, в том числе такие поэты, как Махтумкули, Сеиди, Зелили.

На западе, по Лебабу, главным образом в средней и южной его частях, между городами Чарджуй и Керки, сравнительно крупными политико-экономическими центрами Бухарского эмирата, уже ряд столетий обитало еще одно многолюдное туркменское племя — эрсари, чересполосно с более мелкими (сакар, саят, мукры, эски и др.), а также с теми, которые позже вошли в состав узбекской нации. Здесь, на приречных землях, в условиях оседлости, земледелие издавна сделалось для туркмен столь же обычным занятием, как и скотоводство. Политически туркмены-эрсари были довольно прочно связаны с Бухарским эмиратом, хотя раздоры с его властями были явлением нередким. Влияние религиозно-культурных центров эмирата туркмены-эрсари испытывали на себе также в достаточно сильной степени.

Наконец, крайний юго-запад — долины и предгорья западного Копетдага, бассейны рек Гургена и Атрека, степи Мазандерана и Астрабадской провинции (северных окраин Ирана) с давних пор заселяли преимущественно туркмены племени гоклен, а частично йомуды и остатки более мелких племен. Здесь, как и на Лебабе, земледелие было одной из главных отраслей экономики. Почти все

туркмены были здесь оседлыми. В политическом же отношении они являлись вассалами иранских шахов, которые, однако, в периоды внутренних неурядиц в метрополии часто оказывались неспособными защитить туркмен, как и прочих своих подданных, от нашествий иноземцев, а также от произвола местных феодалов. Нередко притеснения со стороны шахской администрации вызывали острое недовольство, даже восстания гокленов, неизменно подавляемые со снисходительной жестокостью. Экономические условия, близость культурных центров Ирана благоприятствовали сравнительно высокому уровню образованности у гокленов.

Обзор картины расселения туркмен в XVIII — начале XIX столетия необходимо дополнить указанием на следующее. Время от времени довольно крупные массы народа, иногда целые племена, то ли по собственному волеизъявлению, в силу побудительных причин внешне- или внутривосточного порядка, географических, экономических и т. п., то ли велением одного из безраздельно господствующих в данный момент иноземных властителей, снимались с насиженных мест и отправлялись нередко за тысячи верст, чтобы заново обосноваться на землях, как правило также населенных туркменами, хотя и другого племени. Случались и массовые «исходы» в соседние государства: так, в конце XVIII века туркмены с Мангышлака ушли в пределы России — на Северный Кавказ, где их потомки живут и поныне.

Из сказанного выше становится ясно, что социально-экономический уклад не мог быть одинаковым для всех туркменских племен при неодинаковости территориальных и политических условий их существования. Для всех туркмен этого периода характерен затянувшийся на столетия переход от родо-племенного строя к раннефеодальному,¹ с проникновением в их среду товарно-денежных отношений, ремесленничества, денег, предметов роскоши и других атрибутов цивилизации, заимствуемых от соседей. Параллельно этому шло классовое расслоение родо-племенной, патриархальной общины, выделение и обособление слоя феодализирующейся знати — беков, ханов, — концентрировавшей в своих руках и военно-политическую власть, и богатства в виде земель (которые раздавались беднякам на началах кабальной издольщины), казны, рабов, драгоценной утвари и т. п. Неустанно обогащались и баи — сель-

¹ Этот переход миновал стадию рабовладения, которое существовало у туркмен, однако не играло решающей роли в экономике. В рабство обращали тех, кого захватывали во время войн, набегов (главным образом, жителей Ирана). Рабов и рабынь, если их сразу же не продавали на невольничьих рынках в Бухаре и Хиве, со временем включали в состав родо-племенной общины в качестве ее членов, хотя и низшей категории.

ские толстосумы, все шире промышлявшие ростовщицеством. Имущественное расслоение, поляризация общества, дофеодалного и раннефеодалного, на бедных и богатых неизменно приводят к тому, что его моральный уровень понижается, чтимые издревле высокие нравственные добродетели племенного уклада обесцениваются, — что мы и наблюдаем повсюду у туркмен XVIII столетия.

В этот процесс морально-этического оскудения и огрубения вовлекаются также представители мусульманского духовенства, ради земных выгод (особенно на богатом Лебабе) попирающие суровые в своей первоначальной простоте и взыскательности нравственные догмы ислама. И чем ближе то или иное племя к очагам феодальной цивилизации (Иран, Бухара, в меньшей степени Хива), тем глубже в его недрах процесс феодализации, тем более благоденствует богач, забит и обездолен бедняк, очевиднее падение нравов.

И все же, невзирая на имущественную и сословную поляризацию, в туркменской среде тех времен сохранились еще многие черты доклассового уклада жизни и его нравственной атмосферы. Каждый туркмен, свободный представитель своего племени, обладавший хотя бы минимальным достатком, ощущал себя полноправным членом общины, правомочным решать ее дела на совете. Такое общественное положение формировало натуры, отличающиеся независимым нравом, сознанием собственного достоинства, отвращением ко лжи, лести, раболепству и т. п., что запечатлено и поэзией, и свидетельствами общавшихся с туркменами иноземцев. В этих качествах туркменского характера содержатся истоки в высшей степени присущего им патриотизма. При малейшем посягательстве внешнего врага на землю, пусть и освоенные сравнительно недавно (главный нравственный стимул к тому, чтобы считать их своими: «Здесь пролилась кровь от моей пуповины»), племя с оружием в руках (излюбленное — кривая сабля, именуемая коротко и выразительно: клыч) поднималось на защиту как один человек, и незавидной бывала участь труса, отступника. К несчастью для туркмен, подобные их качества слишком часто эксплуатировали в своих интересах феодальные правители соседних государств, используя туркменских всадников как военную силу при защите своих окраинных владений от посягательств соперника по экспансиям.

Все отрицательное, что укоренялось в жизни туркменского общества, глубоко тревожило и огорчало, доставляя богатую пищу для раздумий и обобщений людям мыслящим, осознающим свою моральную ответственность за судьбы народа. А среди туркмен подобные люди, образованные и высокоодаренные, выражавшие свои идеи в поэтической форме, встречались в немалом числе во все времена.

Здесь необходимо коснуться особенностей культурной жизни

туркмен описываемого времени. Народное просвещение у них, как и у любого из мусульманских народов, целиком находилось в ведении служителей ислама. Начальное образование, имеющее целью обучить грамоте и основам религиозной догматики, давал мектеб — школа для мальчиков (в туркменской среде — практически без исключений, в узбекской — существовали «домашние» мектебы и для девочек). Прошедший ее курс (длительностью обычно 5—7 лет) получал право поступить в высшую духовную школу — медресе. Исследователи этой системы образования, а также многие из тех, кто, уже в более позднее время, сам ее прошел, почти в один голос характеризуют ее как в высшей степени несовершенную, в большинстве случаев не дававшую почти никаких положительных знаний, скорее как рассадник невежества, реакционного мракобесия, всяческих пороков и т. д. И в то же время — факт, признаваемый всеми: скромный аульный мектеб, затем медресе прошли многие сотни выдающихся поэтов, мыслителей, общественных деятелей на землях туркмен, узбеков, таджиков (если ограничиться народами сходных культурно-исторических судеб). И мектеб, и особенно медресе, вопреки очевидному несовершенству того и другого, все-таки способны были при благоприятных обстоятельствах (природная одаренность учащегося, его упорство в овладении преподаваемыми дисциплинами, стремление к самосовершенствованию, способствующая всему этому среда и т. д.) давать знания глубокие, прочные и разносторонние, главным образом в сфере гуманитарных наук. Притом вырабатывались навыки самостоятельного мышления и относительно верной критической оценки всего косного и отсталого как в современной науке и религиозной догматике, так и в окружающей социальной действительности. Именно такими чертами отмечен духовный облик любого из крупных туркменских поэтов прошлого, многие из которых в свое время окончили и мектеб, и медресе.

При этом нужно помнить, что прослойка людей высокообразованных, собиравших вокруг себя почитателей науки и поэзии, обладавших богатыми собраниями манускриптов, рукописных книг и т. п., была в туркменском обществе чрезвычайно незначительной. Масса общинников-крестьян оставалась неграмотной: мектебы, действительно, не всегда прививали навыки даже элементарной грамотности, да и было мектебов немного, особенно у кочевников. Но как раз в среде неграмотных полукочевников образованность любого рода, поэзия в особенности, ценилась чрезвычайно высоко, а ее носители, без всякого преувеличения, нередко окружались ореолом святости, как это было, к примеру, с Махтумкули. Почетом и авторитетом пользовался каждый окончивший медресе, получивший богословское образование муллы. Именно вследствие подобного от-

ношения массы народа к образованности, поэтическому слову дошли до нас многие и многие сокровища туркменской литературы прошлых веков, с любовью, надежно сбереженные народной памятью. Еще при жизни авторов они широко распространялись в устной традиции и в таком виде оказывали самое глубокое влияние на духовную жизнь не только своего народа, но в немалой степени также и соседей.

Передовые люди туркменского общества и два, и три столетия назад имели все основания сокрушаться по поводу неблагоприятных исторических условий, как будто злым роком навязанных родному народу. Разобщенный, он был неспособен противостоять нашествиям иноземных захватчиков, откуда бы они ни надвигались. Ближе к описываемому времени событиями такого рода, наиболее яркими и трагическими по своим последствиям, были предпринятые в первой половине XVIII века Надиром, на короткое время узурпировавшим шахский престол в Иране, кровавые завоевательные походы на туркменские племена и через населенные ими земли. Экспансионистская деятельность этого последнего из ближневосточных деспотов имела, однако, и некоторые благоприятные для туркмен результаты: походы Надир-шаха в значительной мере ослабили военно-политическую мощь давних конкурентов Ирана — Бухары и Хивы. Да и сам Иран после убийства Надира (1747) надолго погрузился в пучину смуты и междоусобных раздоров. Историки Туркмении следующим образом характеризуют сложившуюся тогда ситуацию: «Временное ослабление Ирана и Бухары во второй половине XVIII в. создало благоприятные условия для объединения туркменских племен. Но господство отсталых полупатриархально-полуфеодальных отношений, вытекающая из них родо-племенная разобщенность и эгоистическая, близорукая политика феодально-родовой знати помешали осуществиться этому объединению, к которому уже тогда призывали лучшие представители туркменского народа и в первую очередь Махтумкули».

Представители знати были прямо заинтересованы в сохранении племенной раздробленности туркмен, в том, чтобы у тех не сложилось централизованное государство, которое ограничило бы их собственное безудержное самовластие, тяжким бременем ложившееся на плечи трудовой массы. И в тот период не нашлось общественной силы, чтобы обуздать патриархально-феодальных правителей, сплотить туркменские племена. Благоприятный момент, на который указывают историки, оказался упущенным: сперва в Бухаре и Хиве, затем в Иране новые, пришедшие к власти династии (Мангыт, Кунграт, Каджар) сумели кое-как справиться с внутренними раздорами, подавить восстания крестьян, горожан, подвластных народов на окраинах и укрепить государственный строй. Снова нача-

лишь прерванные лишь на короткое время завоевательные походы. Иран, правда, теперь уже не претендовал на территорию далеко к северу от Паропамиза и Копетдага, зато хивинские ханы доходили до Гургена и Мазандерана, в силу давней традиции считая осевших здесь туркмен своими данниками. Властители же Бухары, принявшие титул эмиров, по-прежнему стремились утвердить свою власть в оазисах Мургаба и Теджена. Опять полилась кровь туркменских воинов, отдававших жизни за интересы заклятых своих врагов, которым они к тому же нередко еще и помогали в их же собственных владениях справиться с непокорными. Так, в общих чертах, складывались социальные отношения на землях, населенных туркменами, и в соседних государствах на рубеже XVIII—XIX столетий.

2

Народы, с которыми туркмены издавна вступали в тесные контакты, располагали богатыми традициями литературы и фольклора, преимущественно в поэтической форме, но также и в прозаической. В фольклоре и литературе самих туркмен сравнительно легко прослеживаются усвоенные и творчески переработанные элементы художественно-поэтического творчества многих народов, от Средиземноморья до Индии включительно. Если же говорить только о туркменской письменной поэзии, то она выросла на богатейшей почве многовекового песенного фольклора кочевников-тюрок Центральной Азии, а затем, начиная с XI столетия, испытала самое сильное формирующее влияние прежде всего и главным образом поэзии фарсиязычной (иначе — персидско-таджикской), затем — тюркоязычной, складывавшейся в тот же период у народов тюркской языковой семьи на территориях, сопредельных с туркменскими.

У народов, от которых туркмены интенсивно усваивали культурные ценности, прежде всего персов, арабов, поэзия издревле удовлетворяла не только эстетическим, но и познавательным потребностям общества, служила средством закрепления и распространения положительных знаний, философских и религиозных идей. Такую функцию она выполняла наряду с существовавшей у этих народов научной, научно-художественной, документальной прозой. Последняя была одним из слагаемых того арсенала средств культурного обихода, который характерен для цивилизации городского типа, с давними и прочными традициями письменности, создания, сбора и хранения рукописей, книжной образованности в специально для этого созданных учебных заведениях и т. д. Совершенно иное положение сложилось у туркмен, которые в массе своей начиная

с XIII—XV веков рассеялись на территориях, где культурных центров уже не осталось. Поэтому прозаические жанры (исключая фольклорные — сказка, предание, анекдот и полуфольклорные — проза дестанов¹) у них развития не получили. Туркменская поэзия взяла на себя те социальные функции, которые у народов с развитой письменной традицией выполняла проза. Поэзия характерными для нее средствами фиксировала и распространяла все то, что объемлется понятием «духовная культура», не исключая и религию, идеи которой также распространялись и усваивались в поэтической форме. В силу того что поэзия на протяжении многих веков занимала столь важное место в общественной жизни, положение творца поэтических произведений (шахира), а также их исполнителя (бахши) всегда было в среде народа исключительно высоким и почетным, авторитет же — непрерываемым. Все это возлагало на людей, причастных к поэзии, нелегкие моральные обязательства — прежде всего неустанно учиться, совершенствовать свое мастерство и, что еще важнее, в своей собственной жизни и деятельности являть образец следования тем идеалам справедливости, бескорыстия, милосердия, верного служения родине, которые утверждались в массе народа посредством песен, стихов, поэм, дестанов. Стремление как можно полнее удовлетворить подобного рода общественные запросы мы прослеживали в биографии, а также в творческом облике каждого из сколько-нибудь значительных туркменских поэтов прошлого, в первом ряду которых, в числе классиков родной литературы, стоят Сеиди и Зелили.

Туркменская поэзия выросла на основе синтеза двух разнородных начал — фольклорно-песенного и книжного, заимствованного. Создаваясь в письменной форме, она бытовала преимущественно в форме устной, главным образом, в среде не читателей, а слушателей, бедняков-скотоводов, неграмотных, но воспитанных на богатой традиции родного фольклора и на слух усвоивших многое из фольклора и письменной поэзии других народов. Два названных момента стали для туркменской поэзии в значительной мере определяющими по части тематики, идейной направленности, эмоционального настроения, образной системы, а также формы — предпочтительного использования жанров, стихотворной техники и т. п.

Книжная поэзия Ирана и Средней Азии — та, на образцах которой туркменские поэты прилежно учились, — впитала в себя богатейшее наследие культурных ценностей предшествующих эпох, на

¹ Объяснение литературоведческих терминов, не получивших истолкования в статье, см. в Словаре.

иной земле и у народов, с которыми их тесно сводила история. Среди таких ценностей на первом месте следует назвать героико-романтический эпос, мифологию, фантастически переосмысленную историю Ирана и Турана домусульманского периода. Систематизированный свод такого материала, поэтически изложенного, представляет собой грандиозная поэма «Шахнаме» («Книга царей»), созданная в X—XI веках гениальным Фирдоуси. На многие столетия это великое произведение стало незаменимым источником, из которого поэты, в частности туркменские, считали своим долгом приискать образы героев, сюжетные мотивы, художественные средства изображения. Главным образом через посредство арабов ирано- и тюркоязычная книжная поэзия усвоила многое из культуры античного греко-римского мира. Соответственно, у туркменских поэтов образы, например, Александра Македонского, Аристотеля, Платона сделались традиционными, как и прекрасная небожительница Зохре, родная сестра древнеримской Венеры, покровительствующая не только влюбленным, но и тем, кто творит красоту. Кораническая мифология, многое унаследовавшая от иудаизма и христианства, наука и поэзия арабов, а также их богатая событиями история получили разностороннее отображение в творчестве поэтов-книжников Ирана и Средней Азии. Отсюда и туркменская поэзия прочно усвоила, в частности, множество библейских образов и мотивов, законченных сюжетов. Это, к примеру, легенда об Иосифе Прекрасном (у туркмен — Юсуп), которая десятки раз у многих поэтов получала новое осмысление и воплощение, образы же ее сделались традиционными. Точно так же «своими» стали для творцов и для любителей туркменских стихов Лейли и Меджвун — древнесарабские Ромео и Джульетта.

Международные сюжеты — мифологические, героико-романтические, исторические — воплощались поэтами ираноязычными и тюркоязычными,¹ в том числе туркменскими, главным образом в произведениях крупных форм — дестане, поэме, сказании в стихах. Наряду с этим, в силу традиции, берущей начало от поэзии арабской, пышного расцвета в туркменской поэзии достигла лирика — философская (и теософская), любовная, анакреонтическая. Жанры правоучительный, одический, эпистолярный и т. п. — все это бытовало преимущественно в малых поэтических формах. Учителями туркменских авторов в этой сфере были прежде всего корифеи персид-

¹ На среднеазиатской почве многие поэты, свободно владея двумя языками — фарси (персидско-таджикским) и тюркским (староузбекским или же уйгурским, как наиболее отработанными для письменного употребления), слагали стихи и поэмы на обоих. Из таких поэтов самый значительный — Навои. Уже в новое время на двух языках творили, например, Муками, Хамза, Айни.

ско-таджикской поэзии — Рудаки, Омар Хайям, Саади, Низами (сын азербайджанской земли, но ираноязычный), Хафиз, Амир Хосров, в более позднее время — Джами, Бедиль. К этой плеяде, если говорить о периоде в несколько столетий, приблизительно с X по XVII, тесно примыкают зачинатели литературы на тюркских языках Средней Азии — Ахмед Югнеки, Юсуф Баласагуни, Ходжа-Ахмед Ясеви, позже Лютфи, Навои, Вепай, еще — популярные здесь азербайджанцы Насими и Физули. Тем, кто подвизался на поприще туркменской поэзии, было, таким образом, у кого и чему учиться.

Занятые формы лирики, дидактики и т. п. органически сплелись с тем, что было выработано тысячелетним устным творчеством туркменского народа, — песнями лирическими, героическими, нравоучительными, поминальными, хвалебными. Следует помнить, что поэзия, независимо от ее жанров и форм, распространялась, главным образом, в песенном виде, с музыкальным сопровождением, что, в свою очередь, оказывало обратное влияние на форму произведений.

Исследователи, в частности член-корреспондент Академии наук СССР Е. Э. Бертельс, неоднократно отмечали: продолжая и развивая на родной почве традиции арабо-персидской и тюркской лирики, туркменские поэты проявляли определенную избирательность. Так, чрезвычайно сильные в ираноязычной поэзии мотивы пессимизма во взгляде на мир и на судьбу человека, его возможности, призывы забыть все земное в опьянении вином, любовью туркменскими поэтами были восприняты лишь в самой незначительной степени и ни у кого из них в творчестве и мировоззрении не доминировали. В этом проявился, во-первых, органически свойственный туркменской поэзии демократизм: ее мастера были всегда неотделимы от массы народа. Здесь не знали придворных поэтов, и лишь некоторые (Магруппи, Аллахи) жизнью и творчеством были тесно связаны с военно-феодальной верхушкой общества. Во-вторых, лучшим из туркменских поэтов всегда было свойственно ясное сознание собственной роли в народе, а отсюда своего рода трезвый прагматизм: они считали недопустимым проповедовать в стихах упадничество, пессимизм, забвение во хмелю и т. п. соотечественникам, живущим в условиях суровой природы, постоянно вынуждаемым вооруженною рукой защищать от врагов родину, свои очаги и семьи. Такою именно чертой отмечено творчество классиков туркменской поэзии, в первую очередь Махтумкули, а также Сеиди и Зелили, которые по праву считаются достойнейшими учениками и продолжателями его дела.

Народ, в целом далекий от книжной образованности, чуждый городской цивилизации, все же, как мы отметили выше, имел у себя на земле зачатки системы образования, пусть целиком про-

никнутого религиозным духом, — аульные мектебы. А туркменские юноши, успешно завершившие курс обучения в этих карликовых сельских школах, твердо решившие продолжать образование и притом имеющие для того материальные возможности, отправлялись в сопредельные страны, чаще всего в ханства Хивинское и Бухарское, чтобы поступить в медресе — богословское училище высшей степени. Окончив его, человек получал сан муллы вместе с правом занимать место священнослужителя в мечети (имам), духовного судьи (кази), чиновника, чьи обязанности требовали основательных книжных знаний, а также преподавателя в мектебе либо в том же медресе. Такими путями в среде туркмен на протяжении веков складывалась тонкая, но в социально-историческом отношении чрезвычайно влиятельная прослойка образованных людей, говоря по современному — интеллигенция.

Дети богатых родителей редко проявляли стремление к образованию в медресе. Туда чаще стремились одаренные бедняки. По традиции, в годы прохождения курса учащиеся медресе сами зарабатывали себе на жизнь. С другой стороны, медресе, пусть в неодинаковой степени, располагали доходами (вакф) на вспомоществование своим питомцам. Эти доходы пополнялись добровольными взносами меценатов — богатых ревнителей веры. Благодаря всему этому в среде туркменской литературной интеллигенции описываемого времени выходцы из народных низов количественно преобладали, что, без сомнения, накладывало отпечаток на качество, идейную направленность и социальную окраску того, что выходило из-под их пера.

Среднеазиатские медресе — больше всего их было в Бухаре, затем по числу медресе идут Самарканд, Хива, располагались они и в сельских местностях, при мечетях, гробницах святых и т. п., — претерпев за века различные преобразования, приблизительно к XV—XVI столетиям окончательно определились как учебные заведения почти исключительно теологического типа, где изучение положительных наук было сведено к минимуму. При этом вся система учебной деятельности была пронизана, можно сказать, культом слова: языку, стилю речи устной и письменной уделялось исключительное внимание. Соответственно, литература, в особенности поэзия, была признаваема почтеннейшим видом человеческой деятельности, и уж в этой сфере, в восточной филологии в широком смысле, учащийся, хоть сколько-нибудь прилежный и неглупый от природы, мог получить в медресе весьма и весьма солидную подготовку. Не будет преувеличением утверждать, что среднеазиатские медресе — при всех свойственных им отрицательных качествах, чему немало страниц посвятили специалисты в новейшее время, — растили и за столетия вырастили многих и многих замечательных поэтов разных

народов — от великого Навои до почти наших современников — Айни, Хамзы, Кербабаева.

Во времена, о которых идет речь, — до XVIII—XIX веков включительно — в медресе Бухары либо Хорезма будущие поэты со всем старанием изучали премудрости арабо-персидского и тюркского стихосложения. Изучали, сразу же применяя усвоенное на практике: все учащиеся медресе неустанно упражнялись в сложении стихов на разных языках, как в рамках учебной программы, так и по собственной инициативе. Притом написанное тут же обсуждалось, молодые поэты устраивали состязания, проводили разного рода поэтические игры (например, сочинение ребусов, загадок в стихах, отыскание заданного количества эпитетов к какому-либо понятию, экспериментирование в области рифмы, редифа, ритма, цезуры и т. д. и т. п.). Все это было превосходной школой формального поэтического мастерства. Такое мастерство, помноженное на талант, знание народной жизни, глубину чувств и высоту философских, гражданственных помыслов, приносило тогдашнему обществу неоспоримую пользу.

Еще в первые века нашей эры арабские филологи разработали стройную, многосложную систему стихосложения; воспринятая в лоно персидской мусульманской литературы, эта система была доработана, усложнена. В основу ее был положен так называемый аруз — совокупность форм количественного стиха, в котором стопы, составляющие строку, состояли из определенного количества слогов кратких и длинных, чередующихся в определенных комбинациях. Краткие и длинные слоги создавались теми или иными сочетаниями согласных с гласными краткими и долгими, представляющими собой одну из характерных особенностей фонетики арабского языка. Такого деления гласных не знают ни иранские, ни тюркские языки. Однако же, в особенности в ранние времена, ирано- и тюркоязычные поэты, восприняв систему аруза, стремились ей строго следовать, искусственно вгоняя лексику родного языка в канонические метры аруза, чтобы придать стиху определенный мелодический рисунок. Позднее тюркоязычные поэты, в особенности такие крупные, как Навои, смело использовали в своих произведениях силлаботонический стих, который характерен для тюркских народных песен. Знала тюркская песенная поэзия и стих силлабический, рассчитанный на мелодическое исполнение.

Туркменские поэты в медресе либо с помощью старших сотоварищей по искусству обычно овладевали всеми употребительными в их эпоху приемами стихосложения. Однако предпочтение в большинстве случаев отдавали тем, которые ближе и доступней для восприятия аудиторией, далекой от книжной образованности. Реже всего, особенно в более поздние времена, употребляли «чистый»

пруз. Такова еще одна черта, придающая туркменской поэзии в целом оттенок демократизма.

Классическая просодия регламентировала длину стихотворной строки по количеству стоп (иначе — слогов). Краткая строка употреблялась для выражения чувств и ситуаций напряженных, энергичных, в отличие от многосложной, знаменующей собою раздумье, созерцание, плавность. Внутри строки было строго регламентировано место цезуры, одной или двух.

Строки объединяются в строфу. Кратчайшая строфа включает две строки (бейт). Они могут быть зарифмованы по схеме а-а, как у Сеиди:

Пускай любимую мою Полат-молла найдет,
Пусть он торопится идти, забыв дела, найдет.
(«Кто найдет?»)

Это — начальные строки газели, типичного произведения любовной лирики, обычно небольшого по объему (до десяти бейтов). Зарифмованы в этой газели две первые строки, а затем, тою же рифмой, каждая четная; нечетные строки не зарифмованы («холостая рифма»). Причем рифма («молла — дела») не заканчивает строку, после нее идет слово («найдет»), повторяемое без изменения. Это — редиф, особенность восточной поэтики: когда он есть в стихотворении (это может быть и группа слов), рифма считается предредифной.

Рифмы отличались многообразием, были неодинаковы по звучанию (ассонансы, консонансы) и по структуре. Так, различались рифмы простые (мужские, женские, дактилические), глубокие (гипердактилические) и сложные (состоящие из нескольких слов). Практиковался повтор рифмующих слов или слогов.

Газель, как форма изысканная, в туркменской поэзии широкого развития не получила. Еще реже употреблялась форма месневи — стихотворения, состоящего также из строф-двустуший (рифма обычно без редифа, а-а), не регламентированного ни объемом, ни содержанием: это мог быть философский трактат, жизнеописание, историческое повествование и т. д., нередко до размеров поэмы.

Прочнее всего на туркменской почве привилась строфа четырехстрочная — муреббá, примеров использования которой в стихотворении, обычно небольшом по объему, читатель найдет в предлагаемом сборнике великое множество. Причина такого предпочтения в том, что стихотворная строфа типа муребба совпала с древнетюркской песенной формой гошгá, тоже строящейся из четырехстрочных строф, с аналогичной системой рифм: а-б-а-б у первой

строфы, в-в-в-б, г-г-г-б и т. д. Стихотворения типа муретба-гошгы создавались на самую разнообразную тематику: это могли быть правоучения, лирика любовная или философская, оды (касыды), элегии (марсий), прославление воинских подвигов, призыв к защите Родины, дружеское послание, сатира на спесивого бека, жадного бая или слугителя культа, нечестивой жизнью попирающего догмы религии. Строфой муретба написано немало поэм. Форма эта хорошо запоминается, легко ложится на музыку. Благодаря своим многим положительным качествам она органично вошла, уже в наши дни, в туркменскую советскую поэзию, в отличие от более сложных строфических форм, в свое время тоже заимствованных из более зрелых литератур и освоенных на туркменской почве. Имеются в виду стихотворения, состоящие из строф по пять, шесть, семь и более строк (обычно многосложных — из тринадцати и более слогов): соответственно мухаммас, мусаддас, мусабба. Произведения подобного рода по содержанию относились, как правило, к области лирики, любовной или философской, представляли собой восхваления либо поминальные плачи, всегда изобиловали развернутыми, неторопливыми описаниями, плавными периодами, сложными метафорами. У каждого из туркменских поэтов-классиков таких стихотворений, тяготеющих к миру поэзии книжной, по количеству значительно меньше, чем четырехстрочников — гошгы. Очень редко встречаются стихотворения — шести- и семистроичники, когда строки в одной строфе неодинаковой длительности («Сразила красотой» у Зелили). Совсем уж единичны — и у наших двух авторов не представлены — довольно длинные стихотворения (эфсане), не членившиеся на строфы, где строки связаны монорифмой.

Таким образом, туркменская поэзия, как она сложилась к XVIII столетию — своему «золотому веку», — располагала значительным богатством средств художественного изображения, притом наиболее широко использовала те, которые были доступнее широкой массе ее «потребителей». Нечего и говорить, что какие бы то ни было формалистические ухищрения были туркменским поэтам абсолютно чужды. Следует еще отметить, что поэты, интуитивно или преднамеренно стремясь сделать свои творения как можно более близкими для соплеменников, во-первых, выражались простым языком, с наименьшим количеством нетюркской лексики, во-вторых, широко использовали образные средства, присущие фольклору, прежде всего пословицы, поговорки, афоризмы, традиционно песенные эпитеты, сравнения и т. д.

Туркменские племена оставались политически разрозненными, нередко враждующими, и, тем не менее, в силу осознаваемой, хотя и смутно, общности происхождения, а также в результате деятельности поэтов-патриотов, таких, как Махтумкули, призывавших на-

род к сплочению, поэзия у них рано сложилась *единая*. Предоставим слово академику В. В. Бартольд: «Несмотря на частые войны между туркменскими племенами и даже различными родами одного и того же племени, туркменский народ составлял в духовном отношении одно целое. . . Своеобразная поэзия была достоянием всего народа, и один и тот же поэт Махтумкули был национальным поэтом для всех туркмен».

Литературоведы указывают немало поэтов, туркмен по происхождению, которые жили и творили, применяя родной язык, в сопредельных странах. Одна из таких фигур — Мухаммед Байрамхан, военный и государственный деятель эпохи Великих Моголов (XVI в.) в Индии. Влияние его и ему подобных на духовную жизнь массы туркмен было, однако, ограниченным. Вообще о туркменских авторах до начала XVIII века сведения скудные. Лишь с этого времени мы можем говорить о своего рода литературной среде на туркменской земле.

Плеяду поэтов «золотого века», общих для всего народа, по праву открывает Довлетмамед Азади (гоклен) — не только поэт, но и философ, размышлявший на исторические темы. Его поэтический трактат «Вагзы азад» («Поучение свободного») — о природе власти, о справедливых и несправедливых правителях и т. д. — сделался политическим катехизисом для нескольких поколений мыслящего слоя народа. Махтумкули, сын Довлетмамеда, сформировался как поэт под сильнейшим духовным влиянием отца. Другом Махтумкули был поэт-воин Магрупи, родом из Ахала, в творчестве которого, сильней чем у собратьев по перу, отразились воззрения военно-феодалной верхушки общества. На земле Ахала, в среде текинцев и мелких, но сильных культурными традициями племен, в этот же период или немного позднее жили и слагали стихи поэт-песенник Шейдаи, автор дестана и лирических стихов Талиби, стихотворец и музыкант Курд-оглы. На Теджене родился, здесь же и окончил свои дни после многолетних скитаний Мамедвели, в стихах называвший себя Кемине, — человек-легенда, в истории туркменской литературы самый острый из социальных сатириков, по своей популярности в народе немного уступающий разве что Махтумкули. Поэтическую эстафету от этих прославленных мастеров уже в самом начале следующего столетия принял Молла-Непес, текинец с Мургаба, которому еще современники присвоили титул «падишаха лириков».

Учениками и последователями великого Махтумкули открыто называли себя не только те, кто жил и творил поблизости от его родных мест, испытывая в какой-то степени непосредственное, личное воздействие с его стороны. Как по тематике, так и по особенностям творчества близки Махтумкули поэты сравнительно дале-

кого Хорезма, уроженцы Балхан, Мангышлака. На севере к тому же ощущалось культурное влияние Хивы — города, никогда не считавшегося крупным центром литературной жизни, однако известного своими медресе (одно из них окончил и Махтумкули), традицией историографии. Достаточно назвать «Фирдаус-аль-икбал» («Райский сад счастья»), колоссальный труд, представляющий собой историческую летопись, богато уснащенную философско-этическими сентенциями, высокохудожественными стихами и т. д., совместное творение придворных историографов, поэтов Муниса и его племянника Агехи, продолжившего работу после смерти дяди. Из поэтов «туркменского Севера» заслуживают упоминания Андалиб, Шабенде, Хатам-шахир, Чары Афзал (конец XVIII — начало XIX в.).

Значительно более сильная поэтическая школа сложилась на Лебабе и вообще в среде туркмен, относившихся к Бухарскому эмирату. Ее поэты также по праву считаются общенациональными, они сами всегда подчеркивали надплеменный характер своего творчества, верность традициям Махтумкули, который и сам учился одно время на Лебабе. Здесь, помимо прославленных медресе города Бухары, существовало такое же учебное заведение, с богатым книгохранилищем, при мазаре Идрис-баба. Руководителем медресе был Ниязули-ахун, авторитетный в эмирате религиозно-политический деятель и поэт ортодоксального толка (под техаллусом Ниязи). Близким ему по духу творчества и политическим воззрениям был его современник Гаиби — тонкий и глубокий лирик, умеренный, как мы бы теперь сказали, либерал в политике, образованнейший книжник, несколько склонный к суфизму. Из поэтов, близких к правящим кругам, с соответствующей идеологической окраской, за свой талант заслуживает упоминания Аллахи. Гораздо более популярными здесь в конце XVIII — начале XIX века были поэты демократического толка, родившиеся в среде тружеников и не порвавшие с ней, — такие, как Шукури и особенно Зинхари, аульный кузнец, не прошедший медресе, однако ценимый слушателями за песни, проникновенные и близкие народным. Тут, в разнорациональной среде, сильно ощущалось влияние литературы соседей-узбеков. Хорошо знали и помнили здесь поэта — вольнодумца и мученика Машраба. Знали всюду в среде туркмен и Навои, которого представляли бедняком-мудрецом (под именем Мирали) в цикле популярных анекдотов; поэты, разумеется, числили его среди своих авторитетных учителей.

Коллективное сознание народа фиксировало и осмысляло события его жизни, по традиции, в образной, художественной форме. На этом поприще выявляли себя все новые и новые таланты, в историю литературы вписывались славные имена.

Туркменская литература изначально развивалась без дружеской помощи естественного пособника — литературоведения. Она не знала того, что, скажем, в культурной жизни соседей-узбеков составляло заметное явление, — так называемых тезкирэ, книг, в которых записывалось все касающееся поэтов, вообще пишущих людей, в ту или иную эпоху оставивших по себе след в народной памяти. Практически все, что мы сегодня знаем о туркменских поэтах того же XVIII столетия, донесли до нас устные предания (записанные более или менее точно, в записях сохранившихся или уже утраченных, — это особый вопрос). Какой-либо объективной проверке они, как правило, не поддаются. Потому все, что ниже будет сказано о двух поэтах — классиках туркменской литературы — Сеиди и Зелили, следует рассматривать как более или менее предположительное; не исключено, что после выхода в свет предлагаемой читателю книги наши сведения о поэтах будут уточнены и расширены. Столь же, как и устные предания, важен второй источник сведений о поэтах — их собственные стихи (в той степени, в какой тексты могут считаться достоверными). Источник этот авторитетный: человек сам говорит о себе, о родных и соплеменниках, о своем времени, событиях и т. п. Все, что будет сказано ниже, базируется на двух названных источниках, уже до нас широко, притом критически, использованных туркменскими литературоведами.

Первый из поэтов, которому посвящен наш сборник, старший по возрасту, — Сеиди.¹

Как известно, эрсари, населявшие плодородные оазисы Лебаба, жили оседло, обрабатывали землю, не оставляя, как и все туркмены, скотоводства. Хань (впоследствии эмиры) Бухары издавна сумели довольно прочно утвердить свою власть над многолюдным племенем, в частности тем, что подкупили, задарили, возвели в чины многих представителей родо-племенной, феодализирующейся верхушки, тогда как масса народа всегда питала к бухарской власти враждебность, которая неоднократно прорывалась открытым возмущением. Масса эта состояла из бедняков, лишившихся земли

¹ Ряд исследователей истории туркменской литературы, в их числе член-корр. Академии наук Туркменской ССР З. Б. Мухамедова, на основе новейших данных полагает, что в XVIII—XIX веках жили и творили по меньшей мере два поэта, прославившихся под именем (техаллусом) Сеиди. Один, старший, — Сеидназар, поэт и полководец, сфера деятельности которого ограничилась восточными районами Туркмении (Лебаб, Мургаб), а также Хивинским ханством. Другой, младший, — Артыкмухаммед, родившийся и живший на Гургене, ровесник и друг Зелили. Решение этого сложного вопроса — дело будущего.

и скота, еще бывших рабов, тоже, как правило, немущих, а также довольно многочисленного среднего слоя — тех, кто жил своим трудом и обладал сравнительным достатком. К такому слою, очевидно, и принадлежала семья, в которой родился и вырос будущий поэт. При рождении, как считают согласно преданию, в 1775 году ему дали имя Сеидназар. Место рождения будущего поэта — небольшой аул Ламба, вблизи Карабскаула, крупного селения на правом берегу Амударьи, приблизительно на равном расстоянии между городами Керки на юге и Чарджуем на севере. Отца мальчика звали Хабиб-ходжа, мать — Говхершад. У Сеидназара был брат Мяти, сестры Оразбахт, Карры, Оразбиби; все их имена встречаются в стихах. Некоторые исследователи называют еще одну сестру поэта — Донди, очевидно младшую; говорится, что в нее был влюблен и безуспешно сватал за себя Зелили, младший современник и друг Сеиди. Одно из стихотворений Зелили («Пойдем») как будто подтверждает такую версию: в нем Зелили приглашает своего друга навестить юную Донди. В стихотворении не говорится, однако, что Донди и Сеиди — сестра и брат, в стихах самого Сеиди она не упомянута ни разу. Не позволяет же принять версию «Донди — сестра Сеиди» тот факт, что Зелили, как явствует из многих его стихов, страстно влюбленный в эту девушку, не смог, вопреки своему горячему желанию, на ней жениться из-за несогласия родителей (о чем говорят предания). Наверняка такого не произошло бы, будь Донди в самом деле родной сестрой Сеиди — его близкого друга. Вопрос этот нельзя, однако, считать выясненным до конца.

В детстве он учится в аульном мектебе. Позже, влекомый рано пробудившейся жаждой знаний, поступает в медресе, сперва неподалеку — в Халаче. Впоследствии Сеиди сменил несколько медресе, в частности провел не один год в Хиве и Бухаре. Скорее всего, в Хивинском ханстве, где всегда бывало много выходцев с гокленского «юга», он встретил юношу, который стал его другом, невзирая на разницу в возрасте, и впоследствии прославился как поэт под именем Зелили.

Личная жизнь Сеиди складывалась трудно и в конечном итоге несчастливо.

Завершив учебу (впоследствии, как и у многих, дополненное самообразованием), Сеиди возвратился на родину, обзавелся семьей, женившись на сверстнице-односельчанке по имени Хатиджа, которую горячо любил и которой посвятил немало проникновенных строк в своих стихах. Сперва у супругов родились сыновья, Бек-Назар и Сахиб-Назар, однако оба умерли в детском возрасте. Позже было еще двое сыновей, Мир-Хайдар и Мир-Эсен, которые с родителями разделили изгнание на Гурген уже в 20-е годы XIX столетия. Сохранились поэтические диалоги Сеиди с Мир-Эсе-

ном, — очевидно, последний из детского возраста уже вышел. Обоих этих сыновей, однако, тоже постигли сперва болезнь, потом смерть. Вскоре после этого скончалась Хатиджа. Поэт, уже в летах, остался с малолетними дочерьми, их звали Патма и Зохре, и решил создать новую семью. Ему указали на жившую в Бахардене, на западе Ахала, неподалеку от тех мест, где поэт в то время обосновался, молодую вдову по имени Шемшат; ей тоже посвящены пылкие стихи. Женитьба состоялась, брак оказался счастливым во всех отношениях: Шемшат вполне заменила девочкам мать. Но и дочери вскоре умерли. Таким образом, потомства у Сеиди не осталось — это можно считать доказанным, ибо в подобных вопросах предания точны, а хранители их щепетильны.

Средства на жизнь поэт добывал крестьянским трудом, как рассказывают и как он сам свидетельствует в стихотворении «Прощайте ныне»: «Я здесь работал кетменем, платил и дани, и хараджи. Хлеб зарабатывать трудом».¹ Наряду с этим он, очевидно, весьма рано выдвинулся среди односельчан, а затем и снискал славу по всему Лебабу, как человек глубоких, разносторонних знаний. Они сочетались в его натуре со многими дарованиями. Прежде всего — поэтическим: уже в молодые годы Сеиди слагал звучные, пропизанные мыслью и чувством стихи, которые сразу привлекли внимание современников. К тому же поэт зарекомендовал себя одаренным бахши — певцом-сказителем, а без этого персонажа, по традиции, не обходилось ни одно сколько-нибудь значительное событие в жизни общины.

Авторитет среди соплеменников Сеиди снискал и на другом поприще. Он проявил горячий интерес ко всему, что составляло сущность военного дела в его время. Политическая обстановка в эмирате и особенно на Лебабе, его окраине, неизменно оставалась неустойчивой и тревожной — оружие всегда следовало держать наготове и навыки владения им совершенствовать неустанно. Проявив себя на поле брани, Сеиди, очевидно, получил право претендовать на роль военачальника — и тут оказался на высоте, так что «сердар» сделалось его обычным наименованием («Я — сердар отважных», — говорит он о себе в стихотворении «Храбрецы»). Предание свидетельствует, а стихи подтверждают, что он, должно быть в связи с внешнеполитическими событиями, возможно во главе воинов, выступавших на подмогу братским племенам, не однажды побывал в разных концах туркменской земли и за ее пределами, где завязал дружеские связи, зарекомендовав себя с самой лучшей стороны.

¹ Именно таким изображается поэт в цикле рассказов («Повести в рассказах») его земляка, современного туркменского писателя Наримана Джумаева «Сквозь сито времени» (сб. «Холостой выстрел». М., 1973).

В 20-е годы XIX века, когда поэт уже достиг зрелого возраста, его ум, авторитет и разносторонние дарования весьма пригодились соплеменникам в критической для них ситуации. Годы правления в Бухаре эмира Мир-Хайдара (1800—1826) были наполнены неурядицами, восстаниями крестьян и горожан, нашествиями кочевых племен. В этих условиях в среде правящей верхушки эрсари, хотя вообще тяготеющей к эмирату, находила благоприятную почву идея — отделиться от него, устроить жизнь на началах вассалитета или же полной независимости.

Влиятельный Солтаннияз-бек сделался душой такого заговора, и Сеиди, благодаря своим заслугам ставший вровень с теми, кто решал судьбы народа, поддерживал этого бека, хотя и с оговорками, открыто критикуя то, что в его личности и деятельности было отрицательным. В связи с упомянутым заговором или без такой связи — исторические источники о событиях этого времени вообще умалчивают — эмир порешил то ли застрашать или прямо покарать строптивых эрсаринцев, то ли обложить их добавочными данями на ведение войн внутри и вне государства. Во всяком случае, приблизительно в 1823 году большое эмирское войско двинулось на Лебаб. Туркмены решили выступить против него с оружием в руках. Трудно сказать, с какой именно политической целью — не допустить изменения существующего статуса зависимости, воспрепятствовать поборам или же прямо отложиться от эмирата. Сказывалось, безусловно, и стремление поквитаться за обиды минувших времен. Вождем начавшегося движения молва прямо называет Сеиди. Его собственные стихи этой поры звучат как подлинные прокламации:

Сабли наголо, джигиты! Путь наш праведен и прям.
Чтобы птицам вновь гнездиться, полыхать в садах цветам,
Чтобы сгинули невзгоды, возвратилось счастье к нам —
Силы храбростью утроним, час расплаты наступил.

(«Час расплаты»)

И еще — по-видимому, для души, в минуты раздумья:

Меч поднял за счастье земли Сеиди.
Пусть сердце стучит и ликует в груди.
Не дрогну пред смертью, что ждет впереди, —
Мне с жизнью не жалко расстаться, друзья!

(«Друзья»)

Дошло ли дело до вооруженного столкновения, неизвестно. Результатом этих событий явилось то, что эрсари — определенно не

Все племя (ибо эрсари на Лебабе живут и поныне), но значительная его часть — в 1823—1824 годах, как сам Сеиди указывает, да-тируя «по хиджре» в стихотворении «Ушли мы навеки», решили покинуть родные земли, сменить подданство. Сеиди же и был признан, очевидно по волеизъявлению народа, организовать и возглавить этот горестный исход на чужбину.

Поначалу выселенцы направились в Хиву, под «высокую руку» хана Мухаммед-Рахима I, давнего соперника бухарских правителей. Стихотворение Сеиди «К вам сюда просить подмоги...», по-видимому, является посланием хану Мухаммед-Рахиму от имени туркмен эрсари, покинувших Бухарский эмират. Возможно, Сеиди возглавил посольство, доставившее хану это послание. Смысл его в том, что эрсари просят Мухаммед-Рахима принять их в подданство и сразу же направить в поход — отвоевывать у Бухары Мервский оазис, где сами они хотели бы поселиться, обретя новую родину.

Это предприятие определено не осуществилось. Вообще с хивинским властителем у Сеиди издавна складывались сложные отношения. Есть сведения, что еще до «исхода» с Лебаба поэт-воин возглавил восстание одного из туркменских племен — скорее всего йомудов — против власти Мухаммед-Рахима. Так или иначе, отношения пришельцев эрсари с ханом хивинским очень скоро окончательно испортились. Период пребывания в Хиве сам Сеиди вспоминает с отвращением и горечью: «От милостей ханских бежали в пески. От злого хивинца теперь далеки» («В разлученье»). И завершился этот период — как свидетельствуют и стихи поэта, и предания — тем, что эрсари снова отправились в странствие. Теперь уже через центральные Каракумы, на юг, туда, где живут гоклены, зависимые от Ирана. Ряд свидетельств говорит за то, что такой план существовал у них еще и до выхода в Хиву.

Повлияло ли на решение эрсари отправиться из Хивы на юг то обстоятельство, что возглавивший их Сеиди имел в среде гокленов давнего друга — поэта Зелили? Сопоставляя даты и обстоятельства биографии того и другого, мы видим, что в момент, когда эрсарины снялись с насиженных мест, сам Зелили, скорее всего, находился не на родине, а в Хиве, в ханском плену. С другой стороны, можно с уверенностью предполагать, что Сеиди, притом, возможно, не один, а вместе с воинами-эрсари, уже прежде бывал на Гургене и питал уверенность, что он и его соплеменники встретят там радужный прием.

Эти ожидания как будто оправдались: пришельцы без помех расселись на землях гокленов, сам Сеиди создал здесь вторую семью. Очевидно, рядом с ним был теперь и Зелили, после 1825 года получивший возможность вернуться из Хивы на родину (подробнее об этом будет сказано ниже). Ситуация, однако, здесь складыва-

лась даже еще более тревожная, чем на оставленном Лебабе. Слабая на окраинах шахская власть не могла обезопасить туркмен от грабительских набегов со стороны местных полупезависимых феодалов, в частности курдских князьков; воинственные курды были в свое время поселены на севере Ирана как сила, пацеленная как раз против туркмен. Сеиди со всем пылом ратоборца и народного вожака — защитника справедливости — бросается в сражения, отбивая нашествия и обращая в бегство врагов. Он группирует вокруг себя опытных сердаров, предание сохранило их имена: Сопи Дурды, Таганклыч-сердар, Джумадурды, Ораз-Кёр. Туркмены одерживают ряд славных побед, но общее положение изменить не в силах. В одном из сражений с захватчиками, которых вел Ахмедалимирза, туркмены были разбиты. Сведения о конце самого Сеиди противоречивы — он то ли пал на поле боя, то ли умер от ран, то ли был взят в плен и окончил жизнь в темнице. Аргументом в пользу последней версии, может быть, является стихотворение «Прощай навеки», в котором поэт, пусть не прямо, говорит о том, что он — во вражеском плену, из которого ему не выйти, мысленно прощается с друзьями и близкими. Существуют также легенды, что будто бы Сеиди все же удалось вырваться из неволи, что он неожиданно явился к друзьям, которые уже оплакали его гибель в бою.

Таким образом, в лице Сеиди перед нами не только высокоодаренный поэт, но еще и одушевленный светлыми идеалами гуманности и патриотизма государственный, военный деятель, оставивший след в истории родного народа, в ее тяжелейшую годину, как самоотверженный защитник его кровных интересов. Это в значительной степени определило и тематику, и идейную направленность, и даже образную систему лучшего из того, что Сеиди создал в поэзии.

4

Предания, память народа, а также рукописи — позднейшие, не прижизненные — донесли до нас несколько десятков стихотворений Сеиди, небольших или средних по объему. Это некоторое число газелей, затем четверостишия (как законченные произведения), множество стихотворений из строф типа муретба (гошгы) и значительно меньше таких, которые состоят из строф количеством больше четырех. Дошел до нас и дестан Сеиди «Две мои веточки», в сущности — цикл стихотворений (без прозаического текста), связанных темой утраты автором сперва двух младших, затем и двух старших сыновей. В этот цикл включены и диалоги Сеиди с тем или

другим из сыновей (при жизни), и поэтические обращения к Сеиди со стороны других лиц, с утешением, советами не предаваться всецело скорби и т. п. Дестан, из которого мы публикуем несколько стихотворений, интересен и ценен тем, что в нем Сеиди, повествуя о событиях личной, неблагоприятно сложившейся жизни, представляет ее как символ и сквозь ее призму раскрывает картину бедствий и страданий, переживаемых всем народом. С силой и мастерством подлинного таланта поэтизирует автор как родительскую любовь, человеческие качества умерших сыновей, так и жгучее горе утраты. Всем этим дестан Сеиди привлекал и очаровывал слушателя столетие назад, способен вызвать истинное наслаждение и сопереживание у читателя сегодняшнего.

Тематика стихотворений Сеиди в целом традиционна для туркменских поэтов классической эпохи. Это, прежде всего, такие стихотворения, в которых прямо или косвенно отразились события жизни автора, запечатлены образы его современников, как друзей, так и врагов, говорится о Родине и о любви к ней, содержатся призывы защищать ее с оружием в руках.

Родная земля — основа всего сущего в сфере материальной и духовной. В стихах Сеиди запечатлен высокопоэтический образ Родины, горячо любимой ее сынами:

Выйдем без цели вешней бродить порой —
Манят нас вдаль твои дороги, пустыня.
Ищем мы дела или забавы лихой —
Рядом с тобой все забавы убоги, пустыня.

...С нами веселья делишь ты пьяный сок.
Любим тебя мы, иначе — какой нам прок?
Исхожен нами и вдоль он, и поперек —
Путь твой, простор твой, полный сладкой неги, пустыня.

(«Пустыня»)

Подобного рода строфы, проникнутые оптимизмом, выглядят, однако, исключением на фоне гораздо более многочисленных — таких, в которых родная земля, прекрасная, обильная, дорогая сердцу, оплакивается, ибо поэт и его соплеменники вынуждены покинуть ее и искать прибежища на чужбине. Выше мы видели, какими событиями в жизни поэта и всего народа это было вызвано. У Сеиди находим целую серию горестных стихотворений, отобразивших эти события («Прощайте ныне», «Ушли мы навеки» и т. д.). Скорбь и уныние, однако, не являются в них всецело доминирующими. Сеиди — воин, «сердар отважных», и родину он покидает лишь после того, как не однажды поднимал оружие против тех, кто

угнетает народ, прежде всего против эмира и его подручных. События такого рода, соответствующие эмоции автора и его сподвижников запечатлены в пространной серии стихотворений, которые можно определить как воинские песни. В них — и восхваление доблести, подвигов истинного джигита-ратоборца, и призыв к соплеменникам взяться за оружие, и угроза врагу, презрение к трусу и отступнику:

Сеиди зовет: в сраженье риньтесь, Родины сыны!
Счастье — жертвовать собою за судьбу родной страны.
Красно небо над Лебабом, и пески кругом красны, —
Эй, друзья, готовьтесь к бою, час расплаты наступил!
(«Час расплаты»)

В этом стихотворении — а с ним по тематике и образному строю перекликаются «Храбрецы», «Друзья» и т. д. — среди тех, кто незримо способствует туркменским воинам, не случайно назван легендарный богатырь-поэт Кёр-оглы. В творчестве Сеиди, в его героико-патриотических стихах влияние эпического дестана о Кёр-оглы ощущается с такою силой и отчетливостью, как, пожалуй, ни у кого больше из туркменских поэтов прошлого. Эпические произведения, подобные названному, создававшиеся у народов Средней Азии с древних времен и вплоть до XX столетия, — еще один сильно действующий фактор, во многом формировавший тематику и систему средств изображения туркменской поэзии.

К произведениям патриотическим как развитие темы, кардинальной для творчества Сеиди, непосредственно примыкают стихотворения нравоучительного содержания («Будь благороден», «Придет» и др.), в которых прославляются доблесть и мужество воина, поэтизируется то, что служит защите Родины от врагов, посрамляются трусость и малодушие. Подобные стихи имели в свое время важное воспитательное значение. Действенность их, засвидетельствованная подвигами самого поэта, его личным участием в трудах, заботах и горестях народа, была исключительной долгие десятилетия после кончины автора, до самых последних времен, когда на долю туркмен, как и всех народов-побратимов, выпали испытания навязанной фашистами войны. В этом смысле мы вправе назвать Сеиди — пламенного поэта-патриота — нашим современником и единомышленником.

Тот, кто наделен поэтическим даром, в своем творчестве неизменно выявляет различные грани своей души. При этом происходит благотворная для духовной культуры народа встреча взаимонаправленных тенденций: у поэта — выразить себя, то, что рождает сердце и разум от постижения действительности, у читателя (слу-

шателя) — опираясь на поэтическое слово, образ, мелодию стиха или песни, осмыслить происходящее в душе, оформить наполняющие ее эмоции. Чем талантливее поэт, чем искреннее он в самовыражении, тем сильнее тянутся к нему людские сердца, тем глубже оставленный в них след, тем сохраннее в веках, в исторических перипетиях сами перлы поэзии.

Талант и искренность Сеиди, возвышенность и чистота его воззрений на любовь, на женщину предопределили долговечность и эмоциональную действенность его любовной лирики. В целом она рождает представление о Сеиди как о натуре страстной, импульсивной, способной на безудержное восхищение красотой женщины, перерастающее в глубокую влюбленность, обожание. Очевидно, в юные годы поэта родились многочисленные стихотворения, сходные по тематике, неодинаковые по форме, богатые образами (такие, как «Два цветка», «Арзыгюль», «Аблаксаят», «Халлы», «Назли»), в которых поэт с неизменной пылкостью выражает готовность отдать сердце то одной, то другой красавице. При этом для каждой из них он находит слова, не оставляющие сомнений в искренности его чувства.

Характерно стихотворение «Два цветка». Поэт в растерянности — влюбился разом в двух женщин. Повествуя об этом с оттенком иронии в свой собственный адрес, он для каждой из двух находит эпитеты и образы, возвышающие, облагораживающие. Подаются они в стихах способом антитезы, чем усиливаются четкость восприятия и эмоциональная действенность:

...Одна — вальяжная сонá,
Свежа другая, как весна.
Дух будоражит мне одна,
С другой я благостно притих.

...Глаза одной таят дурман,
Другая — маленький джейран.
Одна наносит сотни ран,
Другая исцеляет их.

Любовная лирика Сеиди представляет многообразие эмоций в сфере земной, человеческой любви. Она может быть мимолетной или глубокой, раздвоенной или цельной, счастливой и разделенной либо, наоборот, несчастливой — утраченной, отвергнутой, как в стихотворениях «Коварная», «Пора такая», «Несчастный Сеиди». Во всем этом отражаются глубина, сложность и богатство духовного мира самого поэта, его способность чутко улавливать и виртуозно запечатлевать стихом различные оттенки чувств и эмоций. Отсюда —

популярность лирических стихов Сеиди, непреходящая их действенность.

Для характеристики нравственного облика Сеиди, его позиции в вопросах морали, выявления его эстетического идеала первостепенную важность имеет то, что, с одной стороны, он неизменно видит в женщине живого человека, безусловно имеющего, наравне с мужчиной, право наслаждаться земными радостями, с другой — готов поднять женщину на пьедестал как предмет преклонения, средоточие и символ всего самого чистого и светлого:

Ты вряд ли ведаешь сама, как всемогуща красота.
Как жемчуг зубы у тебя и как рубин горят уста.
Бог создал, чтоб сияла ты, и недоступна и чиста.
Людей к подножью твоему влечет высокая мечта,
Кто лицезрел тебя хоть раз, рассудка тот лишен, Назли!

(«Назли»)

Здесь, как и во многих подобных строках, традиционные для ближневосточной поэзии средства живописания женской красоты одухотворены высокоправственным отношением к женщине. Можно утверждать, что такое отношение было вообще характерным для туркменской классической поэзии в ее лучших образцах. Этим доказывается, что наиболее просвещенным представителям туркменского общества в прошлом были чужды косные и антигуманные воззрения на женщину — домашнюю рабыню, постулируемые шариадом, а также традиционным неписаным правом кочевых племен (адат, туркменчилик).

В серию лирических произведений Сеиди естественно входят его стихи, обращенные к Хатидже — первой жене. Как известно, она умерла, когда поэт еще не достиг преклонного возраста. И стихи, адресованные Шемшат, второй жене, пылкостью выражаемых в них эмоций не уступают тем, что были в свое время обращены к Хатидже. Натура поэта и здесь проявила себя вполне.

Интересно длинное, состоящее из не характерных для Сеиди многострочных строф, стихотворение-ода «Не найти». Ситуация, предлагаемая в нем читателю, — якобы автор (лирический герой) отправляется в долгое странствие, объезжает десятки стран и городов с единственной целью отыскать красавицу, подобную той (не названной по имени), которую он воспеваает, — эта ситуация откровенно представляется невероятной, нарочито гротескной. Правда, такого рода произведения были традиционными; подобные мы находим, в частности, и у Махтумкули, и у Зелили. Но, думается, здесь содержится и элемент пародии на содержание, форму и высокопарный стиль жанра оды — восхваления красавицы, равной ко-

торой якобы не сыскать во всей вселенной. Определенно на комический эффект у слушателей рассчитано нагромождение десятков наименований городов, стран, народов, где герой ищет подобие своему кумиру.

На основе произведений, собранных по поздним рукописям (не автографам), по записям на основе изустной передачи трудно заключить, какой именно тематике поэт отдавал предпочтение, какие проблемы разрабатывал в своем творчестве более глубоко и охотно. Справедливо, однако, и другое: народная память сберегла в большом количестве как раз то, что для автора, для его личности, как она воспринималась современниками и потомками, представлялось более характерным, органичным, чаще исполнялось им самим или другими. Так или иначе, у Сеиди мы видим меньше стихотворений дидактического характера, еще меньше — отвлеченно-философского, апокалипсического, с напоминаниями о Страшном суде, неизбежном возмездии за земные прегрешения и т. п., чем, к примеру, у Махтумкули, Зелили. Для творчества Сеиди зато более характерна своего рода публицистичность: он неоднократно с гневом порицает злодеяния не абстрактного правителя (что было традиционным), а конкретных — Мир-Хайдара, Мухаммед-Рахима. Без пощадности обличал он тех, кто, изменив делу, общему для всех эрсари, раболепствует перед тираном, и прямо указывал на их имущественное положение:

А те, кому выгодна власть Мир-Хайдара,
Живут, умножая овечьи отары, —
Сумел подкупить богатеев недаром
Злодей нелюдимый... Ушли мы навеки.

(«Ушли мы навеки»)

Можно предполагать, как это и делает Н. Джумаев в упомянутом цикле рассказов, что именно разногласия в племенной верхушке эрсари помешали им в решающий момент дать отпор эмиру и в конце концов вынудили, чтобы избегнуть его мести, покинуть Родину. На это как будто указывает и проникнутое сарказмом по адресу соплеменников короткое стихотворение Сеиди «Уйдем!». Известно, что в среде туркмен, живших в эмирате, имелись убежденные противники вооруженной борьбы против произвола власти. Позицию таких «примиренцев» выражал в стихах публицистического характера уже известный нам поэт Гаиби, а Сеиди, тоже в стихах, энергично с ним полемизировал.

Конкретность, известная «приземленность» отличает стихотворения Сеиди социально-обличительного или дидактического характера, не ассоциируемые с тем или иным этапом его биографии. Поэт

упорно, с тревогой за будущее и внутренней болью размышляет над проблемой бедности и богатства:

Последних мы лишились благ,
Не смог насытиться бедняк.
Бай-ростовщик набил кушак,
И подлецы всю власть забрали.

...У ханов скаредна душа,
У нищих денег ни гроша.
Мошна толста у торгаша,
Купцы барыш считать устали.

(«Будь добрым»)

Симпатии самого Сеиди всецело на стороне честного бедняка, он неоднократно подчеркивает собственное отвращение к стяжательству («Имя честное свое я ничем не запятнал, а богатства у меня нет иного» — стихотворение «Молодицы»). Особую ненависть вызывают у поэта алчные служители религии, обличению их посвятил он немало беспощадных, разящих строк: «Мулла набьет утробу всласть, а совесть отдает на слом» («Продают друзей»). Он ясно осознает, что власть имущие — на стороне богатых, заодно с ними творят произвол («Богатеи и тираны нашу землю продают», «С давних пор казн и ханы искажают шариат» — стихотворение «Лучше»). Правителей своего времени он, очевидно, считает неспособными объединить народ, обеспечить ему спокойное существование, сетует на разобщенность туркменских племен («Когда враждуют племена, отчизна разъединена» — стихотворение «Ныне»). Как мы видели, его собственная деятельность, политическая и военная, была направлена именно на сплочение туркменских племен. За это, как и за высокие общечеловеческие идеалы, он всю жизнь неустанно сражался и мечом и словом.

Есть у Сеиди стихотворения, в которых он обобщенно выражает свое недовольство и тревогу по поводу утверждающихся в среде народа нравственных зол. Такие произведения неизменно отмечены чертами конкретности:

Двуличный властвует злодей,
Святым слывет прелюбодей.
Изгнали праведных людей —
Лебав похож на смрадный ад.

(«Лебав»)

И еще, из ряда подобных же высказываний:

Сердца невежд развращены.
Страдает правый без вины.
Злодеев ханов у страны,
Увы, не скрою, стало больше.

(«Стало больше»)

Сильный критикой, обличением социальных зол своего времени, Сеиди слабее там, где нужно увидеть и утвердить в этой сфере идеалы положительные. Мы не найдем в его стихах того, что было характерным для его учителей и предшественников Азади и Махтумкули, — призывов к тому или иному правителю возглавить весь туркменский народ, объединить племена в централизованном государстве, управляемом на основах справедливости, — иначе говоря, мечты об абсолютном просвещенном монархе, как мы теперь сказали бы. Несмотря на утопичность подобного образа в исторических условиях Ближнего Востока, он все же является ориентиром, определяющим социально-политическую и нравственную установку автора. Можно лишь догадываться — по духу, общему настрою таких стихотворений, как «Джигит из племени эрсари», — что ближе всего сердцу поэта был родо-племенной, дофеодальный уклад с его простотой и ясностью отношений между людьми на основах равенства и прочных нравственных устоев. В этом — исторически обусловленная ограниченность его социальных воззрений.

Слабо выражены положительные начала и в тех стихах Сеиди, где он дает соплеменникам советы и наставления этического характера в чисто житейской практике («Честным будь и сына к правде с малолетства приучай» — стихотворение «Лучше», и мн. др.). В подобных случаях как на источник мудрых заветов в сфере нравственности он неизменно ссылается на Коран, на шариат, нигде, однако, не подчеркивая своей глубокой религиозности, не уповая на аллаха как последнее прибежище и защиту в мире, где властвует зло, и т. д. Оставаясь правоверным мусульманином, Сеиди, очевидно, чужд религиозного фанатизма, как и большинство туркмен его времени, в разных слоях общества. Рядом с традиционными для поэзии сетованиями на бренность видимого мира с гораздо большей силой звучат в стихах Сеиди мотивы жизнеутверждающие («Дороже денег жизни миг»), даже откровенно анакреонтические, какими особенно богата его любовная лирика.

Таким образом, прижизненная слава Сеиди, как и его популярность в последующие времена заслужены им по праву, обусловлены его талантом и энергией, оплачены неустанными трудами, кровью

и, наконец, самой жизнью. В совершенной, высокохудожественной форме он сумел выразить то, что было для народа остро актуальным в самых существенных сторонах его социального бытия.

5

О жизни и творчестве Зелили мы также можем говорить, ссылаясь только на предания и на его собственные стихи. Год его рождения определяется приближенно — 1779 или 1780. Родился будущий поэт на Гургене, в среде оседлого племени гоклен, колена горкез (ответвления рода додурга), в селении Кара-Гузы, и при рождении получил имя Курбандурды. Семья была крестьянская, среднего достатка. Отца звали Мамеддовлет, мать — Хурма. Предание называет ее родной сестрой Махтумкули, следовательно, Курбандурды, впоследствии поэт Зелили, его родной племянник по матери. В семье был еще один сын, по имени Непес.

В детские годы семья будущего поэта переехала в район селения Карры-Кала, что на западе горной гряды Копетдаг, где туркмены племени гоклен издавна были менее зависимы от иранских властей, чем их собратья, обитавшие южнее.

Пройдя, по традиции местных оседлых земледельцев, курс обучения в мектебе, затем в медресе, Курбандурды женился, — однако не на той, кого страстно любил, должно быть, не один год перед тем. Имеется в виду девушка по имени Донди, якобы сестра поэта Сеиди (см. выше, с. 26), ей будущий поэт посвятил пылкие восхваления в стихах. Женитьба на ней не состоялась, и это, кажется, наложило мрачный отпечаток на психику поэта, сказывалось в течение всей его последующей жизни. Он женился на Нури, дочери бедного чабана из южных, населенных полукочевниками районов. В браке родилось несколько детей, но все умерли в раннем возрасте. И лишь за несколько месяцев до безвременной кончины Нури появился на свет мальчик, которого в честь деда нарекли именем Мамеддовлет. Ему суждена была долгая жизнь, — по достоверным сведениям, он умер в 1917 или 1918 году. Вторая жена его, Халлыбиби, значительно моложе мужа, была уже нашей современницей — ушла из жизни в 1965 году, от нее ученые узнали немало ценного о семье Зелили. Довольно многочисленные потомки его по этой линии здравствуют по сей день, их можно встретить в Карры-Кале, в Кизил-Арвате; внук Зелили Джума участвовал в Великой Отечественной войне.

Итак, в детские годы Курбандурды учился в аульном мектебе, преподавал в котором не кто иной, как сам Махтумкули. Естественно, что общение с ним, да еще при близком родстве, оказало ре-

шающее воздействие на формирование характера и духовного мира юноши, на определение круга его понятий, убеждений, интересов, жизненных целей. Конечно же, не без прямого влияния Махтумкули — его советов, поучений, рассказов и т. п. — Курбандурды, возможно уже в молодые годы начавший слагать стихи, отправляется продолжать учение в далекую Хиву, в одно из прославленных медресе, основанное в начале XIX века будущим ханом Ширгази и носившее его имя. В этой богословской школе учился в свое время и Махтумкули. Медресе Ширгази было привилегированным, туда принимали выходцев только из тех семей, которые стояли близко к ханскому двору или же были отмечены особыми заслугами перед властью и страной. Очевидно, к категории последних относилась семья, родоначальником которой был Азади, отец Махтумкули, почему в эту школу и был открыт путь племяннику последнего. Преподавание здесь стояло на самом высоком уровне для своего времени и культурных возможностей ханства. То был своего рода университет, дававший знания весьма глубокие и обширные.

Кроме того, молодой южанин учился в так называемом «медресе гокленов» (там они, видимо, преобладали, составляя своего рода землячество), находившемся в Куля-Ургенче. Тут-то, в хивинских пределах, на рубеже столетий XVIII и XIX, очевидно, и состоялась встреча молодых в то время Зелили и Сеиди, положившая начало их дружбе на всю жизнь, вплоть до кончины старшего — Сеиди.

Учащиеся медресе, упражняясь в стихосложении, по традиции выбирали себе поэтический псевдоним (техаллус). Молодой Курбандурды с Гургена стал называть себя Зелили, что по-арабски значит: Слабый, Униженный, Измученный, Опечаленный и т. д. Техаллусы такого рода также были традиционными, с подтекстом: Униженный — пред лицом всемогущего аллаха. Выбор Зелили, однако, в немалой степени был предопределен как несчастливыми событиями его биографии, так и рано проявившимися особенностями духовного склада.

Пребывание в медресе на чужбине — один из самых значительных периодов в жизни Зелили, вообще небогатой внешними событиями. Окончив курс обучения, поэт возвратился на родину. Должно быть, он и в этот период встречался с Сеиди, который был, как мы знаем, весьма «легок на подъем». Они обменивались посланиями — те, которые нам доподлинно известны и приводятся здесь (относящиеся к более позднему времени), явно опираются на уже сложившуюся прежде традицию. Сам Зелили довольно долго не покидал родных мест. Он занялся ремеслом чеканщика по металлу. Махтумкули также зарабатывал на жизнь кроме учительства главным

образом чеканкой по серебру, — можно думать, что профессии подобного рода были наследственными в семейно-родовом клане, к которому принадлежали оба поэта. Следует вспомнить также деда Махтумкули, носившего такое же имя и еще прозвище Ёначи, т. е. мастер по изготовлению помещаемых под верховое седло конских потников. Вместе с тем Зелили, тоже по примеру своего великого дяди, стал учить детей в сельском мектебе; такая преемственность сама по себе характеризует мектебы тех лет в долине Атрека и то, какую роль они могли играть в культурной жизни народа. Теперь, в зрелые годы, полностью разворачивается поэтический талант Зелили. Предание изображает его также одаренным музыкантом — бахши, который сам подбирал мелодии к собственным стихам и исполнял их под аккомпанемент дутара. Образованный, неизменно доброжелательный к людям, скромный и непритязательный в личной жизни, при этом слагатель стихов, мудрых и пронизанных глубокими, светлыми чувствами, Зелили очень скоро снискал уважение соплеменников, его слава начала распространяться во все концы туркменской земли.

Обстановка в южных ее районах, куда распространялась власть иранских шахов, была далеко не стабильной. Страна до основания была потрясена внутренними раздорами конца предшествующего столетия. К этому добавились результаты воздействия фактора внешнеполитического — неоднократных поражений в войнах, ослаблявших государство и продолжавшихся вплоть до 1828 года, когда был заключен известный Туркманчайский трактат, положивший начало последующим мирным отношениям между двумя соседними державами (вспомним, что в этом дипломатическом акте выдающуюся роль сыграл А. С. Грибоедов). Длительные войны косвенным образом отражались и на положении туркмен, прежде всего йомудов — жителей Каспийского побережья, которые все теснее сближались с Россией. Гоклены — единокровные соседи йомудов — естественно, были в курсе событий, хотя мы не располагаем известиями о русско-гокленских связях в те времена. Тем не менее известно, что Махтумкули в свое время побывал в Астрахани (об этом теперь создал поэму «Последний раб» Аллаберды Хаидов, она опубликована и в русском переводе Анатолия Шалашова). Без сомнения, Махтумкули рассказывал о России своим близким, значит, и Зелили, своему юному племяннику и ученику. О том, что Россия, русские входили в сферу политико-географических представлений туркменских поэтов классической эпохи, свидетельствуют отдельные высказывания, намеки в стихах. Так, у Сеиди, в уже упоминавшемся стихотворении «Не найти», когда поэт перечисляет страны и народы, где он ищет возлюбленную (или ее подобие), имеется строка:

«Армянин ее похитил? Или русский? Иль ногай?» Примеры подобного рода, возможно, еще отыщутся впоследствии.

Ослаблением центральной власти воспользовались, в том числе и на севере страны, местные феодалы, всякого рода авантюристы, нередко из среды иранской же высшей аристократии, как, например, Мухаммед Заман-хан Каджар, занимавший пост генерал-губернатора Астрабадской провинции. Демагогически используя недовольство народных масс, в частности туркмен, привлекая их на свою сторону в качестве военной силы, они неоднократно затевали здесь кровавые смуты, всегда кончавшиеся для них неудачей и обрекавшие их рядовых сторонников на гибель и разорение от рук шахских карателей. Подобное на Гургене происходило не однажды в первые годы XIX столетия, причем гокленам то и дело приходилось браться за оружие — то ли в составе племенного ополчения, которое в надежде на политические выгоды для себя принимало участие в очередном восстании против шаха, то ли просто для того, чтобы в условиях всеобщего хаоса и безвластия защитить родные очаги. По традиции, к этому привлекались все без исключения здоровые мужчины, в их числе и Зелили, мирный ремесленник, поэт и учитель. Владеть конем и саблей он умел, по-видимому, ничуть не хуже любого из своих сверстников. Об этом прямо говорит его друг Сеиди в одном из посланий:

Резя сверкающим клинком, ты устремляешься вперед.

В сраженье многих поражал мой брат любимый Зелили.

(«Мой Зелили»)

Смуты и раздоры год от года не утихали, а наоборот — разгорались еще шире. Вспомним, что на туркменские земли северного Ирана издавна притязали хивинские ханы. И теперь, потерпев неудачу в своих предприятиях, местные феодалы — противники центрального правительства в Тегеране — обращаются к северному властителю с призывом оказать вооруженную помощь. Хан Мухаммед-Рахим откликается на призывы. Начиная с 1813 года он неоднократно с сильным войском приходит через Каракумы и Ахал на берега Атрека и Гургена, нанося поражения иранцам. Но каждый раз они в конце концов вынуждают его убраться восвояси. При этом гоклены оказываются в затруднительном положении, в их среде нет единодушия по вопросу о том, оказывать ли хивинцам сопротивление или, наоборот, встречать их как союзников по борьбе против Ирана. Это благоприятствует временным успехам Мухаммед-Рахима, который в 1816 году, во время очередного вторжения в северный Иран, принял решение, уходя в Хиву, увести с собой — видимо, в качестве заложников, чтобы обеспечить покорность тех, кто остается, — многие тысячи гокленов с их семьями. Не в каче-

стве рабов — поскольку они туркмены, единокровные с теми, кто составляет ядро ханского войска, — а как несвободных поселенцев на новых местах, в столице ханства и ее окрестностях. В числе тех, кого уводили на север, оказался и Зелили.

Сохранились воспоминания о подробностях исключительно трудного перехода, по сути, пленников, подгоняемых ударами плетей и угрозами расправы, пешком, с детьми, скарбом и скотиной, сперва по горам Копетдаг и Балхан, затем через всю пустыню Каракум, — перехода, во время которого многие сложили головы. Рассказывают, что Зелили, испытывая невзгоды наравне со всеми, не только умел сохранять самообладание, но и неустанно поддерживал, ободрял словом участия и личным примером своих павших духом товарищей по несчастью. Легко понять, какой след в чуткой душе и восприимчивом воображении поэта оставили впечатления этого странствия, длившегося много месяцев, какие породили раздумья о мире и людских судьбах.

Прибывших расселили в ханстве — очевидно, это произошло не позже 1818 года. Зелили и тут занялся привычным делом — учительствовал, чеканил по металлу. Именно в этот период определилось идейно-тематическое направление, одно из доминирующих в творчестве поэта: горячая любовь к родной земле, гнетущая тоска по отчизне, утраченной, как тогда представлялось, навеки, неприятие чужбины, гневное осуждение тирана, обречшего ни в чем не повинных людей на тяжкие бедствия, разорение и смерть. Изгнанники не оставляли надежды вернуться на покинутую родину. Их надеждам было суждено воплотиться в реальность: в 1825 году хан Мухаммед-Рахим умер, в государстве начались обычные для такой ситуации смуты, и, воспользовавшись ими, почти все заложники-гоклены отправились в обратный путь, Зелили — вместе с другими.

Считается, что в Хиве он провел семь лет. Как мы знаем (см. с. 29), еще при жизни Мухаммед-Рахима в Хиву прибыли эрсари, которых возглавлял, после ухода из бухарских пределов, Сеиди. Нет оснований ни допускать, ни отрицать возможность того, что оба поэта здесь в этот период встречались. Обстановка, кратковременность пребывания эрсаринцев в Хиве этому как будто не благоприятствовали. Так или иначе, эрсари, не поладив с Мухаммед-Рахимом, ушли на Гурген раньше, чем туда же смогли направиться Зелили и его соплеменники. Зато спустя год или немного больше оба поэта, видимо, уже встретились на землях гокленов, где Сеиди и сложил голову. Все данные говорят за то, что здесь же, примерно десятилетием позже, окончил свою жизнь и Зелили. Некоторые исследователи, однако, считают, что он умер в Хиве, при каких обстоятельствах — данная версия об этом умалчивает.

Выявленное до сих пор литературное наследие Зелили составляют около ста тридцати сравнительно небольших стихотворений различных жанров. Известен его дестан «Молла-Теннам», текст которого, однако, был утрачен в начале 30-х годов уже нашего столетия. Невзгоды личной судьбы, суровые испытания, которые Зелили пережил вместе с народом, без сомнения, определили и тематику, и эмоциональную окраску его произведений зрелого периода. Стихотворение «Возликовали мы» пронизано оптимизмом, в нем воспеваются воинские подвиги соединенного войска гокленов и йомудов в боях с иранцами; оно как бы перекликается со стихами Сеиди (и не только его) на сходные темы и такого же настроения. Но оно и единственное из известных нам в творческом наследии Зелили (относится явно к периоду до увода в Хиву) и в целом, на фоне других его произведений, выглядит исключением. Наиболее известны — они и сохранились вследствие того, что были широко популярны в свое время, созвучны настроениям народа, — стихотворения, в которых повествуется об изгнании, последующих бедствиях гокленов на чужбине, об их тоске по родным местам и т. п. Это прежде всего «Прощай», «Приходится», «Жизнь моя постылой стала», «Родная сторона», «Уйдем в Гурген», «Оплакивание Ходжа-Менгли», а также знаменитые послания к Сеиди. Для всей этой серии характерны такие строки:

.. Мы ныне здесь, а Родина вдали.
 От мест родных мы далеко ушли.
 Узнали цену мы родной земли
 Теперь, когда ее у нас не стало.

(«Жизнь моя постылой стала»)

К Родине поэт мысленно обращается множество раз, находя для этого слова, емкие по смыслу, согретые глубоким чувством. Это могут быть слова прощания:

С любовью взлелеянный мой огород,
 Мне долго был радостью каждый твой плод.
 На север, в Хиву, меня враг уведет,
 Сегодня тебе говорю я: прощай!

(«Прощай»)

На чужбине в памяти поэта Родина рисуется в радужных тонах, образ ее предстает в стихах откровенно идеализированным, что, по-видимому, отвечает настроению автора и тех, к кому обращены его красочные строки:

Там с белоснежных гор стекают родники,
Газели там в горах пьют воду из реки.
Там реки глубоки, долины широки.
Я сердцем льну к тебе, родная сторона!

.. Не только богачи, но даже бедный люд,
Все досыта едят и сколько надо пьют.
Брось в борозду зерно — окупится твой труд,
Я сердцем льну к тебе, родная сторона!

(«Родная сторона»)

Оптимистические ноты вообще нередки в стихах Зелили подобного рода; на мрачном фоне повествований о бедствиях народа, жалоб на тоску в разлуке с родиной, плача по усопшим на чужбине и т. д. подобные ноты звучат с особенной пронзительностью. Это, прежде всего, мотивы надежды на высвобождение из плена («Уйдем в Гурген»). В одном случае (в уже цитированном «Прощай») поэт поднимается до смелого пророчества о недалеком будущем:

Садовников новых я вижу вдали,
Ишаны и ханы исчезнут с земли.
И вспомнит свободный парод Зелили,
И скажет врагам он, ликуя: прощай!

Остановимся на обмене стихотворными посланиями между Сеиди и Зелили. В точном смысле слова таких произведений известно три: одно у Сеиди (озаглавленное «Мой Зелили») и два у Зелили («Послания к Сеиди»). Обмен посланиями, обращения в стихах к другу-поэту были вообще обычными для литературной среды как в описываемое время, так и в прошлом. Обращения к Сеиди мы встречаем в ряде произведений Зелили («Прощай», «Родная сторона», «Пойдем»). Обращение к Зелили содержится в уже упоминавшемся стихотворении Сеиди «Прощай навеки», которое можно рассматривать и как послание из плена друзьям, в числе которых Зелили отводится одно из первых мест. Но только стихи, у нас озаглавленные как «Мой Зелили», старший друг адресовал ему одному. На основе текста можно заключить, что они написаны после того, как весть о пленении Зелили хивинцами достигла Лебаба, и до того, как сам Сеиди покинул Лебаб, значит, во всяком случае, между годами 1818 и 1824-м. Послание, очевидно, было отправлено и получено адресатом, потому что оба «Послания к Сеиди» звучат как ответные. Притом уже в начале первого сказано, что автор отправляет его «на запад с востока». Значит, оно относится к тому краткому периоду 1824—1825 (или предельно

1826) годов, когда эрсари после всех мытарств уже прикочевали на Гурген («на запад»), о чем до Зелили дошло известие, сам же он еще томился в неволе у хивинцев («на востоке»).

Сеиди строит свое послание таким образом, что в личной судьбе друга видит отображение бедствий всего народа, знамение темной и кровавой эпохи, когда царствуют неправда, произвол и насилие. Зелили, превосходно поняв его мысль, развивает ее, дает еще более широкую, богатую деталями картину страданий и своих собственных, и множества людей. Он при этом снова прославляет оставленную Родину и уделяет много места утверждению того, что добро в конце концов восторжествует там, где люди верны узам истинной дружбы, хранят в душе деятельную любовь к отчизне.

Дружба двух поэтов многообразно запечатлелась в их творчестве. Любопытный факт из этой сферы — помещаемый в нашем сборнике «Диалог Сеиди и Зелили». Жанр подобного диалога, когда один из собеседников задает в стихах вопросы-загадки, а второй, в стихах же, дает на них ответы-отгадки, характерен для туркменской поэзии классической поры. Такие диалоги обычно проводились — вплоть до наших дней — на тоях, часто экспромтом; то была хорошая школа поэтического мастерства, ристалище остроумия, причем все вместе вызывало искренний восторг слушателей, доставляло им наслаждение высокоэстетического свойства. В этой связи заслуживает внимания и стихотворение Зелили «Девяносто». Оно тоже представляет собой серию загадок, но только обращенную к читателю, чаще — к слушателям (поскольку также исполнялось на тоях), которым предстояло дать ответ самим. Здесь — та же, что и в диалоге, игра аллегориями, иносказаниями, «гимнастика ума», с той лишь разницей, что за точность отгадок никто поручиться не может. Жанр такого рода монолога — серии загадок — опять же характерен для туркменской поэзии времен Сеиди и Зелили; образцы его, однако, достаточно редки.

Отображение личной судьбы Зелили, как и особенностей его духовного склада и темперамента, мы без труда обнаружим почти в каждом из сравнительно немногочисленных его стихотворений из раздела любовно-романической лирики. Об этом опять-таки дает надежное представление уже перечень произведений (озаглавленных и по смыслу, и по смыслоопределяющим фрагментам текста): «Я разлучен», «Горе мне!», «Сердце мне сожгла», «Горит моя душа», «Плакать не перестал» и т. д. В таких стихах любовь к женщине предстает как нечто, приносящее не столько радость, сколько горе, глубокие душевные страдания:

Обид и горя я терплю немало,
Постылой жизнь моя давно мне стала.

Любимая кудрями привязала
Меня к себе и сердце мне сожгла.

(«Сожгла меня»)

Не исключено, что традиционные образы любовной лирики здесь выполняют роль аллегорий, с целью выразить неудовлетворенность жизнью и миром в самом широком плане. Пессимистический настрой любовной (как и философской) лирики Зелили определяется в первую очередь складом его природы, сформировавшейся в тяжелых, нередко трагических условиях жизни. Ощущается здесь и влияние поэзии Ирана, в частности Омара Хайяма, в которой такие мотивы издавна были традиционными и с которой поэт, прошедший выучку у Махтумкули, был, без сомнения, хорошо знаком.

Пессимизм, однако, не способен заглушить в душе Зелили и в его лирических стихах светлое звучание, когда он воспекает радости любви, красоту земной женщины, будь то Лейла как обобщенный образ, некая реальная Огульбиби либо Донди, страстно любимая, но оставшаяся недостижимой:

Я знаю, милая моя стройнее кипариса.
Она, как розовый цветок, цветет благоухая.

Но чем, несчастный Зелили, себя я утешаю?
Любимая весть подала, а дальше что? Не знаю...

(«Весть»)

Для уяснения нравственной позиции Зелили в этой сфере, его отношения к женщине, нам важно подчеркнуть, что он, как и его передовые предшественники, неизменно ставит ее наравне с мужчиной, удел которого, если судьба к нему неблагоприятна, безропотно сносить мученья неразделенной любви, разлуки, даже, возможно, измены, не обвиняя, тем более не унижая женщину, которая может быть источником таких переживаний. Исключение — разве что сдержанно-негодующие строки стихотворения «Не нужна мне боле». Неоднократно в стихах Зелили («Прошу», «Мне нужна Лейла» и другие) прорисовывается тот образ женщины — высококонрастной, скромной, рассудительной, трудолюбивой, умеющей владеть собой, — который он считает идеалом, предлагаемым современницам как пример для подражания.

Философская лирика и дидактика у Зелили, по сравнению с той же проблематикой у Сеиди, обращает на себя внимание и большим количеством произведений, и глубиной наблюдений, и постоянством обращения к нескольким кардинальным темам. Здесь, на наш взгляд, наиболее резко выявляется все, что было несходного у двух поэтов-побратимов — в их личной судьбе, жизненном опыте (обусловленном историческими обстоятельствами), свойствах харак-

тера, навыках мышления, наконец, темпераменте. Надо полагать, дружба между Сеиди и Зелили, зародившаяся на основе взаимной симпатии, а также идейной общности, в дальнейшем питалась не сходством, а именно различием их натур, когда каждый не повторяет, а словно бы дополняет другого.

У Сеиди мы почти не встречаем тех мотивов, которые многократно варьируются в таких стихотворениях Зелили, как «Обманул ты», «Обманчив этот мир», «Тленный мир», «Нет вечно живого», «Все проходит» и т. д. Первые же четверостишия из этой серии содержат квинтэссенцию мироощущения поэта:

Ты начал тоем, кончил тризной,
О мир блудливый! Обманул ты.
Подобно женщине капризной
И похотливой, обманул ты.

...Проходят годы чередою.
Пришел — и вновь простись с землею,
И звезды гаснут над тобою, —
Всех, мир болтливый, обманул ты!

(«Обманул ты»)

Мир — всепожирающий дракон, средоточие всяческих зол, а человек — бессильная игрушка в когтях неумолимого рока, чаянья и дела человеческие мелки и суетны. Такая картина мироздания возникает во многих стихах Зелили. При подобном отношении к земному бытию естественно уповать только на аллаха. И поэт обращается к нему десятки раз, временами будто к живому собеседнику — значит, не в качестве ревностного мусульманина, а как философ, лишь допускающий существование божества. Страшный суд, тоже постоянно упоминаемый в стихах, рассматривается как неизбежность в финале всего сущего и неодолимый триумф добра и поправления зла. Но из таких посылок Зелили, подобно другим поэтам, в частности Махтумкули, делает тот вывод, что человек в отпущенные ему «пять дней» земной жизни должен сотворить как можно больше добра, не обидеть никого черным словом или даже помыслом. А главное — не стяжать злата, ценить и приумножать только ценности духовные: «На свете благ иных нет, кроме благодати» («Тленный мир»). Это — позиция гуманиста, пусть исходящего из постулатов мусульманской религии (поэт неоднократно подчеркивает свою верность исламу). В религиозную оболочку заключено и осуждение поэтом богатеев, мздоимцев, неправедных властителей и судей, подобно тому как всегда поступают мыслители, обличающие пороки общества, если в нем религия безраздельно господствует в духовной сфере.

При этом Зелили сравнительно мало внимания уделяет политике как таковой — проблемам власти, единства племен и т. п. (опять напрашивается сравнение с Сеиди, для которого такие проблемы всегда оставались актуальными). Гораздо чаще и охотнее он, на основе глубокого постижения жизни и нравственных запросов своих современников, дает им советы и наставления морально-этического свойства («Служи», «Выбор достойного», «Я дам совет», «Что нужно?» и мн. др.). Беспощадеи поэт и к людям вздорным, скаредным и сварливым, а также тем, кто подвержен изменчивым пристрастиям (игрокам, курильщикам). Противопоставление труса храброму воину в его стихах постоянно, ибо насущно для жизненной практики соотечественников. Все это традиционно для общества, в котором поэт — признанный хранитель житейской мудрости, от которого люди ждут поучений и тем прочнее их усваивают, чем доходчивей и совершеннее художественная форма, в которую они облечены. А именно последнее характерно для творений Зелили, авторитет которого к тому же был прочно основан на слитности с народом во всех перипетиях его судьбы. Такая слитность выявляется еще и в тех мотивах жизнелюбия, которые, вопреки мрачной, апокалиптической окраске мировосприятия Зелили, то и дело светлыми бликами прорываются в его стихах: «Не говори, что мертвых рай нас ждет. Но здешний ад, где все живые, — лучше» («Лучше»).

Облик Зелили, чей духовный мир был сложным, отчасти противоречивым, а душа — преисполненной любовью к родной земле и к людям, с их тяготами, горестями и радостями, — не стирается в памяти народа, которая сберегает его поэтическое наследие как одно из самых драгоценных достояний в сокровищнице своей национальной культуры.

7

Определенное несходство в сфере тематики произведений, их эмоционального настроя и т. п., обусловленное неодинаковостью жизненных судеб и темпераментов, у Сеиди и Зелили не находит выявления в области собственно стихотворной формы, системы поэтических образов. Оба они — мастера одной и той же поэтической школы, главою и законодателем которой по праву считается Махтумкули. Поэтому краткий формальный анализ произведений нашего сборника мы проведем, не подразделяя их по принадлежности тому или иному из двух авторов.

В одинаковой степени приобщившись ко всему богатству стихотворной техники, выработанной в лоне как ирано-, так и тюркоязычной поэзии своей и предшествующих эпох, и Сеиди и Зелили в собственной практике применяли далеко не все ее средства, —

как мы можем судить на основе дошедшего до нас. Прежде всего, оба поэта явно предпочитали малые формы (короткое стихотворение) крупным (дестану или поэме). Как уже сказано, единственный дестан Сеиди («Две мои веточки») — по существу, цикл стихотворений, связанных тематически. Из разновидностей собственно стихотворений и Сеиди и Зелили решительное предпочтение отдавали форме мурейба (гошгы), причем произведение обычно состояло из небольшого количества строф (редко более десяти). Встречается также газель, почти всегда короткая (даже короче традиционного объема в семь двустиший — бейтов). Значительно реже мы находим у наших авторов мухаммас, притом независимо от содержания (но чаще это лирика, любовная или философская). И еще реже — шести-, семи- и восьмистрочная строфа, совсем уж в единичных случаях — до одиннадцатистрочника. Притом семистрочная и одиннадцатистрочная строфы, например у Зелили, строятся подчас оригинальным способом: первые две строки имеют по 11 слогов каждая, следующие две — по 5 слогов, затем идет одна из 10 слогов и все последующие снова имеют по 5. Это форма — типично песенная, незнакомая классической ближневосточной поэзии с ее канонами, выработанными в старину у арабов и персов.

Для наших авторов, как и для всей туркменской поэтической классики, характерно стремление организовать строфу таким образом, чтобы она представляла собой законченное целое как по смыслу, так и по системе образно-поэтических средств. Чтобы ярче оттенить авторскую мысль, в пределах строфы нередко повтор («Охоту, охоту в песках этих любит он» — «Пустыня» Сеиди), антитеза («Понятно мудрецу, что мы речем, меж тем как дураку не впрок ученье» — «Стать бы братьями» Зелили).

Что касается построения стопы, то есть ритмической организации стиха, то и здесь оба поэта стремятся стать ближе к тому, что идет от тюркской фольклорно-песенной старины. И в этом отношении они остаются верными заветам и примеру Махтумкули. Только в отдельных случаях Сеиди и Зелили используют метрику аруза — квантитативную. Зато у них широко представлена силлаботоника, свойственная тюркским народным песням. Не менее часто употребляют оба поэта стих чисто силлабический. Бедность его выразительных возможностей (неразличение слогов ударных и неударных) компенсируется средствами мелодии при исполнении стихотворения в виде песни, под музыку (вообще стихи исполнялись и без нее). Пример силлабики — стихотворение Сеиди «Дочь Хорезма», которое к тому же зарифмовано не по схеме мурейба, очевидно следуя какому-то редкому образцу народно-песенной формы (а-б-а-б, в следующих строфах две первые строки не зарифмованы, две последующие снова имеют рифмы а-б).

И Сеиди и Зелили владеют всем богатством рифмы, которое выработано их предшественниками. Рифмы — мужские, женские, дактилические, а также гипердактилические и составные, в их стихотворениях, как правило, точны, оригинальны. Встречается повтор рифмующей части строки («Я шел к тебе. Я шел к тебе» — «К тебе» Сеиди). Сравнительно редки случаи, когда строфа в звуковом отношении оформлена способом анафоры. Один из примеров — стихотворение Зелили «Что надобно нам всем, чтобы избегнуть зла...»:

Чтоб в доме для гостей всегда была еда,
Чтоб угождать друзьям, их избежать суда,
Чтоб люди всех племен нас славили всегда, —
Нам и стада нужны, и прочее именье.

Из области собственно художественных средств, применяемых обоими поэтами, отметим, прежде всего, богатство интонации, различные способы выражения авторской мысли и чувства. Они могут быть выражены в немногих словах, кратко, энергично (как, например, у Сеиди «Храбрецы», у Зелили «Возликовали мы») либо плавно, неторопливо, когда стих насыщен эпитетами (включая развернутые), метафорами, отступлениями, иногда в виде пословиц, афоризмов и т. п. Подобного рода описания часты в произведениях, где строфа многострочная (употребительней других — мухаммас). Перлы народной мудрости органичны в стихах обоих поэтов («Уж лучше дома раб, чем на чужбине хан» — «Родная сторона» Зелили). Афористичностью, свойственной пословицам, нередко отличаются строки, созданные автором («Кто рожден в позоре, тому не сойти до самой могилы с дурного пути» — «Хребет коня» Сеиди). Иногда поэт выражает свою мысль в форме эллипса (намек). Так, у Зелили:

Плох враг вне нас, но что ни говори,
А тополь черви точат изнутри.

(«Быть мужественным подобает»)

Средством оттенить авторскую мысль является также инверсия.

Для поэзии Ближнего Востока в высшей степени характерен прием гиперболизации. Повествуя о простых человеческих чувствах, обычных жизненных ситуациях, поэты используют образы сверхъестественного разгула стихий, фантастических перевоплощений, уму не постижимых множеств, вмешательства божественных сил в земные дела и т. п. Вот несколько примеров. У Сеиди: «Кровь яростно хлещет багровой рекой» («Друзья»), «Сто тысяч гурий отдают за твой единый волосок» («Назли»). У Зелили: «Пустыню зальет горь-

ких слез моих море» («Послание к Сеиди»), «Сгорев в огне любви, я превратился в дым» («Не нужна мне боле»).

Для того чтобы индивидуализировать предмет изображения, широко применяются эпитеты. Особый интерес представляют эпитеты развернутые. Например, Зелили образно и динамично повествует о своей несчастной любви:

Разрушена моя душа, как города иные,
Где лишь развалины лежат, а прежде жизнь бурлила.

(«О горе!»)

В приведенных строках развернутым эпитетом снабжен один из компонентов сравнения. Этот прием также характерен для арсенала художественных средств обоих поэтов. У Сеиди сравнения постоянны в стихах — воинских песнях: «Как весенний луг, Богодатный, в тюльпанах, — хребет коня» («Хребет коня»), «Я в битву рступаю, как будто в игру» («Друзья»). Обильны сравнения в любовной лирике наших авторов. Типичный пример — у Сеиди: «Не зубы, а жемчужин ряд, уста — пурпуровый гранат» («Совершенная»).

Сродни приему сравнения — широко употребляемая аллегория. У Зелили:

Скакун недорог, если нету гривы
И если нет хвоста у скакуна.
Богатства нет — не быть тебе счастливым,
Достатка нету — жизнь твоя трудна.

(«Хвост и грива»)

Из образно-поэтических средств, именуемых тропами, чаще всего используется метафора. Вот один из необозримого множества примеров у Сеиди: «Зачем колчан твоих ресниц угрозой тайной полн, Назли?» («Назли»).

Не менее многочисленны, разнообразны и красочны у Сеиди случаи употребления метонимии: «Кудри-змеи в небреженье развилась» («Аблаксяят»).

Лишь единичны у него примеры употребления синекдохи: «Сто расцветающих цветов в едином облике твоём» («Халлы»). Так же нечасто встречается и прием градации. «На кольца локонов тугих сто дев взирают не дыша. Сто тысяч месяцев и дней, с трудом, в цепях, я шел к тебе» («К тебе»).

Систему образно-поэтических средств как у Сеиди, так и у Зелили в целом отличает естественность, отсутствие чего-либо вычурного, натянутого, трудного для восприятия. Обоим поэтам абсолютно чужд формализм, какое-либо манипулирование формальными приемами стихосложения, стремление обыграть образ как самоцель, ради того, чтобы продемонстрировать свой уровень владения ма-

стерством. Чувства, выражаемые в стихах, всегда неподдельны, выношены глубоко в душе поэта — потому стихи откладываются в сознании читателя, воспитывают, возвышают его, пробуждают сопереживание в сфере как эмоций, так и сознания. Так было на протяжении столетий, так происходит взаимодействие поэта-классика с аудиторией и в наши дни. В этом — непреходящая социально-историческая ценность стихов, оставленных нам Сеиди и Зелили.

О языке — матери, в которую воплощено то, что создано обоими поэтами, — также следует сказать: он преднамеренно ориентирован на то, чтобы быть доступным и понятным, во-первых, людям даже и без малейших начатков книжной образованности, во-вторых, всем туркменам без различия племен. Обе эти цели полностью определяются той системой социально-политических и нравственных воззрений, которую Сеиди и Зелили сформировали для себя под воздействием, прежде всего, Махтумкули и других великих патриотов и гуманистов Востока, которую формировала в сознании каждого из двоих поэтов-побратимов современная им действительность. Чтобы достичь поставленных целей в сфере языка, Сеиди и Зелили, опять-таки по примеру своего учителя, старались употреблять в своих стихах лексику и другие языковые средства, понятные широкой массе, воздерживались от применения книжных слов и форм. Избегали они также лексики диалектной. В том и другом случаях оба они шли еще дальше Махтумкули, ориентируясь на выработку туркменского общенационального поэтического языка. Прочная и широкая популярность их произведений — несомненное свидетельство успеха обоих поэтов и в этой области.

Таким образом, и в отношении формы поэзия Сеиди и Зелили отличается чертами демократизма, доступности и близости для самых широких масс народа. Принимая в расчет также тематику наследия обоих поэтов, его идейную направленность, злободневность в лучшем смысле слова, мы можем утверждать: в том, что ими создано, царит гармония формы и содержания. Это еще один краеугольный камень непреходящей популярности Сеиди и Зелили, того всенародного почтения, которое осеняло и осеняет их имена.

* * *

Это небольшое предисловие имело своей целью облегчить русскому читателю приобщение к миру поэзии двух классиков туркменской литературы давно ушедшей эпохи. Будем надеяться, что эта книга станет, пусть небольшим и не во всем совершенным, вкладом в сокровищницу советской многонациональной литературы со стороны одного из ее творцов и наследников — туркменского народа.

Александр Зырин

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

1. ПУСТЫНЯ

Выйдем без цели вешней бродить порой —
Манят нас вдаль твои дороги, пустыня.
Ищем мы дела или забавы лихой —
Рядом с тобой все забавы убоги, пустыня.

Ярому сердцу люб неустанный спор.
Рыщем по долу или по склонам гор, —
Издали слышен ружей злой разговор.
О битвах мечта слаще сладкой браги, пустыня.

Добрый ли, злой ли — каждый в дружбе с тобой.
Рвется в ловитву ревностный зверобой.
Серны, джейраны ходят пестрой толпой,
Черен их острый глаз и быстры ноги, пустыня.

С нами веселья делишь ты пьяный сок.
Любим тебя мы, иначе — какой нам прок?
Исхожен нами и вдоль он, и поперек —
Путь твой, простор твой, полный сладкой неги,
пустыня.

Звонкою песней день начнет следопыт,
Не встретив дичи, смолкнет, горем прибит.
Вернется хмурым. «Обманщица, — говорит. —
Эти пески и пусты ведь, и наги — пустыня!»

Жизнь нам — потеха. Страстью стрелок спален.
Завидев серну, он легок, быстр и силен.
Охоту, охоту в песках этих любит он!
Мечен родинкой милой лик твой строгий, пустыня.

Говорит Сеиди: в душу целишь ты,
Зверобоя на гон приневолишь ты,
И пастуший народ всем наделишь ты.
Щедры дары твои, славны и благи, пустыня!

2. ДЖИГИТ ИЗ ПЛЕМЕНИ ЭРСАРИ

Всюду слава тебе и почет,
Джигит из племени эрсари!
Врага завидев, летит вперед
Джигит из племени эрсари.

Когда дает, не любит считать,
Любит безудержно погулять,
Любит читать и любит писать
Джигит из племени эрсари.

В доме своем — Хатам-хлебосол,
В битве с врагом — отважен и зол,
Славу льва в Сейильхане обрел
Джигит из племени эрсари.

В каждом деле горяч и смел,
Всё заберет, что взять захотел.
И, взявши, честно ведет раздел
Джигит из племени эрсари.

Поставит пушку, а с двух сторон
Воинов пеших верный заслон,
В битве кровью врагов опьянен
Джигит из племени эрсари.

Другим пример, он всех впереди,
Весь Сейильхан, весь мир обойди —
Надежней всех, говорит Сеиди,
Джигит из племени эрсари!

3. БЫВАЛО

Отвагой прославлено племя давно.
Врага сокрушали герои, бывало.
Привычны к веселью и любят вино, —
Пирьы задавали горою, бывало.

И слушать умеют, и речи вести.
Здесь мудрые старцы недаром в чести.
А гость появился — зови, угости;
И он становился роднею, бывало.

Но жребий воителю отроду дан —
Не раз налетал он на вражеский стан.
И лук исфаханский, и крепкий колчан
Всех нас поражали красою, бывало.

Вот горстка отважных к майдану спешит:
Бесстрашному — слава, бежавшему — стыд!
В сраженье коня потерявший джигит
Шел в битву и пешим. . . Такое бывало.

Помчится наездник — он страшен врагам! —
И взор ястребиный скользит по пескам.
Врага полонив и связав по рукам,
Его волочит за собою, бывало.

Владычъ в Сейильхане, баба́ Эрсары!
Ты славен могуществом с древней поры,
Деянья твои справедливы, мудры:
За бедных вставал ты стеною, бывало.

В кольчуге, в тельпеке, на клич боевой
Летит эрсаринец. Во вражеский строй
Врывался, узбеков ведя за собой,
Рискуя в бою головою, бывало.

Он страстный охотник на диких гусей,
Играет на сазе и тешит друзей.
Гордись, Сеиди: эхо песни твоей
Над миром витало грозою, бывало.

4. ХРАБРЕЦЫ

На лихого супостата в смертный бой
Не пришлось мне звать вас дважды, храбрецы!
Через горы и пустыни мы прошли,
Не страшась трудов и жажды, храбрецы!

Поработал в Нишапуре светлый меч,
Добывая счастье в битве. Рук и плеч
Не жалея, мы рубились день и ночь,
Не смежив дремотой вежды, храбрецы.

Сорок тысяч эрсаринцев! Каждый двор
Дал джигита — все батыры на подбор.
Мы скакали на Мешхед во весь опор
Красить сабли кровью вражьей, храбрецы.

Если ж хитрый враг толпою шел на нас,
Ждали мы, в глухом ущелье притаясь,
Всех святых почтив молитвой в добрый час,
Ждали с воинской надеждой, храбрецы.

Выбрав лучшего из лучших в табуне,
Мы неслись тропой горной на коне.
Если ж трус бежал, скрываясь в стороне,
Мы такого кляли трижды, храбрецы.

С доброй пикой, с ятаганом у бедра,
Мы кружили по дорогам до утра;
Старый вождь благословлял нас из шатра
На спасенье тех, кто страждет, храбрецы.

«Я — сердар отважных!» — скажет Сеиди.
Трусу другом быть не может Сеиди.
Чтя добро, со злом не дружит Сеиди, —
Эту тайну знает каждый, храбрецы.

5. ХРЕБЕТ КОНЯ

Если сбруя прочна, красива узда,
Словно трон Сулеймана — хребет коня.
Все мечты завершишь, покроешь когда
Парчой златотканой хребет коня.

На коне скачи, где пешком не пройдешь.
На коне и для строгих глаз ты хорош.
В этом мире, где счастье — пустая ложь,
Лишь одно без обмана — хребет коня.

Если болен, садись на коня, мой друг:
Твой взор загорится, утихнет недуг,
И взиграет душа. Как весенний луг
Благодатный, в тюльпанах, — хребет коня.

Полетит он в игру, и статен и лих,
Красотой поразит своих и чужих.
Не отдам за стадо верблюдов твоих
И за сто караванов хребет коня!

Для храброго прок, если сел он в седло,
Но для труса в коне только вред и зло.
Для меня ж — меня как безумьем взмело:
Я влюблен, обуянный, в хребет коня!

Конь! Арабский скакун! В какой стороне
Не гремело имя твое? На коне
Познавал я землю. Приблизил ко мне
Отдаленные страны хребет коня.

Взнуздай — и погонишь коня на врага.
В ловитву захочешь — ловитва легка.
В дороге пристанищем для ездока
Средь ночного тумана хребет коня.

Как ветер твой конь, и ветра вольней
Ты летишь к достиженью цели своей.
Ты поёшь, как ярый в любви соловей:
Словно зыбь гюлистана — хребет коня.

Кто рожден в позоре, тому не сойти
До самой могилы с дурного пути.
Роднее всех родичей для Сеиди
И милее желанной хребет коня.

Ты — храбрых воинов вожак, властитель стран,
 Ишан-Орак,
 Хвала творцу, что с нами вновь отважный хан —
 Ишан-Орак.
 Венец могущества тебе и счастья дан, Ишан-Орак,
 Воитель ты, но этот мир — ложь и обман, Ишан-Орак, —
 О, если б верой он хоть раз был осиян, Ишан-Орак!

Злокозненный и хитрый враг тебя в неволю, в плен
 завлек,
 Под землю бросили тебя — в глухую темень, под замок.
 Пока не подспели мы, уже прошел немалый срок.
 Спасен из плена, ты отмстить эмиру той же кровью
 смог, —
 И сей властитель обогрен был кровью ран, Ишан-Орак.

К Творцу с мольбою ты припал, и вот опять кипит война,
 Чтобы свободу обрела твоя родная сторона.
 Всемилостивый помощь дал тебе в благие времена,
 И в битвах спас ты край родной, твоя десница вновь
 сильна,
 В бою могучий, как Рустем, ты смел и рьян, Ишан-Орак.

И снова ты — глава войскам в своей родимой стороне, —
 Дрожать от страха небесам, земле, и солнцу, и луне,
 Повел ты войско на врагов, и снова быть борьбе-войне,
 И трупов вражеских не счесть, когда ты мчишься
 на коне, —
 Тобой, борцом и храбрецом, твой враг заклан,
 Ишан-Орак.

От ужаса не чуя ног, бежит, пощады молит враг.
 Собрались беки всех земель и вместе порешили так:
 Ты в этом мире — богатырь под стать Рустему
 и смельчак.
 И Сеиди тебе хвалу вознес, и ей да внемлет всяк,
 Да славят все, внимая мне, твой гордый сан,
 Ишан-Орак!

У сына ишбаши Солтаннияза
 В сей жизни радостей немало есть:
 Джигиты — на коней и ждут приказа,
 Для них простор — скакать удало — есть.

Во всех деяньях властен и велик,
 Речь сладким слогом он вести привык.
 В трудах он днем и ночью, каждый миг, —
 Бог даст, и пища до отвала есть.

Он, бек, нужды не знающий ни в ком,
 Всех одарит халатом с кушаком,
 Всем плова даст и чая с каймаком, —
 Что с блюд вкушать, пить из фиала — есть.

О нем — вдали, вблизи ли — знает всяк,
 Молву о нем слышали Рум, Ирак,
 Он милостив, всем бекам он вожак,
 А тот, кто враг, тому и жало есть.

Народу и правитель он, и хан,
 Нет на него обид у мусульман,
 Чтецов зовет он в пост читать Коран,
 В нем всё, чего б душа желала, есть.

Он щедростью Хатама превзойдет,
 В общенье с ним никто не знал невзгод.
 Любому, кто к нему пешком придет,
 В дар добрый конь и покрывало есть.

Его поступки все как есть умны,
 Отважны, как и он, его сыны,
 Муллы, дервиши им одарены:
 Подарки им всегда, бывало, есть.

Разумен, справедлив, умом высок,
 Властителен, могуч, в сужденьях строг,
 И мудр, и смел, он — ратных дел знаток, —
 Таких султанов в мире мало есть.

В дни битв остер его разящий меч,
А сам он мудр в науке битв и сеч,
Всех может в бой он за собой увлечь,
Против врагов щит и забрало — есть!

Его доспехи, конь — всё в самый раз,
Одет всегда в парчу он и в атлас, —
Таких владык отыщешь ли у нас?
Лишь в Бухаре еще, пожалуй, есть.

Возьмет он меч, скача за веру в бой, —
Кяфирам выкуп — только головой,
А с просьбою кто ни придет, любой, —
Тому пощада изначала есть.

Ни с кем он честью-доблестью не схож,
Меж беков он один во всем хорош.
А ежели о нем кто скажет ложь,
В том вере вред, да и немалый, есть.

А в день, когда он соберет своих,
Ему все служат — каждый скромн, тих,
И Сеиди сложил хвалебный стих, —
Хвалам конца нет, лишь начало — есть!

8

У Солтаннияза будет той теперь,
Ведуны по звездам срока ждут, наверно.
Соберутся гости в дом толпой теперь,
Множество народа будет тут, наверно.

Понесут на конях весть во все концы
В красочных одеждах быстрые гонцы.
Все мужи сберутся — старцы и юнцы,
Всех племен прибывших не сочтут, наверно.

Все теке, салыры, эрсари придут,
Будут все сарыки — весь туркменский люд.
Все, кого туркменским людом ни зовут,
Все верхом прискачут, все придут, наверно.

В Карши, в Каракуле, в Бухаре ту весть
Разом все прослышат, все придут как есть.
Будет славным пловом воздана им честь,
Будут все довольны, рад весь люд, наверно.

Будут кони мчаться аж семь дней подряд.
Дол потом расчистят, влагой оросят.
Каждый, что захочет, там найдет стократ, —
Будет, слава богу, той не худ, наверно.

Тегеран прослышит, Бадахшан, Герат,
И Ургенч с Казвином, и Казак, Кунград,
И Машаб с Кокандом, и Балхан. Богат
Будет той — посланцев все пришлют, наверно.

Голосисты будут там певцы-бахши,
Петь-играть там будут ото всей души.
Игруны сберутся — посмотреть спеши, —
Будут пляс да игры — чудо чуд, наверно.

Тысячу баранов будет ждать убой.
Старший там поднимет алый стяг тугой.
Той, как у Огуза, будет — славный той,
Всех забавы зрелищ увлекут, наверно.

Дальний или близкий, чужаки, родня
Принесут подарки для такого дня.
Разных яств дадут им, всем черед чиня, —
С уст жир пищи долго не сотрут, наверно.

Не напрасно люди ценят радость встреч:
Нужно от печалей сердце уберечь.
Ради пира было много битв и сеч, —
Хватит всем подарков в дар за труд, наверно.

Кто богат, кто беден — все придут на той,
Кто в каких одеждах — пышной ли, простой.
Бубны, барабаны, струн звенящий строй, —
Будет люб для слуха звон и гуд, наверно.

Все еду похвалят, каждый угощен,
Пир до ночи будет — уж таков закон,
Будут там и гости из чужих сторон,
Небывалой пищи всем дадут, наверно,

Жив слабодушный Сеиди, а ты в туманном далеке.
И не поможет нам аллах, держащий мир в своей руке.
Ох, тяжело мне, без тебя живу в потемках и тоске!
Бог невинных покарал, мой брат любимый Зелили.

10. ЧАС РАСПЛАТЫ

Дым клубится над Лебабом. Он от пламени багрян.
Эй, друзья, готовьтесь к бою, час расплаты наступил!
В грозный миг приди на помощь, с нами будь,
Шахимердан.
Мы устали от разбоя, час расплаты наступил.

Вышли конные джигиты, им не страшен посвист пуль.
Пусть взметнется выше тучи легендарный конь
Дюльдюль.
Реки крови забурили, описать я их смогу ль!
Вьется знамя огневое, час расплаты наступил.

Поклянитесь над Кораном, соплеменники-орлы.
С нами рядом неустанно тень героя Кёр-оглы.
Искандер простер к вам длани, лица воинов светлы.
Каждый должен стать героем, час расплаты наступил.

Сабли наголо, джигиты! Путь наш праведен и прям.
Чтобы птицам вновь гнездиться, полыхать в садах
цветам,
Чтобы сгнули невзгоды, возвратилось счастье к нам —
Силы храбростью устроим, час расплаты наступил.

Просим мы Шахимердана, чтоб в бою он смелых спас.
Сорок праведных эренов наставляли в битву нас.
Кровь окрасила халаты, от нее набух атлас, —
Славой родину покроем — час расплаты наступил.

Жизнь за праведное дело положи в бою, туркмен.
На земле приняв страданье, обретаешь рай взамен.
Мир-Хайдар — наш враг заклятый, хуже смерти рабский
плен.
Слушай, небо голубое, час расплаты наступил.

Сеиди зовет: в сраженье риньтесь, родины сыны!
Счастье — жертвовать собою за судьбу родной страны.
Красно небо над Лебабом, и пески кругом красны, —
Эй, друзья, готовьтесь к бою, час расплаты наступил!

11. НА КОНЕЙ, ДЖИГИТЫ!

В кибитке лежать — добра не видать.
Вставайте! Седлаем коней, джигиты!
В час битвы дрожать — побед не видать.
Так в битву! Все думы о ней, джигиты!

Пусть храбрый ли, робкий душою — любой,
Страх смерти презрев, устремляется в бой.
А тех, кто пуглив, — на коней, и с собой
Тяните. Так будет верней, джигиты.

Отступнику — гибель! Врага повстречав,
Щитом заслонясь от ударов меча,
Кидайтесь вперед и рубите сплеча,
Зажмуривши очи плотней, джигиты!

На подвиги нас вдохновляет Али.
Езидов крушим, чтоб вздохнуть не могли.
Кто ж сдался, тех в плен чередой повели,
Арканом стянув попрочней, джигиты.

Батыра, что войско кяфиров громит,
Своей благостыней Творец одарит.
Будь каждый из вас, — Сеиди говорит, —
Врагов даже сотни грозней, джигиты!

12. ДРУЗЬЯ

Оседлан мой конь, ветроногий Гыр-Ат.
За родину буду сражаться, друзья.
Пусть реки от крови пролитой бурлят,
Врагу не желаю сдаваться, друзья.

Отчизне я душу оставил в залог,
Острей зюльфикара мой звонкий клинок.
Не трус я — со мною и правда, и бог,
Я пламень, ему разгораться, друзья.

Кто молвит: «Я смел!» — пусть выходит вперед.
На стан Мир-Хайдара выходим в поход,
Мы сладкую жизнь отдаем за народ,
Должны на мече мы поклясться, друзья.

Великая доблесть нас двинула в бой.
Врагам я не сдамся, покуда живой.
Кровь яростно хлещет багровой рекой,
Той страшной водой не напиться, друзья.

Я смелым родился и смелым умру,
Кто друг, а кто враг — я легко разберу.
Я в битву вступаю, как будто в игру.
Позор слабодушным считаться, друзья.

На бой меня слава Замана вела,
Я чту Кёр-оглы и Каджара-орла,
Рустема и Зала — героям хвала!
С врагом я дерзну рассчитаться, друзья.

Меч поднял за счастье земли Сеиди.
Пусть сердце стучит и ликует в груди.
Не дрогну пред смертью, что ждет впереди, —
Мне с жизнью не жалко расстаться, друзья!

13. НЫНЕ

Позор тому, кто оробел,
Судьба его обманет ныне.
Враг осквернил родной предел,
В отважном дух воспрянет ныне.

Бог даровал оплоты нам —
У нас Халач, Чилан, Кутнам.
Кто рвется отомстить врагам,
Тот на Чарджуй нагрянет ныне.

В сраженье правом смерть сладка,
Кровь красит порубань клинка,
Жизнь супостата коротка —
В небытие он канет ныне.

А те, что страхом сражены,
Уткнутся пусть в подол жены. . .
Нам сабли трусов не нужны,
За право храбрый встанет ныне.

Эй, эрсари, пойдем в поход,
И враг реки не перейдет!
Джигит со знаменем, вперед!
Оно цветет и манит ныне.

Пусть гром пальбы ласкает слух.
С концов ударим сразу двух.
Потешим волчьей схваткой дух,
Враги у нас в капкане ныне.

Когда враждуют племена,
Отчизна разъединена.
Чем дань врагу платить сполна,
Пусть каждый меч достанет ныне.

Слог Сеиди горит огнем,
Пять дней раздольно проведем,
Чарджуй мы с бою обретем,
Руиной крепость станет ныне.

14. УЙДЕМ!

Хей, джигиты! Народ больше не един.
Всё, что наше, — при нас. С нашим и уйдем!
Кто эмиру холуй, нам не господин.
Мы у них на хребтах спляшем и уйдем!

Нас хоть грабь, хоть пинай — мы ж благодарим?
Иль мы вправду давно не богатыри?
Иль забыта меж нас слава эрсари?
«Разрази вас господь!» — скажем и уйдем.

Ох, и беки у нас! Каждый егозит,
Лизоблюдством от всех за версту разит!
Ну и пусть нам эмир бунчуком грозит!
Будет бой — мы в бою ляжем иль уйдем!

Сеиди говорит: проклят будь Лебаб!
Глядя в рот сытым псам, наш народ ослаб.
Здесь не жизнь! Мир широк! Из эмирских лап
Мы, как сель, сто запруд вспашем и уйдем!

15. ПРОЩАЙТЕ НЫНЕ

Я покидаю отчий край, разжав последнее объятье.
Поля, возделанные мной, остались вы, прощайте ныне!
Вас не забуду никогда, нуждой истерзанные братья, —
Уста, зовущие с мольбой, остались вы, прощайте ныне.

Я здесь работал кетменем, платил и дани и хараджи,
Хлеб зарабатывать трудом, изнемогал от летней жажды.
Покинул я родимый дом, там счастлив был я
не однажды.
Колодцы с чистой водой, остались вы, прощайте ныне.

Ты развалился, мой дувал, руками слепленный из глины.
Кто у меня в гостях бывал, за это пострадал безвинно.
Разбойник всё к рукам прибрал, самоуправствуя
бесчинно...
Дворы с пустынной лебедой, остались вы, прощайте
ныне.

Не гневом я теперь томим, живу, от скорби обессилев.
О, сколько весен, сколько зим там чередую проходили!
Цвел легким облаком кандым, кусты речную воду пили.
Сады под розовой фатой, остались вы, прощайте ныне.

Шел день за днем, за годом год, чреватый горем
и враждою,
Злодеи грабили народ, людей, измученных нуждою.
Там нищий ветер пыль метет, играя серую джидою...
Курганы в дымке голубой, остались вы, прощайте ныне.

Мы, эрсаринцы, бросив дом, в безлюдный дол откочевали.
О крае брошенном своем у всех прохожих узнавали.
Пусть Мир-Хайдар сгорит живьем, скорей бы в ад его
забрали!
Друзья, сраженные бедой, остались вы, прощайте ныне.

16. УШЛИ МЫ НАВЕКИ

В тоске из пределов родимого края,
Нуждою гонимы, ушли мы навеки.
Кто плакал, а кто озирался, вздыхая.
Лебаб наш родимый, ушли мы навеки!

Отчизна родная, ты всех нам дороже!
Но мы с Мир-Хайдаром ужиться не можем.
С печалью, беседуя с каждым прохожим
О крае любимом, ушли мы навеки.

Оседлыми дружно живя племенами,
Мы жизнь создавали своими руками —
Прорыли арыки в земле кетменями.
Жарою палимы, ушли мы навеки.

Довольствуясь милостью вышнего неба,
Еду добывали себе на потребу.
Покинув мазары, без пищи и хлеба,
Средь черного дыма ушли мы навеки.

Оставив сады, и журчанье фонтана,
И звончатый саз, и шахиров дестаны,
И мудрые книги, и суры Корана,
В бесплодные зимы ушли мы навеки.

Лелеяли саженец маленький каждый —
Теперь он засохнет, измученный жаждой.
Бог видит, как я изнываю и стражду.
Что сделать могли мы? Ушли мы навеки.

Холмы, где краснели цветы-недотроги,
Знакомые с детства сухие дороги,
Долины и гор отдаленных отроги, —
Теперь вы незримы. Ушли мы навеки.

А те, кому выгодна власть Мир-Хайдара,
Живут, умножая овечьи отары, —
Сумел подкупить богатеев недаром
Злодей нелюдимый... Ушли мы навеки.

Почти два столетия был край наш богатым:
Журчали арыки, стучали лопаты.
В году тысяча двести тридцать девятом —
Запомнить смогли мы! — ушли мы навеки.

Сказал Сеиди: ничего мне не надо,
Но будут в глазах до последнего взгляда
Лоза винограда, мой дом и ограда, —
Прощайте, ушли мы. Ушли мы навеки!

17

К вам сюда просить подмоги, сердцем смущены, пришли
мы,

Обездолены, и нищи, и разорены, пришли мы,
Обескровлены обидой, в грудь уязвлены, пришли мы,
Мы пустыней шли потайно, явно в глубь страны пришли
мы.

Помогите же в беде нам — жалки и бедны пришли мы!

В той земле, где все едины, бедствий и невзгод
не будет,

Безземелья и безводья и других забот не будет,
И таких, кто, всё покинув, гол и нищ уйдет,
не будет,

Кто бы к хану ни прибегнул, изобижен тот не будет, —
Помогите же в беде нам — жалки и бедны пришли мы!

Ежедневно, ежечасно здесь у нас и дела нету,
Здесь зима и лето — все, стонам и предела нету,
Нам лишь сеять бы пшеницу — лучшего удела нету,
Кроме вас, к кому прибегнуть мы могли бы смело,
нету, —

Помогите же в беде нам — жалки и бедны пришли мы!

Что бы вы ни повелели — всем веленьям мы подвластны,
Исполнять веленья ваши — все пути для нас прекрасны.
В Мерве нам бы поселиться — где кто сможет, мы
несчастливы.

Нас сюда прислать гонцами были все у нас согласны, —
Помогите же в беде нам — жалки и бедны пришли мы!

А придут к тебе сарыки и салыры — все толпою,
Эрсари придут за ними, чтоб проведать, что с тобою.
Хан к ним выйти не захочет — будут все полны тоскою.
Всем прийти им с плачем стыдно пред тобой и пред
собою, —
Помогите же в беде нам — жалки и бедны пришли мы!

Души эрсари с надеждой к вам обращены поныне,
Все они в беде и горе и сокрушены поныне,
Ждут они от вас ответа, сердцем смятены, поныне.
Пусть и в Мерве и в Лебабе будут все сильны поныне, —
Помогите же в беде нам — жалки и бедны пришли мы!

Эти жалобы и стоны, ты скажи, куда ж нести нам?
Быть бы дружными всегда нам, жить в согласии едином!
Но, увы, дано ль вернуться этим радостным годинам?
Почему ж вы отказались для племен быть властелином?
Помогите же в беде нам — жалки и бедны пришли мы!

Эрсари да будут в Мерве, здесь их сторона родная.
Где же им теперь скитаться, крова над собой не зная?
Что же прочь идти им нынче из родимого их края?
В пору жить им здесь, аллаха и пророка поминая, —
Помогите же в беде нам — жалки и бедны пришли мы!

Ну а ныне в Мервском юрте — только гнет да
притесненья,
Лишены мы на Лебабе всех забот землевладенья.
Если нам, о властелин наш, не придет от вас спасенье,
Мы — к вам Сеиди взывает — все погибнем
без призренья, —
Помогите же в беде нам — жалки и бедны пришли мы!

18. В РАЗЛУЧЕНЬЕ

О братья, тревожно и горестно мне,
Живем мы со всем дорогим в разлученье.
У хана Рахима в чужой стороне
Мы край наш оставленный чтим в разлученье.

Бывало, мы статных седлали коней,
В расшитых халатах встречали гостей.
Лебаб нас лелеял, как милых детей, —
Мой разум печалью томим в разлученье.

В горячей пустыне мы ныне живем,
Там выцвело небо, иссяк водоем.
Сжав зубы, безмерное бремя несем,
Но верность отчизне храним в разлученье.

Семейства затеряны в серых песках, —
До времени род эрсаринцев зачах,
Зато торжествует бессовестный шах,
Зачахли мы с краем родным в разлученье.

Где те, с кем делили мы всё пополам,
С кем солнце любили встречать по утрам?
Беседовать было приятно друзьям. . .
Я сгорбленным стал и седым в разлученье.

Эрены исчезли в горах без следа.
Враги истребили джейраньи стада.
Болотною жижею стала вода,
Чем жажду теперь утолим в разлученье.

Оставили скарб и родительский дом,
Гонимые горем, куда-то бредем.
Айван вспоминая и садик с прудом, —
О них мы, скорбя, говорим в разлученье.

От милостей ханских бежали в пески,
От злого хивинца теперь далеки.
Но нам никуда не уйти от тоски,
Мы хана Хайдара хулим в разлученье.

Жаль милый Лебаб, — Сеиди говорит. —
Без верных сынов он туманом покрыт,
Там ветер забвенья травую шуршит. . .
Всё медленней сердце стучит в разлученье.

Судьба с младенчества была со мной сурова.
 Мир, где царит один обман, прощай навеки.
 Поклон сторонке обжитой, родному крову,
 Любимый мой Мазандеран, прощай навеки.

Я, как Рустем, в горячке битв с врагами бился.
 В силки попал, с надеждой жить я распростился.
 Ходил я гордо, пировал и веселился, —
 Друзей моих надежный стан, прощай навеки.

В тисках неволи не снести мне плен позорный,
 Где ты, любимая моя с косою черной?
 Где степь бескрайняя моя и путь просторный?
 Скакун — крылатый ураган, прощай навеки.

Моих на торных тех путях следов не стало.
 Мечтал столетье я прожить, а жил так мало...
 Я жадно книжные тома листал, бывало,
 В тисненем золоте Коран, прощай навеки.

Не знал, что нам готовил рок одни страданья, —
 Мир доброты разрушен был до основанья,
 Замолкли музыка и смех. Друзей собранья,
 Гудящий, праздничный майдан, прощай навеки.

Когда бы верный Мухаммед со мной был рядом —
 Я был бы дружбой обогрет, сердечным взглядом.
 Хабиб-ходжа, бесценный друг, души отрада,
 Прощай, отважный пехливан, прощай навеки.

Бугон погиб, не расцветя, сожжен хазаном,
 Смолк соловей, певец весны погиб нежданно,
 Мулла премудрый Зелили, мой брат названный,
 Ты сложишь без меня дестан, прощай навеки.

А вы, соратники мои, в красе и силе,
 Бежали вы, когда враги меня схватили.
 Злодеи сверстников моих в бою сразили,
 Могильный брошенный курган, прощай навеки.

Увы, в печали и тоске живу я ныне.
 Я встречу свой последний час на злой чужбине.

Прощай, весны моей простор, шелк неба синий...
Ты, Хатиджа, подруга-джан, прощай навеки.

Мяти, мне не забыть тебя, по крови брата.
Неотвратимо близит смерть часы заката.
Тот, кто найдет безглавый труп в слезах утраты,
Кто будет горем обуян, прощай навеки.

«Приедет!» — тщетно шепчет та, что ждать устала
И сердце в пламени беды сто раз сжигала.
Верблюдица, пропал ее сыночек малый,
Мать, изнемогшая от ран, прощай навеки.

Оразбиби, сестра моя, ушли надежды.
Клеймо разлуки печень жжет, бессонны вежды,
Иссохли груди от тоски, черны одежды,
Разлука горбит стройный стан, — прощай навеки.

Рек Сеиди: умру я здесь и прахом стану,
В забвенье на чужбине я безвестно кану,
Ты, лунобровая моя, одна желанна.
Прощай, в глазах слепой туман, прощай навеки...

21—27. ИЗ ДЕСТАНА «ДВЕ МОИ ВЕТОЧКИ»

1. ПАМЯТИ БЕК-НАЗАРА

Надломило, повалило ветром смерти мой чинар,
Словно мне сломали спину, погасили жизни жар.
Разорвав мне грудь на части, сердце расколол удар.
Втоптан в землю мой венец, шахиру жалованный дар, —
Жизни свет, в пустыне след, мой вешний цвет, мой
Бек-Назар!

В мир явившись, в этом мире он гостил недолгий срок,
Не успел насытить взора пестротой земных дорог.
Той невиданный устроив, нас на праздник свой привлек
И, не кончив пира, канул в беспредельной тьмы поток, —
Жизни свет, в пустыне след, мой вешний цвет, мой
Бек-Назар!

Пеплом нас, сожженных горем и печалью, сделал он,
В прах втоптал, дорожным прахом, черной пылью сделал он,
Зло, задуманное втайне, страшной былью сделал он.
Хитрый сын! Могильный тлен своей постелью сделал он, —
Жизни свет, в пустыне след, мой вешний цвет, мой
Бек-Назар!

По весне рыдать заставив златоуста-соловья,
Дав мне сто тюменов боли, чтоб носил их в сердце я,
Чтоб от тяжести безмерной надорвалась грудь моя,
Он меня оставил в скорби, сам разлуки скорбь тая, —
Жизни свет, в пустыне след, мой вешний цвет, мой
Бек-Назар!

Нет его! Во мраке жизни без лампы я бреду.
Где отрубленную руку, где крыло свое найду?
За два года до полвека по жестокому суду
Заклеймен я. Тризну правят, плач и стон в моем саду...
Жизни свет, в пустыне след, мой вешний цвет, мой
Бек-Назар!

Роза сорвана моя и смята в этот скорбный день.
Что начну? В мой дом вошла утрата в этот скорбный
день.
Мглою горя вся земля объята в этот скорбный день.
Глаз порадовал и сник куда-то в этот скорбный день
Жизни свет, в пустыне след, мой вешний цвет, мой
Бек-Назар!

Ах, и раньше мне обиды наносила смерть не раз,
Но печаль об этом сыне не затихнет ни на час.
Сын родной, душа души, зрачок моих обоих глаз!
Он ушел, и между нами ночь широко разлилась, —
Жизни свет, в пустыне след, мой вешний цвет, мой
Бек-Назар!

Собираясь в дальний путь, он помнил о себе одном,
О родной семье не пекся, не подумал ни о ком,
Не простясь с отцом и другом, точно вовсе не знаком,
Он из дома Сеиди ушел, и плачу я о нем:
Жизни свет, в пустыне след, мой вешний цвет, мой
Бек-Назар!

Мои малыши, денница моя,
Душою за вас ответственую я!
Зеница моя, десница моя,
От вас отлучаем, бедствую я!

Над нами царит предопределение,
Нет средств изменить господне веленье.
Пусть отнят Хайдар! Но дай исцеленье
Хоть брату его, молебствую я.

Мне правую кисть обуглило пламя,
А левую бьет о камни валами,
Меж мукой и болью рвусь пополам и
В могилу гляжу отверстую я.

Спасать сыновей — хоть в пламя, ликуя,
Хоть в лютые льды, хоть в горечь морскую!
Отец, за детей на жертву любую
И тело, и душу пестую я.

Чем мог, я радел, рожденный из праха:
Обняв малышей и корчась от страха,
Я ниц припадал к подножью аллаха,
И вот перед ним сиротствую я.

Ударил хазан — цветы облетели,
Сломился мой стан, глаза оскудели,
Потоки иссохли, замерли сели,
Тоскою давясь, немотствую я.

Хайдарова тень во тьму ускользает,
Эсен безучастен и угасает,
Зову их — мой зов вотще повисает.
Так ради чего усердствую я?

Се вопль Сеиди в бесплодной пустыне,
Где вихорь царит, холодный отныне,
Где сель сокрушил сады благостыни
И злобе всех бед наследствую я!

О, привязь моих отрад,
Свет солнца с луной, мой сын,
Здоров ты, иль смертный хлад
Твоей стал судьбой, мой сын?

Ты мой сокровенный клад,
С тобой я сильнее в сто крат,
Ответь, расцветет ли сад? . .
Я жив лишь тобой, мой сын!

Страданье, что сына ждет,
Отец себе заберет,
Позволь — за тебя умрет,
Смешавшись с землей, мой сын!

Ты мой золотой наряд,
Мой пояс, живой мой взгляд,
Я вижу — ты весел, млад,
С кудрявой главой, мой сын. . .

Каменьев горам — не снести,
Слез горьких очам — не снести,
Огня деревьям — не снести, —
Ты был их душой, мой сын!

На грудь твою пасть я рад,
Как нежен твой аромат. . .
Усталый, я шел в твой сад
Дышать красотой, мой сын!

Мой дар тебе был богат, —
Зачем всё несешь назад? . .
Готовят скорбный обряд,
Траур со мной, мой сын. . .

Утратил ты силу, стать,
Черна на тебе печать. . .
От рока нельзя бежать,
Погаснет с луной мой сын.

Кричу я: «Постой, Хайдар,
Скажи, что с тобой, Хайдар?!»
Верни мне покой, Хайдар,
Я стану золой, мой сын. . .

Два знака судьбы стали долей моей,
 Один — что клеймо, словно рана — другой.
 Палач, соль и перец для них не жалеи,
 Терзай мое тело пыткой любовью!

Две пули ударили в сердце меня,
 Черна моя кровь, будто ночь без огня...
 Я замер в преддверии Судного дня, —
 Сегодня, быть может, наступит такой?!

Не будет рассвета в печальной стране,
 Глотаю отраву я в сладком вине,
 Листы моей книги сгорели в огне,
 Дух смерти владеет моей головой.

На рабство Юсуп, старший сын, обречен,
 Я с младшим, Емином, навек разлучен,
 Игрок, я от шахмат своих отлучен, —
 Сыны мои, были вы лучшей игрой!..

Я в скачке, безумец, загнал скакуна,
 Тускнеет мой шлем, что сверкал как луна.
 Подобием жалкого став горбуна,
 Повержен во прах и растоптан судьбой!

Был соколом в небе — остался без крыл,
 Был ловким торговцем — товары сгноил,
 Баран-предводитель — остался без сил,
 Мой дух отлетел, я лишь с виду живой.

Скорбя, Сеиди, перед богом стою.
 Творец, облегчишь ли ты участь мою?
 Мои полководцы, вы пали в бою...
 Сынов моих войско охвачено мглой.

Мерьем, будут скорбными эти слова!
 Ты от внуков судьбой отделилась,
 Поломаны стрелы, в бою тетива,
 Лук оставив тугой, отделилась...

Вода не наполнит твои родники,
Рубин драгоценный — в стремнине реки,
Разрушен твой дом, завершились торги, —
Ты от лавки земной отделилась.

Твой край под холерой... Губительный хлад
С хазаном ворвался в твой розовый сад.
Не жди больше солнца, встречай свой закат, —
Ты от тверди родной отделилась.

О, воля творца!.. Пали чудо-сыны,
Два дивных бутона судьбой ссечены,
Сорвался горячий скакун с крутизны, —
Ты от скачки шальной отделилась...

Терпенье аллах пусть тебе ниспошлет, —
Выносливый раб легче в рай попадет...
Светильник души вновь никто не зажжет, —
Ты от света дня тьмой отделилась.

С мольбою их взор был к тебе обращен,
«О, мать...» — долетал к тебе трепетный стон,
Огонь в твоём сердце, безжалостен он —
Ты от плоти живой отделилась.

Ты в хижине скорби не встанешь с колен,
День зла обратил всё цветущее в тлен,
Они не придут — ни Хайдар, ни Эсен...
Ты от жизни мирской отделилась.

6. ГОРЕ

Громаду горя на меня неумолимый рок свалил,
Одной безмерною тоской отныне я богат теперь.
За что мучительство терплю? Должно быть, бог меня
забыл!
Из глаз струится слез поток, он как река Евфрат
теперь.

Есть те, кто небу угождал одною жертвою в году,
А я, в один злосчастный день, принес две жертвы,
на беду.
Ослепли очи у меня, руками шарю — не найду.
Недели, месяцы идут, — я свету дня не рад теперь.

О, Мир-Хайдар и Мир-Эсен, печаль не спрячется в глуби!
Ты, одиночества клинок, казни меня и погуби.
Одежды черные надень, моя сестра Оразбиби, —
Невыносима злая весть, стал черным твой наряд теперь.

Ту рану, что в моей душе, не смогут залечить года.
Я сердце растворил в слезах, оно текуче, как вода.
О, неужели этот мир был черно-траурным всегда?
Рассудка бог меня лишил, враг мой всегдашний рад
теперь.

Венец свалился с головы, лежит во прахе и пыли.
Разбит надежды талисман, и упования отцвели.
Разъяли тело на куски и в лютом пламени сожгли.
Зову на помощь, но меня не слышат рай и ад теперь.

О, Мир-Эсен, души везир, Хайдар, сознания султан!
Разбиты храбрые войска, сгустился медленный туман.
Бредет в неведомую даль мой опустелый караван, —
В песках забвения глухих навек оставлен клад теперь.

Напрасно я молю людей прийти на помощь поскорей —
Не стало тех, кто был ко мне всех милосердней
и добрей.

Сгораю я, спустись, аллах, и длани в пламени погрей!
А я повязан по рукам, удел мне страшный дан теперь.

Смолк соловей, засох мой сад — там мертвых веток
голизна.

И стала черного черней одежд веселых белизна...
Друзья, согнулся Сеиди, горбатой сделалась спина, —
В разлуке вечной, без детей, слагаю свой дестан теперь.

7. ПЬЕШЕ

Биенье сердца моего: один удар, другой удар, —
О мой потомок Мир-Эсен, о мой потомок Мир-Хайдар,
Две жилы к печени моей и двух цветов ее нектар!
Сыны, которых больше нет, душа вас кличет ныне!

Один — моей зеницы чернь, другой — вкруг черни
белизна,
Один — все звезды в небесах, другой — средь этих
звезд луна,

Мне горло жадный жжет огонь, я сам и немощен и плох.
Вихрь смерти холодом дохнул, очаг мой тлеющий заглох.
Один я в темени ночной. Кто спросит, что стряслось
со мной?

На беспощадный небосвод гляжу с укором каждый миг.
Я созерцаю тленный мир туманным взором каждый миг.
И с небом, в дерзости своей, я занят спором каждый миг.
От вздохов жалобных моих темнеют горы каждый миг.
Молю я бога, чтобы он прервал мой скорбный путь
земной.

Аллах, ты покарал меня и память в рану превратил,
Благие помыслы мои в беду нежданно превратил,
Мою сияющую даль в страну тумана превратил,
Ты в безутешного меня, убив, джейрана превратил,
Ты благородного сразил, а недостойным дал покой.

С безмерной болью вновь и вновь тебя зову, Сахиб-Назар.
Ты улетел, мой соловей, не видя юности разгар.
Запомни, бедный Сеиди, терпенье — это высший дар!
Бог молодого взял себе, оставив жить того, кто стар.
Не внемлет вседержитель мне, к мольбам и жалобам
глухой!

II

29. ДВА ЦВЕТКА

Два совершенства, два цветка,
Сегодня я увидел их.
И доверительно легка
Беседа шла у нас троих.

Одна — вальяжная соня,
Свежа другая, как весна.
Дух будоражит мне одна,
С другой я благостно притих.

Одна — возвысила мой дух,
Другая — услаждает слух.
Какую предпочесть из двух,
Из восхитительных таких?

Одна — цветущий куст весной,
Другая — жемчуг рассыпной.
Вина испил я у одной,
А в честь другой слагаю стих.

Одна — каскад дневных лучей,
Луна другая, страж ночей.
Она смеется, как ручей
В беспечных струях золотых.

Глаза одной таят дурман,
Другая — маленький джейран.
Одна наносит сотни ран,
Другая исцеляет их.

Одна в наряде дорогом,
Другая в платье простом.
Одна порой грозит перстом,
Другая — радость для живых.

Одна в любви призналась мне,
А от другой я сам в огне.
Хожу в дурманном полусне,
Шалея от упреков злых.

Одна — святой гылман в раю,
А от другой в аду горю.
С блаженным вздохом говорю:
Я, Сеиди, люблю двоих!

30. АРЗЫГЮЛЬ

Ты жертвой сделала певца, —
Вах, Арзыгюль, приди ко мне!
Фатой прикрыв черты лица,
Вах, Арзыгюль, приди ко мне...

Войди в мой дом, покорной став,
Моих соперников прогнав.
Молю, к твоим ногам припав,
Вах, Арзыгюль, приди ко мне!

В слезах молю я об одном, —
Тоска клеймит меня клеймом, —
Лань лукобровая, тайком
Ты, Арзыгюль, приди ко мне!

Я занедужил от любви,
Виновны в том глаза твои.
К больному милость прояви,
Вах, Арзыгюль, приди ко мне!

Я близкий друг, а не чужак.
Жизнь без тебя — крошечный мрак.
Не отворачивайся так, —
Вах, Арзыгюль, приди ко мне!

С огнем, шахиня, не шути —
Он к отступленью сжег пути.
И если грешен я — прости.
Вах, Арзыгюль, приди ко мне!

На плоской крыше под луной,
Ты озаряешь мир земной.
Спустись ко мне, о светоч мой. . .
Вах, Арзыгюль, приди ко мне!

Твой Сеиди вдруг оробел,
Лицом от муки пожелтел,
Взаимность обрести хотел. . .
Вах, Арзыгюль, приди ко мне!

31. АБЛАКСАЯТ

Быстроглазая моя, Аблаксяят,
Что с тобою приключилось, чтостряслось?
Брось на бедного скитальца добрый взгляд.
Что с тобою приключилось, чтостряслось?

В сердце брошенном терзанье и разор,
Душу с телом разлучил лукавый взор.
Отвернулась от меня с недавних пор...
Что с тобою приключилось, что стряслось?

Не печешься, беззаботна, ни о ком.
Сжалось сердце, стало каменным комком.
Вместе выпьем мы вина одним глотком.
Что с тобою приключилось, что стряслось?

Грустно просит Сеиди: не возносись,
Кудри-змеи в небреженье развились.
Ах, куда же ты идешь? Остановись!
Что с тобою приключилось, что стряслось?

32. ДОЧЬ ХОРЕЗМА

Несу тебе в дар любовью проникнутый стих,
Души отрада, Хорезма дочь!
Я только мюрид. Мне б шейха в ней обрести
И стать ей ближе. Препоны — прочь!

Пусть в пламени грудь, в гнетущем смятенье мой
дух, —
С мольбой смиренной, как пилигрим,
Я степью скорбей хоть год не устану брести, —
Лишь ты пред светом не опорочь.

Поэтом меня в неведенье люди зовут, —
Мой разум нынче окутал мрак.
Да, больше никто не скажет, — и ты не сочти, —
Что, мол, с поэтом я схож точь-в-точь.

Святоши-сопí вползли незаметно в мой дом,
Когда забвенья искал в вине,
И сетью тоски сумели меня оплести, —
Ее не сбросить, не превозмочь...

Царица красоты, разлукой терзаешь меня.
О, как мне больно, узнала б ты!
Согбенный, прошу: меня невзначай навести,
Чтоб, сострадая, в беде помочь...

В разлуке зачах, с душою расстался Вамык,
Пал жертвой страсти своей Ферхад.
Я ж верность тебе, твой раб, до могилы нести,
С Меджнуном вровень, хотел бы смочь.

Жестокой не будь! В Каабу вечной любви
Из дальней дали ко мне приди.
Об этом Творцу возносит мольбы Сеиди
В слезах, в стенаньях и день, и ночь...

33. ХАЛЛЫ

На щечках розовых твоих луч солнца заиграл, Халлы.
И, как тюльпан, румянец твой нежнейше запылал,
Халлы.

Под кожей светится огонь иль бадахшанский лал, Халлы.
И каждый, кто видал тебя, рассудок потерял, Халлы,
А я, безумный от любви, еще безумней стал, Халлы.

В одежде утренней своей, нарядной павой выступай.
Толпу влюбленных не жалея, жизнь у несчастных
отнимай,

От звонкой сладости речей пусть цепенеет попугай.
Привет восторженных людей не отвергая принимай,
Твой стан похож то на «алиф», то на склоненный «дал»,
Халлы.

Тот рая преступил предел, кто обнимал тебя хоть раз.
О пери светлая моя, ответь, откуда ты взялась?
Ты — станом лунный кипарис, глаза — сияющий топаз.
Ты, как вторая Зулейха, чаруешь кротким нравом нас,
Но не сравняется с тобой сама Медхалджемал, Халлы.

Сто расцветающих цветов в едином облике твоём.
Надежду поселяешь ты и в изможденном и больном.
Разлука мучила меня, сто раз клеймя мой дух клеймом.
Казалось мне, что свет померк, затмилось солнце ясным
днем, —
Я без тебя угрюмым стал, в заботах изнывал, Халлы.

Я припадал к твоим устам, испив томленья душный
мед, —
Клянусь, что красота твоя на свете равных не найдет.

Твоих сладчайших алых уст и сахар и шербет — рабы.
Нарцисс, и роза, и жасмин твоих цветущих лет — рабы.
Твой лик всех лилий господин. Те, кто тобой согрет, —
рабы.

И все красавицы земли, желают или нет, — рабы.
Затмила, словно солнце, ты прелестниц всех времен,
Назли.

Среди живущих на земле тебе нет равной ни одной,
Тебя бы ангелом назвал — не вижу крыльев за спиной.
Всегда приветлива, скромна, людей чаруешь простотой.
Изъянов не заметил я, столь совершенен образ твой,
И каждый добрый или злой в одну тебя влюблен, Назли!

Гласит народная молва, я сам ее услышать мог, —
Сто тысяч гурий отдают за твой единый волосок.
Ты статным телом высока, твой стан — колеблемый
цветок,

Похожа розовость лапит на раннеутренний восток,
И даже стройный кипарис тобою посрамлен, Назли.

Ты вряд ли ведаешь сама, как всемогуща красота.
Как жемчуг зубы у тебя и как рубин горят уста.
Бог создал, чтоб сияла ты, и недоступна и чиста.
Людей к подножью твоему влечет высокая мечта.
Кто лицезрел тебя хоть раз, рассудка тот лишен,
Назли.

Когда выходишь ты гулять, одета в розовый атлас,
Мужи, узревшие тебя, стать жертвой могут много раз.
Ты, в гиацинтовых кудрях, свежее утра, без прикрас.
Вдыхаю легкий аромат, не отводя влюбленных глаз,
Весенней ясностью твоей весь мир заполонен, Назли.

Есть кудри-кольца у тебя, чтоб в цепи сердце
заковать.
Слов колокольцы у тебя, чтоб слух дивить и
услаждать.
Есть тонкий стан, его хочу, коль бог позволит,
обнимать.
Влюбленных стан, чтоб палачу в тягчайших муках
угождать,
Шахиной воцарилась ты, сама взошла на трон, Назли.

Твои объятия — это рай, там мягче облака постель,
Там наши души и сердца соединит любовный хмель.
Вдыхаю мускус кос твоих, впиваю голоса свирель.
Зачем ты сердце Сеиди бездумно превратила в цель?
Зачем колчан твоих ресниц угрозой тайной полн,
Назли?

35. ОДНА ЖЕНЩИНА

Я расскажу, как надо мной
Смеялась женщина одна.
В платочке с белою каймой
Смеялась женщина одна.

Я на ее пороге встал,
Я объясниться с ней желал. —
Обидный смех в ответ звучал —
Смеялась женщина одна.

Роса покрыла стебли роз.
Шипы цветов полны угроз.
Пронзая сердце мне, до слез
Смеялась женщина одна.

Я, Сеиди, скажу о том:
Любовь дается мне с трудом.
Ведь как Менгли, пунцовым ртом
Смеялась женщина одна.

36. КОВАРНАЯ

Я встречи нашей долго ждал,
В томленьи время пролетало.
Частенько дом твой посещал,
Где ты словам моим внимала.

Казалось мне, что ты добра,
Твой голос чище серебра,
Но эта женская игра
Коварство ловко прикрывала.

Не отличив добро от зла,
Ты холодна со мной была,
Не обняла и не пришла,
Ни разу не поцеловала.

Уста медовы, речь сладка,
Идя, качаешься слегка,
Но что-то память коротка —
Забыла всё, что обещала.

Всё у тебя есть, как на грех:
Лебяжья шея, звонкий смех.
Но я корю тебя при всех,
Клянусь, ругаю — видно, мало!

Всех смертных обыграет рок,
У красоты недолог срок.
И Сеиди простить не смог
Того, что ты певца терзала.

37. ПОРА ТАКАЯ

Не бери мне рану, померк огонь надежды, —
Что делать, сам не знаю, пора такая ныне.
Отдав неверной сердце, доверчивый невежда, —
В любви я изнываю — пора такая ныне.

Меня за все терзанья любовь не наградила.
Я сетовал на бога, бесстрастным небо было.
Луна моя померкла, и солнце не светило, —
Замглилось, не блистая, — пора такая ныне.

Опять колеса рока, вращаясь, застучали, —
Враги зато ликуют, друзья мои в печали, —
Мне больно, словно сердце на вертел нанизали,
Терплю, в огне сгораю, — пора такая ныне.

Себя я проклиная, но, веря непрестанно,
Выпрашиваю жалость у милого тирана.
Никто не делит горя, в груди отверста рана, —
Я с пламенем играю, гора такая ныне.

Тот истинный мужчина, кто, все презрев угрозы,
Смог выпить равнодушно смертельной страсти дозу.
А мне вонзилась в сердце незримая заноза,
Я кровью истекаю, пора такая ныне.

Я — Сеиди, и скоро исчезну, словно тень, я.
Нет крыльев для полета, остаться — нет веленья.
Пишу, чтоб не осталось досады и сомненья,
Жар сердца не смирят, пора такая ныне!

38. КРАСАВИЦА

В одном ауле, на беду,
Я увидал красавицу.
Теперь я места не найду —
Я увидал красавицу.

Из дома вышла не спеша,
Лицом, как вешний сад, свежа.
Смотрю на кудри не дыша —
Я увидал красавицу.

Дорогу тут же я прервал —
Забыл, куда идти желал.
Зовут ее Дурсунджемал, —
Я увидал красавицу.

Я, Сеиди, остался там,
Нужны мне лекарь и бальзам.
Как дальше жить — не знаю сам.
Я увидал красавицу!

39. НЕСЧАСТНЫЙ СЕИДИ

Увидев алость щек твоих,
Смятенно роза облетела.
Поверив слепо в прелесть их,
Цвети она не захотела.

Меня в силки смогла завлечь
Медвяно-ласковая речь.
Зачем влюбленного беречь?
Я плачу, а тебе нет дела.

Приди, тоску души сними,
Меня, влюбленного, пойми.
Иль кожу, словно с Насими,
Сорви с измученного тела!

Коль будем мы наедине —
Соперник мой сгорит в огне.
Тираны смерть пророчат мне —
Не жду я лучшего удела.

Кровавых слез я лью поток —
Тебе всё это невдомек.
Стремлюсь к любимой долгий срок,
Но нет мучениям предела.

От страсти млеет Сеиди.
А боль всё злее, Сеиди.
Тот пожалеет Сеиди,
Кого вдруг зависть одолела.

40. ЖРЕБИИ

Нам любовные томленья, нам страданья суждены, —
Человеку изначально в мирозданье суждены.

То живу я как отшельник, то гуляю на пиру.
Не вино, а кровь глотаю, — мне терзанья суждены.

Юноша вокруг красавиц вьется, будто впрямь
влюблен.
Мне ж, безумному Меджнуну, лишь скитанья
суждены...

На великом торге жизни вновь убытки я терплю.
Бедняку — от щедрых мира подаянья суждены.

Приди, улыбнись! — Сеиди говорит. —
Меня огорчает надменный твой вид.
Сто тысяч покорно стерплю я обид.
Ударь, если хочешь! Но только будь ближе!

42. НЕВЕСТА

Ты совершенством красоты небесных гурий превзошла.
Неужто смертною женой была ты рождена, невеста?
И благонравна и скромна в общенье, в меру весела,
И речь приятна у тебя, со всеми ты равна, невеста.

И кто узрел тебя хоть раз, он оторвать не в силах
взгляд.
Друг друга сотни молодцов из-за тебя клинком
пронзят.
Медовы щечки у тебя, уста как сладостный набат.
Когда б не жгучие глаза, — жестокость в них видна,
невеста.

Красавиц много в мире сем, их невозможно сосчитать,
Но ни одна из этих дев с тобой не смеет рядом стать.
Когда в укромном уголке тебя удастся повстречать,
Ликует у меня душа и счастлив я сполна, невеста.

Я умоляю об одном: толпе соперников не верь,
Моим владеешь естеством, моя душа — твоя теперь.
Готов всех женщин я отдать, сто тысяч вынести
потерь
За твой единственный шажок, — так страсть к тебе
сильна, невеста.

43. НЕЖНАЯ ХАНША

Все восхищаются тобой, гудят восторженно кругом:
И откровенно и тайком стремятся встретиться с тобой.
Мечтаю угождать тебе, став служающим рабом,
И быть счастливым до конца, улыбкой взысканный одной.

Ты всех прелестниц госпожа и превзошла их во сто
крат,
Тебя увидев, человек стать безнадежной жертвой рад.
Ты и таинственный цветник, и гюлистан — волшебный
сад,
Ты роза? Нет, ты краше роз, раскрытых раннею весной.

Когда ты в ярком кумаче выходишь из дому, легка,
То солнце, в зависти глухой, спешит зайти за облака.
А если бросишь быстрый взгляд и бровью поведешь
слегка,
То устыженная луна заволочется пеленой.

Низящен и высок твой стан и белых рук прелестен взлет,
На щечке бархатной твоей приманкой родинка цветет,
Сладчайши алые уста, их поцелуй — пчелиный мед, —
Тот, кто испробовал их вкус, готов пожертвовать собой.

Густой сурьмой подведена, бровь восхитительна твоя,
Когда ты тихо говоришь — речь усладительна твоя,
Всегда приветливо лицо, грудь обольстительна твоя, —
Мы поклоняемся тебе поодиночке и гурьбой.

Когда ты песенку поёшь, то ручеек звенит в горах,
Походкой плавною пойдешь — сонá заплещется в волнах,
Осанка гордая твоя Сельбинияз повергла в прах.
Перед престолом красоты склоняюсь ниц, слуга
простой.

Кто щечки круглые твои с кораллом розовым сравнил —
Оставил прежние мечты, свое он имя позабыл.
Когда бы кладом я владел, к твоим стопам его
сложил, —
Чтоб увидеть тебя опять, не постою я за ценой.

Затмила райских гурий ты — равна самой
Медхалджемал,
Достигнув звездной высоты, лик совершенный воссиял.
Средь жриц священной красоты ты драгоценный редкий
лал.
Ты среди тысяч юных дев как луч сияешь золотой.

Счастливец станет Сеиди, когда к нему ты снизойдешь.
Он, полюбив тебя одну, иных не ставит ни во грош.
В одежде скромненькой своей ты как букет расцветных
роз.
Хочу я стан твой обернуть атласной тканью дорогой!..

44. ЧЕРНОКОСАЯ

Кто увидал тебя хоть раз, о чернокомый ангел мой,
Тот станет о тебе мечтать до окончанья бранных дней.
Не будет радости ему ни знойным летом, ни зимой.
Страдать всё время о тебе — нет муки горше и лютей.

Ты черным глазом повела, и замер мой беспечный смех.
Ты печень выжгла мне дотла, лишила праздничных утех.
Своею красотой смогла затмить красавиц мира всех, —
Они бессильны устоять пред чистой прелестью твоей.

Когда тропинкою идешь — звенят тумара погремки,
И упоительно легки твои поспешные шажки.
Хотанский мускус напоил волос тугие завитки,
В их обрамленье бархат щек еще нежней и розовой.

Тебе красавицы земли за честь сочли бы услужать.
Кто лицезрел тебя тайком, опять мечтает увидеть.
Как персик, подбородок кругл, а сладость уст
не описать, —
Тот, кто пригубил райский мед, лишиться может жизни
всей.

Когда увижу я тебя, то радость в сердце велика, —
Мне слово каждое твое сияет, словно жемчуга.
Кому дано тебя обнять, ты, как тростиночка, хрупка!
И сердце у меня стучит еще сильнее и больней.

Гылманы подойдут к тебе, обступят гурии толпой,
Но нет средь них ни красоты, ни робкой прелести
такой.
Неужто кто-то локоток обхватит властной рукой
И, возомнивши, назовет тебя избранницей своей?

Твой лунный лик — жасмин в цвету, а ротик твой
с бутоном схож.
Предав вселенную огню, влюбленных всех не уничтожь!
Столь своенравной красоты объедешь землю —
не найдешь.
Ты приковала все сердца к себе крепчайшей из цепей.
И с луком бровь твою сравню. Ресницы-стрелы скрыли
взор.
Тебя желанней и родней не мог найти я до сих пор.
Правдив печальный Сеиди — солгать влюбленному позор.
Неутоленная любовь — что в мире слаще и грустней?..

45. КТО НАЙДЕТ?

Пускай любимую мою Полат-молла найдет,
Пусть он торопится идти, забыв дела, найдет.

Хазан морозный в цветнике дыханьем сжег цветы, —
Пусть соловью он розу ту, что не цвела, найдет.

Кто от обид избавит нас, кто душу ободрит,
Ту, что сердечна и добра всегда была, найдет?

Есть славный город на земле, шахини он лишен.
Кто нам такую, чтобы нас вперед вела, найдет?

Уста — нетронутый бутон, а веки как миндаль.
Кто ту, которая всех нас с ума свела, найдет?

Полат сказал мне: «На земле подобной не найти!»
Тогда ее пусть Бек-Назар, чья мысль светла, найдет.

Я без подруги средь подруг, — горюет Сеиди.
Кто ту, которая одна ему мила, найдет?

46. СОВЕРШЕННАЯ

Шахиня, всех затмила ты своей высокой красотой.
Обитель разума в огне, тому виною взор хмельной.

Когда увижу яркий лик, трепещет сердце, как тростник.
Я мотылек, который вмиг сгорел в лучах свечи ночной.

Один ее случайный взгляд сто тысяч мне сулит услад.
И рай дарит она — и ад, и нетерпенье — и покой.

Соединяясь с ней в одно, я терпкой страсти пил вино, —
Парил и падал с ней на дно, безумной схваченный игрой.

Свершая в яви чудеса, вверху разверзлись небеса,
На землю снизошел Иса, в плащ завернувшись золотой.

Давно пора бы перестать вслух и хвалить и воспевать,
Не то начнет меджлис вздыхать, мечтая только об одной.

И величава, и стройна, и томной нежности полна,
В халат двойной облачена, в убор шахини расписной.

Жасмином шелк кудрей пропах, точеный гребень
Его изящен быстрый взмах над черношелковой волной.
в волосах,

Глазам и резко и светло, как будто солнце вдруг
Тому, кто видел, — повезло, нет в мире прелести иной.
взошло,

Не зубы, а жемчужин ряд, уста — пурпуровый гранат.
Слова любви в ушах звучат — так родничок звенит
весной.

Для Сеиди большая честь любимой имя произнести,
Но головы ему не снести, коль это визнает чужой.

47. ВЕСТЬ О КРАСОТЕ

О красоте твоей Лебаб услышал вешним днем, —
Я печень превратил в кебаб, спалив ее огнем.

Всем сердцем и душою всей я полюбил тебя,
И слезы полнят мне глаза, как реки — водоем.

Мне смутно виден образ твой сквозь зыблемый туман, —
Лежит в руинах бранный мир, пустынный мрак кругом.

Я — бедный мытарь, погляди и сжался надо мной,
Глубины горя осознав и сердцем и умом.

Ты на меджлисе красоты полночная луна, —
В ее серебряных лучах невидим звездный сонм.

Струится вечности река, ей не вернуться вспять, —
С тоской внезапной понял я: всё брэнно в мире сем.

С тобой при солнце не могу я быть наедине.
Аллаху слава, ночью мы в мечтах всегда вдвоем.

48. ТВОЯ ЖЕРТВА

Хочу, чтоб стал и рай и ад твоею жертвой.
Хочу, чтоб стал и стар и млад твоею жертвой.

Узнав твой благородный нрав, величье духа,
Стал сам Юсуп, так говорят, твоею жертвой.

К твоим стопам сложил хакан свое богатство.
Стал весь его несметный клад твоею жертвой.

И от улыбки рдяных уст, от полувзгляда
Стал восхищенный майский сад твоею жертвой.

Ты озаряешь красотой всё мирозданье,
И стали звезды, все подряд, твоею жертвой.

Кяфиры, черные глаза, творят убийство,
Аскета сделал ясный взгляд твоею жертвой.

От слов, что ты произнесла, стал сам мессия —
Пусть это трубы возгласят — твоею жертвой.

Целебна пыль твоих дорог, покрытый ею
Стал, отказавшись от наград, твоею жертвой.

Ты, словно розовый бутон, лицо открыла, —
Стать все влюбленные хотят твоею жертвой.

Красавиц много на земле, ты всех затмила,
И стать они мечту таят твоею жертвой.

И среди сотни тысяч жертв, в тебя влюбленных,
Стал Сеиди, хоть сам не рад, твоею жертвой.

49. РОЗА

Зажегся утренний восток, и жарко заалела роза,
Ты, соловья поймав в силок, его не пожалела, роза.

Мир вешним солнцем обогрет, царит везде зеленый
цвет, —
Святоша и сухой аскет хотят, чтоб облетела роза.

Весной мой сад затрепетал, расцвел, защелкал,
засвистал, —
У соловья покой пропал, бедою стать сумела роза.

Когда беспечный пир пойдет и кравчий чару поднесет,
На дне вдруг розово блеснет своей красою зрелой роза.

Ей, подружившейся с огнем, негоже знаться
с вороньем, —
Им опозорить нипочем тебя, цветок несмелый, роза.

Я, созерцаю, изнемог, насыщен розовым зрачок, —
Ты — роза с головы до ног, твои душа и тело — роза!

Одна мечта живет во мне: погибнуть в розовом огне...
С тобою быть наедине мне сердце повелело, роза.

Она, жестокости служа, сгубила многих без ножа,
Но целомудренно-свежа быть каждый раз умела роза.

О Сеиди, ты видел ту, с губами в розовом цвету.
Я понял жизни красоту, и вновь душа запела, роза!

50. РАЗЛУКА

Едва затеплится, лучась, румяноликий небосвод, —
Я знаю, вслед за ясным днем разлуки вечер настает.

Поникнет сусань — цветок, похолодевший от росы,
Но веселит твой взор рагна — он по ночам в саду
цветет.

Гылманы — спутники любви — с тобой беседу заведут,
И станет гурий вокруг тебя кружиться светлый хоровод.

Когда, печальна и нежна, тропинкой узенькой идешь,
Тобой любуясь, восемь створ рай восхищенный распахнет.

А если в огненном плаще ты выйдешь в утренний
цветник,
Сунниты веру предадут, и адский пламень их сожжет.

Я слепну от пролитых слез, но каждый миг в моих
зрачках,
Даря прозренье, образ твой как утешенье предстает.

Тебе посланье Сеиди, томясь в разлуке, написал,
Желая, чтоб аллах послал тебе и славу и почет.

51. НУЖЕН

Чтобы жизнью насладиться, мне айван просторный
нужен,
Хорасанской мастерицы там ковер узорный нужен.
Чтоб в блаженство погрузиться, ветерочек горный
нужен,
Чтоб от сердца веселиться, звон струны проворной
нужен,

Будь прославлен сей день, только радость сегодня
 со мной,
 И навеки простился с печалью и скорбью земной,
 Лед растаял в душе, и я снова встречаюсь с весной,
 Буду вечен, как Хызр, мысль о смерти мне стала
 смешной,
 Пусть разрушится мир, — моя участь не станет иной!

Сердце, брат, мне открой! На пиру мы сродниться
 должны,
 Души в гроздь соберем, воедино мы слиться должны,
 Наша вера — вино! Лишь ему мы молиться должны,
 Выше чаши, друзья, мы от бед исцелиться должны.
 Тот, кто мрачен и зол, — всех несчастий на свете
 виной!

В единении помыслов вижу я счастье и лад,
 Пусть в общине людей лишь согласие и мудрость
 царят,
 Дом священен любой, — пусть же тайну его сохраняют,
 Переломим стрелу, что нацелить в него захотят,
 Будь повержен, чужак, посягнувший нарушить покой!

Виночерпий, заснул?! Кубок дружбы испить я хочу,
 Мой созрел виноград, его сладость вкусить я хочу,
 В благовонном дыму все несчастья забыть я хочу,
 Озорница моя, как сегодня любить я хочу...
 Песнь за песней звучи, я враждую теперь с тишиной!

Прочь, святоша, не то согрешить мы заставим тебя,
 В городах и пустынях бродить мы заставим тебя,
 В жалкой юрте отшельника гнить мы заставим тебя,
 Там постыдный обряд совершить мы заставим тебя,
 Станет нежным и сладостным голос взывающий твой!

Пейте, братья, пусть бороды ваши намокнут вином,
 Пусть не гаснет очаг и гостей приглашает ваш дом,
 Эй, мудрец, заходи, раскрывай свой учености том,
 Побеседуем всласть и поспорим о жизни потом.
 Мы во власти любви, нас беда обойдет стороной!

Сохраняйте же дружества греющий душу костер,
В нем — свершенье мечты, остальное всё бренность и
взор.
Жизнь любви посвятим, пусть минует посмертный укор.
Ночь за горы уйдет, и рассвет обласкает твой взор,
А задержится мрак, — вновь любовь станет нашей свечой!

53. ДУША УСТРЕМЛЕНА

Кровоточащая душа к тебе устремлена моя.
Лучистым взором одари, светящая луна моя!
В разлуке истомился я, на свете ты одна моя.
Вдыхаю днем палящим я, и ночь без сна длинна моя, —
Ты стала совестью моей, жизнь без любви темна моя.

О, луноликая моя, дозвожь смиренной жертвой стать.
Верь, не устану я рыдать, и обожать, и заклинать!
Неужто ты не снизойдешь, сломив молчания печать?
Коль от мучительства умру, тебя злодейкой станут
звать.
Сияньем беспощадных глаз вся жизнь озарена моя.

В твоей улыбке — сотни роз цветут, невиданно досель.
Твой голос — родниковый звон и соловьиная свирель,
А кудри — черный гиацинт в саду, где царствует апрель.
Обитель красоты твоей нас обвивает, словно хмель.
Неутоленную мечтой душа распалена моя.

Среди прелестниц молодых шахиня и султанша ты.
Простерт я с нищенской сумой перед чертогом красоты.
Единый взгляд мне подари, полна сердечной доброты, —
В разлуке с грустью помню я лица точеные черты,
И слезы застилают взор, стезя едва видна моя.

О том, что мукой я томим, пусть по глазам узнают все.
Что я тобою не любим, пусть по слезам узнают все.
Что я кинжалом ранен злым, увидев шрам, узнают все.
О том, что пал я, недвижим, стал прахом сам, узнают
все.
Я раб на торжище любви, — не знал, что так сильна она.

Всевышний, — молит Сеиди, — души бы я не пожалел,
Дозволь с любимой быть вдвоем, других лекарств я
не хотел!
Хочу я только одного, чтоб алый рот, как роза, рдел,
Он бадахшанский жаркий лал, желаний мыслимый
предел.
Одна нужна мне, а другим — потертый грош цена моя.

54 ТОЛЬКО ТЫ

Я мечтаю быть любимым вплоть до смертного конца,
Дать друг другу обещанье, вечной верности обет,
Чтоб ревнивое сомненье не печалило сердца,
Не терзало подозренье и не страшен был навет.

Стрелы — тонкие ресницы, бровь твоя — точеный лук,
Лик твой радостью сияет, как луны полночной круг.
Для меня в твоих объятьях райский сад открылся
вдруг, —
Несравненно это счастье, ничего прекрасней нет...

Все достоинства любимой мне пером не описать:
Груди — спелые гранаты — смог под тканью угадать.
Зря соперник тянет руки, чтоб запретный плод
сорвать, —
Никому не дам нарушить целомудрия обет.

Сеиди душой и телом завладела только ты.
Быть любимой без предела захотела только ты, —
И раба купила смело и всецело только ты, —
Угождать тебе я буду до скончанья наших лет.

55. ХАТИДЖА

Слушай песни мои, о возлюбленный друг:
Как растет моя скорбь, я скажу, Хатиджа.
Ты лишила почета меня и заслуг,
Положи хоть терзаньям между, Хатиджа!

Я измучен тобою, но ты же — мой врач.
О, приди, о, утешь безутешного плач!
Взор очей несравненных — жестокий палач,
И ресницы подобны ножу, Хатиджа.

Мне без черных очей остается пропасть,
За тебя я отдам над вселенною власть.
Приоткрой же лицо, утоли мою страсть,
Я сиянем твоим дорожу, Хатиджа!

Я поведал о муках, дестан сочинив.
Я не радуюсь сердцем, любви послужив.
День и ночь я тоскую, ни мертв и ни жив, —
Я проклятьем тебя поражу, Хатиджа!

Что ни день, то больнее терзается грудь,
О султанша моя, благосклонною будь!
В этом теле душа — беспокойная ртуть.
Дай покой моему мятежу, Хатиджа!

Все — кочевники в мире: посмотришь — и нет.
Кто любил и мечтал — все покинули свет,
В свое время отведали смерти шербет.
На свиданье придешь? Я дрожу, Хатиджа!

Сеиди говорит: словеса твои — мед!
Всеблажен, кто рукою твой стан обоймет.
Только время, увы, эти розы возьмет.
Всё на свете придет и пройдет, Хатиджа!

56. ЦАРИЦА ЗМЕЙ

Брови черные твои —
Крылья птицы, Хатиджа.
Как от ранящей любви
Исцелиться, Хатиджа?

Подвела глаза сурьмой,
Подпоясалась тесьмой.
Вьются косы за спиной, —
Змей царица — Хатиджа!

Все птенцы летят в твой сад,
Молодцы вослед глядят.
С грудкой маленький гранат
Не сравнится, Хатиджа.

Слушай просьбу Сеиди:
От меня не уходи.
Прежних ран не береги —
Не годится, Хатиджа!

57. ВЛАСТИТЕЛЬНИЦА ХАТИДЖА

Злой соперник не дает повидаться нам разок, —
Юной прелестью своей всех затмила Хатиджа.
Хочешь, зеркальце возьми и узорчатый платок, —
Не напрасно гостя в дом пригласила Хатиджа.

Сила тайная любви с давних пор меня гнетет.
Умный скажет: «Увлечен!» — глупый молвит:
«Сумасброд!»

Лучше в зеркальце гляди, как платок к лицу идет,
Это память обо мне, ангел милый, Хатиджа!

Нет искусников таких, чтоб влюбленность излечить,
Шуток легких, озорных, чтоб страдальца подбодрить.
Удалось разлуке вмиг сердце бедное разбить.
Ах, как больно ты меня поразила, Хатиджа!

На болезнь и на печаль рок несчастного обрек.
В омут медленной тоски погрузил меня не в срок.
Рок мне разум омрачил, ослепил слезой зрачок, —
Не пойму, добро иль зло причинила Хатиджа.

Обжигает губы вздох трепетанием огня.
Для друзей теперь я плох, разбижена родня, —
Ополчиться каждый смог на влюбленного меня.
Всех врагов моя беда оживила, Хатиджа.

Не найти второй такой, звездный свет очей моих.
Сердце полнится одной, окрыляется мой стих.
За тебя я сто с лихвой дам красавиц молодых, —
Так своею красотой ослепила Хатиджа.

Разорвать тугую сеть, коль попался, — не могу.
Захотел бы умереть, — попытался — не могу.
Я любовь преодолеть постарался — не могу.
И досада сердце жжет, словно жало, Хатиджа.

Сеиди мечтает вновь к розе уст в ночи припасть
И, хмелея от любви, пить спасительную сладость.
Раб твой связан по рукам, не позволь ему пропасть, —
Стала жизнь моя тебе жертвой малой, Хатиджа!

58. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА

Я, друзья, сегодня вспомнил те далекие края,
Где, подругу призывая, безутешный я бродил.
Там, бессонницей томимый, словно тень скитался я,
И страдал, и бесновался, от тоски лишаясь сил.

Неотрывно я, бывало, в очи ласково гляжу,
Все мои дневные тайны ночью ей перескажу.
Умолял благое небо даровать мне Хатиджу.
«Бог, не дай нам разлучаться!» — я униженно просил.

Надо мной смеются люди, диваною я слышу,
Презираю я аскетов и ханжами их зову.
Вижу кудри-базилики и во сне и наяву.
Хатиджу я вспоминаю, без нее мне свет не мил.

В добром здравии, случилось, сев на борзого коня,
Отправлялся я в дорогу, бодро стремящем звеня.
Ночь свиданья прославляя, утро раннее кляня, —
Плача днем, в разлуке с милой места я не находил.

Соскочив с коня проворно, я родную обнимал, —
Сколько раз я эти щечки, эти губы целовал,
И другого наслажденья и не знал, и не желал...
Те места я вспоминаю, где блаженно счастлив был.

Я, в огне страстей сгорая, вел любовную игру,
А теперь, испепеляясь, стал я пеплом на ветру.
В тех местах, где с Хатиджою разлучен я не к добру,
Сеиди по воле рока сердце горькое разбил.

Мой друг, ответь мне, кто она?
 Что за убор на ней, скажи!
 Не знаю, чья она жена, —
 Томятся все по ней мужи.

Румянец видя на щеках,
 Тюльпан от зависти зачах.
 Шербет и мед в ее речах,
 А может, яд сокрытой лжи.

Смеясь, откроет рот слегка, —
 В нем жемчуг блещет в два рядка,
 Кто к ней спешил издалека,
 Тот страсотерпец и хаджи.

О Сеиди, ты сам не свой —
 Игрой захвачен огневой.
 Ты красоте ее живой
 До гробовой доски служи!

60. ДЖИГИ-ДЖИГИ

Навстречу руки протяни,
 Не будь горда, джиги-джиги.
 С улыбкой на меня взгляни,
 Приди сюда, джиги-джиги!

Тебя я слушаться хочу,
 Ты позови — я прискачу,
 Кричать заставишь — закричу,
 Моя беда, джиги-джиги.

Гляди, как худо мне сейчас:
 Не отводи с усмешкой глаз.
 Пойми меня на этот раз
 Иль никогда, джиги-джиги.

Велишь — повсюду разглашу,
 Что я тобой одной дышу.

Прикажешь — горы сокрушу
Я без труда, джиги-джиги.

Мне не перечь и не груби,
Пойми меня и полюби.
Порыв мой жаркий не губи,
Боясь стыда, джиги-джиги.

Твой муж — трусливый козопас,
Он одолеть не сможет нас!
Я для тебя шербет припас —
Приблизь уста, джиги-джиги!

Сначала бровкой повела,
Меня опасно разожгла,
А после глазки отвела...
Промолви: «Да!» — джиги-джиги.

Дыша вечерним ветерком,
В сад приходи ко мне тайком.
Не то с тобой я не знаком —
Сгинь без следа, джиги-джиги.

Мне исцеленье можешь дать,
С души налет досады снять.
Мечтает робкой жертвой стать
Твой раб всегда, джиги-джиги.

Ох, Сеиди, неужто вновь
Несет страдание любовь?
Хотя бы раз не прекословь,
Не будь тверда, джиги-джиги!

61. К ТЕБЕ

Султанша, знай, издалека, отбросив страх, я шел
к тебе.
В смятенье, робостью томим, в скупых слезах, я шел
к тебе.
Желая жертвой стать твоей и быть в рабах, я шел
к тебе.
Ты стала Меккою святой, — о мой аллах, я шел к тебе,
И сердца отдавался стук в моих шагах, я шел к тебе.

Ах, как мне трудно без тебя! Как вечность, долог
каждый миг,
Я изливаю боль души в бессонных жалобах ночных.
Одна ты в мыслях у меня, я не желаю знать иных...
Как хочешь, мною помыкай, — безволен я, и слаб,
и тих,
Шахния дивная моя, влачась в песках, я шел к тебе.

Я понял: ты прекрасней всех, второй похожей
не найти.
Средь всех искусных чаровниц тебя моложе не найти.
Сладкоречивости такой и нежной кожи не найти.
Той, что на праздничном пиру мне всех дороже,
не найти.
Сказать о том, что ты одна сияла в снах, я шел к тебе.

Ты — человек? Нет — пери ты. О небо, как ты хороша!
Пылает печень у меня и расплавляется душа.
Когда ты в розовом платке из дома выйдешь
не спеша,
На кольца локонов тугих сто дев взирают, не дыша.
Сто тысяч месяцев и дней с трудом, в цепях, я шел
к тебе.

Твои объятия — райский сад, обетованная земля,
Твой рот — фисташка, взгляд — нарцисс, а веки — зёрна
миндаля.
Немилосердные уста меня казнят, молчать веля.
Зачем богатство раздаешь столь нерасчетливо, шая?
Чтоб стать слугой твоим навек, иль пасть во прах, я шел
к тебе.

Кто сахар уст твоих познал, тому не надо умирать.
Источник жизни скрыт в тебе, ты можешь мертвых
воскрешать.
Я не устану воспевать твою волнующую статью.
Ко мне ты доброй не была, не захотела сострадать, —
Поверь, с растерзанной душой, влача свой прах, я шел
к тебе.

Хоть мимоходом появишься в свеченье утренних лучей.
Сверкни, как царственный павлин, среди серых уток
и гусей.

Мои сомнения, молю, улыбкой ласковой рассей.
Тебе поведал Сеиди об испытанье жизни всей, —
Дестан о горестной судьбе неся в руках, я шел
к тебе...

62. НЕ НАЙТИ

Хей! Красавицы подобной в Тегеране не найти!
Ни в узбекском, ни в туркменском караване не найти!
У других подобной неги — знай заране — не найти,
Той красы, росе подобной, и в тюльпане не найти,
Между роз благоуханных — роз медвяней не найти,
У цветов полураскрытых — уст румяней не найти,
Прямизны — у кипариса в стройном стане не найти.

Я прорыскал дни и ночи, побывать везде успев, —
Я подобную любимой всё искал меж разных дев,
В Бухаре и в Каракуле каждый угол обзрев,
Отыскать ее в Джизаке, в Шахрисабзе не сумев,
Я направился к кунгратцам, видел я и Хурд, и Мерв.
Возвращаюсь, понапрасну все пути преодолев...
Не найти таких в Ташкенте, в Намангане не найти!

В Самарканд ли я отправлюсь, посетю ль Ходжент,
Кашгар,
В Зер пойду, в страну Хотана — где найду желанный
дар?

Обойду Керки с Лебабом, обойду Чарджуй, Гиссар,
Заг и Сер, что принимают от пяти врагов удар, —
Турий, пери повстречаю, их познаю страстный жар, —
Знаю, гурии подобной и в Коране не найти!

Сырдарью мы изучили вширь и вдоль, и так и сяк,
И пустыню, где казаху как сосед — каракалпак.
Нурата знакома людям, и Акдаг, и Карадаг,
Карабах, Туршиз с Казвином и Каином знает всяк,
Шемаху, Кашмир с Каманом не минуешь ты никак,
С Шахавендом, и с Багдадом, и с Мединою Ирак, —
Но таких в Хаворе, Парсе, Хорасане не найти!

Не увидишь, не услышишь, сколько ты ни вопрошай, —
В Иссе дева или в Кылче? Где подобных пери край —
Кенегес, Карлюк, Мугида или стольный град Сарай?
Кто таит ее? Афган, Арабистан или Китай?
Армянин ее похитил? Или русский? Иль ногай?
Нишапур, Серджам с Загаем иль Шираза нежный рай?
Нет, подобных ни в Кенгане, ни в Кермане не найти!

Кандагар и Фрах с Кабулом, град прославленный Герат,
И Шади, Хабеш далекий, и Шекван, и Зирабад,
Град Гурбат, и чаша Джама, и возвышенный Келат,
Чинаран, Ходжент в Туране, и пустынный Астрабад,
И Хорезм с Ургенчем древним, и Хива, и Шаабад,
Кирабад, Гурген, Фетэнге — дев похожих не таят.
Столь прелестных в Мангышлаке, в Исфакхане не найти!

Обозрел я в этом мире глубь и высь и верх и низ,
Всюду странствовал, однако девы краше — не нашлись.
День и ночь в одно желанье и стремление слились.
Обыскал я край алеппцев, и мосульцев, и Тебриз,
Шам, Арзрум, Медину, Мекку, обыскал я Рей, Термиз,
Сарпалы, Чечрак с Кулябом, Балх, Кундуз и Караклис, —
Равной ей в Андхое, даже в Бадахшане не найти!

Не один в пути я видел превосходнейший чертог.
Каждый выстроил палаты столь роскошно, сколько мог.
Вырастал у птицы сердца ястребиный коготок.
От Китая до Каира знаю Запад и Восток,
Френгистан, и Серендиб, и Басру — Персии порог,
Лидижан с Джаханабадом, видел Йемен — да не впрок:
Лучших в Луре, да и в Мисре, в Сеистане не найти!

Вы внимлите мне, о брови, ты, мой месяц молодой,
Я теперь любви невольник, стал я хворый и худой,
Вечерами и утрами полон я одной мечтой.
Я тебе да буду жертвой с обреченной головой!
Никогда не утоляла ты сердечный пламень мой.
Сеиди сказал: тиранов видел много мир земной,
Но такого вам, кяфиры, мусульмане, — не найти!

63. МОЯ КРАСАВИЦА

Светлолица, черноброва ты, красавица моя,
Упованье всеблагого ты, красавица моя.
Причинила много злого ты, красавица моя,
И нежна ты и сурова, о красавица моя,
Воцарилась в сердце снова ты, красавица моя.

Чудо гордое вселенной, кем была ты рождена?
От красоты твоей нетленной в мире смуты и война.
Убивает взгляд мгновенный, власть на то тебе
дана, —
Распростились с жизнью брэнной сёмьи, роды,
племена.
Молви ласковое слово, о красавица моя!

Пусть иные упрекают, говорят, что я не прав,
Средь изысканных красавиц лик единственный избрав.
Всех влюбленных умиляет твой простой, открытый
нрав.
Кто с тобою был в меджлисе, став участником забав,
Понял: рая нет иного, о красавица моя!

Мне случилось быть в Ургенче, исходить родной
Лебаб, —
В Бухаре сердца влюбленных превратила ты в кебаб.
Если б ты вошла неожиданно и вина испить могла б, —
Без плаща тебя увидев, я бы дрогнул и ослаб.
Мир спалишь в огне багровом ты, красавица моя.

Два мучителя-кяфира — взоры бархатно-хмельны,
Силой дружеского слова мертвецы оживлены.
Непорочные гылманы, видя лик твой, смущены,
Ты не знаешь, как ни странно, красоте своей цены.
Красота — любви основа, о красавица моя!

И потайно и открыто исходил я много стран, —
Понял я, что дивный облик был одной на свете дан.
В честь твою слагают песни и торжественный
дестан.
О тебе Тебриз наслышан, восхищен тобой Туран,
Шах влачит любви оковы, о красавица моя!

Сеиди одно словечко от любимой услышал,
И приветливой улыбки он слугой отныне стал,
И приветствия прекрасной написать бы пожелал, —
Заготовил он бумагу и калам искусный взял, —
Пятистишие готово, о красавица моя!

64. ШЕМШАТ

Дай наглядеться на тебя, пойдем в простор полей,
Шемшат.
От гиацинтовых кудрей лик лунный стал светлей,
Шемшат.
Ты роза в радостном саду, но ты еще милей, Шемшат.
Уйдем вдвоем под сень ветвей, вдвоем нам веселей,
Шемшат.
Мне шею ручками обвей, прижмись ко мне тесней,
Шемшат.

Приду — ты спрятаться спешишь, я уйду — ты тут как
тут.
Зачем не смотришь мне в глаза, куда тебя мечты влекут?
Испепелишь меня дотла, и прах мой ветры разнесут.
Коль я погибну от любви, тебя убийцею сочтут,
Мой друг придет и отомстит за то, что ты всех злей,
Шемшат.

Ты — сизокрылая соня, нам вместе волн не бороздить,
Светильня жарко зажжена, но мне огня не погасить,
Обитель сердца холодна, а мне тот лед не растопить.
Ты в небо улететь вольна — любви иначе не избыть,
Но песнь отвергнутой любви звучит еще слышней,
Шемшат.

Возьми свой шелковый кушак и тонкий стан им обвяжи,
К своим божественным ногам богатство мира положи.
В наряде красно-золотом джигитам головы кружи.
Не отвергай, прошу, меня, будь милосердней Хатиджи, —
Прославил Сеиди тебя, его ты пожалей, Шемшат.

65. МОЛОДИЦЫ

Вы смеетесь надо мной, дав мне прозвище:
«Старик»,
Ох, неопытны еще, бестолковы молодницы!
Молодым считать себя и поныне я привык
И, обиду затая, прибыл снова, молодницы.

Ведь совсем недавно я молодцом отважным слыл.
Средь джигитов-удальцов слыл я самым удалым.
Я, по правде говоря, славно юность проводил,
Был и счастлив и любим, право слово, молодницы.

И теперь без хвастовства рассказать не премину,
Что, горя в огне любви, с нетерпеньем ждал весну.
Вы же, милые мои, усмотрели седину
И хихикать надо мной вмиг готовы, молодницы.

Я ведь легок на подъем, не горбатится спина,
Потому меня ничуть не печалит седина.
На коне скакать могу, и душа любви полна, —
Ведь живет в моей груди дух здоровый, молодницы.

Всюду, близко и вдали, я друзей приобретал,
В жизни добрые дела бескорыстно совершал,
Имя честное свое я ничем не запятнал,
А богатства у меня нет иного, молодницы.

Знал я много на веку упоительных усад.
Я на дружеском пиру ел и пил с друзьями в лад.
И сводил меня с ума молодой красотки взгляд,
Но от вас я перенес много злого, молодницы.

Сеиди, угодник ваш, нищетой томим теперь,
Он, умеющий любить, вами не любим теперь.
Я согласен всё терпеть, чтоб не быть гоним
теперь, —
Рассудите, не должны быть суровы, молодницы!

66. СТАЛО БОЛЬШЕ

Друзья, худые времена, —
 Несчастных — вдвое стало больше.
 Душа правителей темна,
 Творящих злое стало больше.

Забыв, что близок Страшный суд,
 Пирует праздный лизоблюд.
 За деньги совесть продают, —
 Лжи и разбоя стало больше.

Мир — двор нечистый, проходной,
 Живет наживою одной.
 Таких, что даже в пост святой
 Творят срамное, стало больше.

Пойми взволнованным умом:
 Невзгод всё больше с каждым днем,
 Клеветников, что лезут в дом,
 Грозя бедою, стало больше.

Сердца невежд развращены.
 Страдает правый без вины.
 Злодеев ханов у страны,
 Увы, не скрою, стало больше.

О Сеиди, померк твой взгляд!
 Народ походит на ягнят.
 Волков, что их пожрать хотят,
 Кичась собою, стало больше.

67. ЛЕБАБ

Лебаб бесчестьем заражен,
 Царят в нем скверна и разврат.
 Родных и близких гонят вон,
 Приветить вора норовят.

Двуличный властвует злодей,
Святым слывет прелюбодей.
Изгнали праведных людей —
Лебаб похож на смрадный ад.

Лишь изворотливые все
Живут в довольстве и красе.
Ахуны, кончив медресе,
Презрели древний шариат.

Настало время черных смут.
В глаза друг другу люди лгут.
Неправедный свершают суд
Над теми, кто не виноват.

Беспечным быть — прошла пора,
Друзей любить — прошла пора,
Спокойно жить — прошла пора, —
Кругом и свары и разлад.

Одни — в жестокой нищете,
Другие — в праздной суете.
В заботе о своем скоте
Родного брата предал брат.

Отвергнув мудрого совет,
Спешат за подлым воров вслед.
Я, Сеиди, на склоне лет
Хочу идти с благими в ряд.

68. МЕЖДУ ДЕЛОМ

Говорю про наше время, не скрывая осужденья:
Мир в стяжательстве презренном погрязает, между
делом.

Есть такие, что, свершая каждый день грехопаденье,
Злобой собственные души распалают, между делом.

Богатеи-скупердяи неимущих обобрали,
Из души ожесточенной верность многие изгнали.
Молодухи и девицы стыд последний потеряли
И легко к дурному сердце приучили, между делом.

Когда к наживе вспыхнет страсть,
К шайтану лезть готовы в пасть.
Мулла набьет утробу всласть,
А совесть отдает на слом.

Все стали мнительны вокруг:
Бегут от дружеских услуг.
Не мудрено — ведь друга друг
Ограбил ночью за углом.

Но Сеиди вам говорит:
Мир всем равно принадлежит.
Был шах богат и знаменит,
Но превратился в глинозем.

70. МОЖЕТ

Злодей глядит исподтишка,
Он обмануть любого может.
Он сплетни сыплет из мешка
И очернить святого может.

Живут без страха и стыда,
Поганой сделалась еда.
Нет в доме хлеба — не беда,
Кормить детей полова может.

Пристойность посрамив, иной
Бородку красит рыжей хной.
Ишан, украшенный чалмой,
Оставить нас без крова может.

О смертном часе позабыв,
Ум на хмельном пиру пропив,
Мулла сидит, живот набив, —
Он одуреть от плова может.

Спеша полней набить карман,
Забыли веру и Коран.
Кто этих падших мусульман
Остановить сурово может?

Взошли неправды семена,
В безверье ввергнута страна,
И обольститель сатана
Явиться к нам без зова может.

Я, Сеиди, открою вам:
В упадке праведный ислам,
Мир скоро треснет пополам —
Сгореть его основа может.

71. УРОК

Я расскажу вам о былом:
Казалась легкой жизнь вначале.
Сиротство нас ждало потом,
Мы прежде жили без печали.

Беспечно годы детства шли,
Достаток после обрели —
Клочок сухой своей земли,
Где мы, случалось, бедовали.

Потом узнали, что обман
Ждет обделенных мусульман.
Когда у мужа пуст карман,
Подарок купит он едва ли.

И неудач и козней тьма —
Их жизнь готовила сама.
Иные полнят закрома,
Другие совесть потеряли.

Правдивый выслушай совет:
Кто внемлет, тот избегнет бед.
В аду за сплетни и навет
Жестокосердных наказали.

Для посторонних странно глаз,
Что кто-то рядится в атлас,
Другим нет хлеба про запас —
Всю жизнь они недоедали.

Глаза в невытертых слезах,
Гнетет за будущее страх.
Одно осталось: видеть в снах
Тот край, который потеряли.

Внемлите жалобе моей:
Шах — самый худший из зверей, —
Он лучших истребил людей,
Смердящим псом его прозвали.

Не шах — базарный вор, друзья.
Его геенна ждет, грозя.
Презрел, чего забыть нельзя, —
Завета грозные скрижали.

Речь Сеиди урок таит:
Живи, как шариат велит.
Пусть мертвый прах в земле лежит,
Покуда трубы не взыграли.

72. БУДЬ БЛАГОРОДЕН

Ты должен храбрым помогать,
Быть с ними всюду заодно.
За труса душу отдавать,
Ей-богу, было бы грешно.

Всё мимолетное пройдет, —
Вослед зиме весна грядет.
Отважный выступит в поход,
А трусу это всё равно.

Лентяев праздных сторонись,
С глупцом никчемным не водись
И труса к сердцу не приблизь,
С ним время коротать смешно.

Весна куст розы расцветит,
Сердца влюбленных веселит.
Будь благороден, мой джигит, —
Запомни правило одно!

Если спросят: «Чьи вы родом?» — отвечайте: «Дети праха!»

За ничтожные обиды только трусы мстят из страха.
Я того не осуждаю, у кого жена неряха, —
Тот, кто любит, нерадивость снисходительно прощает.

Хатиджа придет к нам в гости, пусть сидит с друзьями
вволю.

Уточку мою обидеть никому я не позволю.
Сеиди вас просит слезно: не травите раны солью,
Бередить того не надо, что спокойно зарастает.

74. БЕРЕГИ ЧЕСТЬ

Настоящие джигиты честь мужскую не уронят.
Боязливый муж отважным, непреклонным стать не может.
И подчас родного брата нам дороже посторонний,
Если брат твой равнодушный про тебя узнать не может.

Изначально всем живущим предназначен путь особый,
Часто близкие бывают полны зависти и злобы.
Шарлатаны заболевших не излечат от хворобы,
На себя такую смелость неуч знахарь брать не может.

Принимать гостей хозяин, как велит закон, обязан.
Тот, кто это не исполнит, тот презрением наказан.
Назову того алмазом, кто священной клятвой связан, —
Он ее, от всех скрывая, предавать никак не может.

Сеиди всегда на тое щедро гостя угощает,
Всем поделится, но тайны никому не разболтает.
Он единственной любимой Хатиджу свою считает
И возлюбленной другую никогда назвать не сможет.

75. БУДЬ ДОБРЫМ

Ох, многотруден этот год!
Злодеи восторжествовали.
Кто добрым был, стал нищим тот,
Сердца людей гнетут печали.

Судьба карала всех подряд:
Кто неимущ и кто богат, —
Разверзся под ногами ад,
И в дымный прах дома упали.

Последних мы лишились благ,
Не смог насытиться бедняк.
Бай-ростовщик набил кушак,
И подлецы всю власть забрали.

Великодушных больше нет,
Людей послушных больше нет.
Стал богохульником аскет, —
В ожесточенье души впали.

У ханов скаредна душа,
У нищих денег ни гроша.
Мошна толста у торгаша,
Купцы барыш считать устали.

Сын о родителях забыл,
Отцу родимый сын немил,
Родному брату брат постыл, —
Чужими родственники стали.

На рынке цены высоки.
В беде казахи, кыпчаки, —
Нужда расставила силки,
Давно мы хлеба не едали.

Купцов оставил божий страх —
Обманут ближнего в весах.
И те, что держат власть в руках,
До нитки нищих обобрали.

Раздумья душу мне гнетут:
Придут дни горя и уйдут.
Мороз сковал предзимний пруд,
Покров на речке крепче стали.

Немногословен Сеиди,
Он говорит: обет блюди,
От добрых дел не уходи,
Нам это предки завещали!

Когда разлука нас гнетет —
 Мы как заблудшие в пустыне.
 В душе и смута и разброд.
 Рассудок я теряю ныне.

Сносить страданья нету сил.
 Скорей бы смертный час пробил!
 Родитель сына схоронил
 И убивается о сыне.

Он от нахлынувших забот,
 Где тьма, где свет, не разберет.
 Конечен дней круговорот,
 В них нет правдивости в помине.

Цель жизни быть у всех должна —
 Иначе смысла лишена.
 Дом, где неверная жена,
 Подобен рухнувшей святыне.

Честь с малолетства береги,
 С имущим не вступай в торги.
 Коль бедный делает долги —
 Он легкомысленный разиня.

Бесчестен род у подлеца —
 Похожи дети на отца.
 Терзает грубость нам сердца,
 Она вбивает в душу клинья.

Я, Сеиди, скажу одно:
 Терпи, коль роком суждено...
 Несчастливы те, кому дано
 Быть погребенным на чужбине!

Пир попрошайкой жалким стал —
Он легких денег возжелал.
Хоть он себя «сопи» назвал,
Но и чалму и сан марает.

Коль лекарь начал мзду ломить,
То как больного исцелить?
Не может хворый боль сносить —
Его болезнь одолевает.

Тревогой Сеиди объят:
Презрели муллы шарият.
Бог за бесчинства и разврат
Людей имущих не карает.

79. ЗАПОМНИТЕ

Так скажу: джигит не смеет чувство гордости терять,
Даже если обессилет от нахлынувших невзгод.
Должен он держаться стойко, людям вида не подать,
Пусть свои скупые слезы вдалеке от всех смахнет.

Тот, кто жемчуга не видел, перл не сможет оценить.
Говорит: «Нашел ракушку или камень, может быть...»
Козопаса раздражает скакуна лихая прыть,
Нера только караванщик взглядом опытным поймет.

У разумного джигита вся сноровка хороша,
Своротить сумеет гору, камни молотом круша.
А когда на сердце тяжесть, если ранена душа,
То весна тогда не в радость, зимний холод душу жмет.

Храбрость с трусостью позорной несовместны с давних пор,
Нам в делах помехой служит незаслуженный укор.
В жизни лучшая поддержка — задушевный разговор, —
Друг, забыв свою обиду, успокоенным уйдет.

Сеиди сказал: я ныне опечаленный хожу,
Без единственно любимой места я не нахожу.
Но запомните, кто смеет посягнуть на Хатиджу,
Смертью будет тот наказан, мертвым наземь упадет!

80. ЛУЧШЕ

Слово вам о брэнной жизни я хочу произнести:
Если ты на свет родился, жить, купаясь в счастье,
лучше.
Но чтоб гордо и достойно в дни невзгод себя вести —
Закалиться в неудачах, пережить напасти лучше.

Этот мир, скажу вам прямо, неподатливый кремень.
Сроки жизни сокращают каждый час и каждый день.
Гнев нас разума лишает, на себя узду надень, —
Жить, чтоб дьявола не тешить, укрощая страсти,
лучше.

Честным будь и сына к правде с малолетства приучай,
На случайных проходимцев жар души не расточай.
Этот мир, на взгляд и ошупь наблюдая, изучай.
Чем хулить свою отчизну, вы ее украсьте лучше.

И хорошее и злое на одной кошме лежат.
С давних пор кази и ханы искажают шарият.
За четыре медных гроша запродать ислам хотят,
Им, не помнящим аллаха, у шайтана в пасти лучше.

Богатеи и тираны нашу землю продают,
От добра отворотились, в нечестивом зле живут.
Знаю, поздно или рано, трубы мертвых призовут, —
К обездоленным и сирым проявлять участие лучше.

Изгоняйте вражью силу — Сеиди гласит завет.
После смерти благородный будет признан и воспет.
Проживя на этом свете девяносто с лишним лет,
В мир иной переселиться, позабыв несчастье, лучше.

81. ВСЕ УИДЕТ

Я размышляю об одном:
Беда, коль вдруг хазан дохнет.
Нет постыянства в мире сем,
Любовь тропой разлук уйдет.

Любимый край опорой был,
С отчизной рок нас разлучил,
А плод, что ты в саду растил,
Смерть равнодушная сорвет.

Сперва достаток наживем,
Потом родных не узнаем,
И дружбу, словно бурелом,
Огонь вражды дотла сожжет.

В руины превратится храм,
Смерть ханов приберет к рукам.
Считался храбрым львом Рустам,
Но и его забвенье ждет.

Стремись достойно жизнь прожить,
Богатством смерть не подкупить.
Смог дэва злого Зал сразить,
Забыв о том, что сам умрет.

Дороже денег жизни миг.
Шеддад вещал, что он велик, —
Но смертный час его настиг.
Казна Каруна не спасет.

Речь Сеиди таит урок,
Я правду сущую изрек:
Умрут и грешник и пророк, —
И этот взят землей, и тот...

82. НЕ СТАНЕТ

Когда весенний зной придет,
Бурлить в горах поток не станет.
Когда на сад хазан дохнёт,
Цвети любви цветок не станет.

Смерть — птица, чей невидим след.
Путей обратных мертвым нет, —
Вождей, уставших от побед,
Львов, барсов — минет срок — не станет.

Темнит рассудок сатана.
У смерти всем одна цена.
Такие будут времена —
Никто топтать песок не станет.

Никто от смерти не уйдет.
Когда последний час пробьет,
Богатство хана не спасет, —
Того, кто был жесток, не станет.

Тому, кто не растил детей,
Уныло жить на склоне дней.
Очаг — могилы холодней, —
Хранить его сынок не станет.

Жизнь — проходящий караван, —
Один конец всем сущим дан,
Кто был рабом, а кто ишан, —
Всех рок судить едино станет.

Ох, время, ты игрок лихой, —
Погибнут добрый и плохой.
Развеет ветер прах сухой,
Струиться крови ток не станет.

Рек Сеиди: всё в мире — тлен.
Мы не поднимемся с колен,
Не ждать нам новых перемен,
Пока трубить пророк не станет.

83. ПРИДЕТ

Когда восплачут все рабы,
Бог милосердный к нам придет,
Под звук архангельской трубы
В рай всех страдальцев призовет.

К словам дурных доверья нет,
В сердцах святых неверья нет.
Тех, кто надеждой не согрет,
В любом деянье ждет просчет.

В день битвы красен глаз бойца,
Кровав песок, стучат сердца.
Кровь красит холку жеребца,
И малодушных страх берет.

Гордись арабским скакуном,
Бодришь, вступая в бой с врагом.
Когда сражений грянет гром,
Постыдной дрожью труса бьет.

Придвинь голодному еду,
Он съест мгновенно, на виду.
Коль храбрый попадет в беду,
Помочь Шахимердан придет.

Пред нами испытаний путь,
Но терпелив в пустыне будь.
Знай, Страшный суд не обмануть —
Прощенье только добрых ждет.

Твой род продлится в сыновьях,
Когда их нет, то он зачах.
За всё хорошее аллах
Сторицей людям воздает.

Пока жива во мне душа,
Дышу, печаль свою глуша,
Дела полезные верша, —
Сам Сеиди похвал не ждет.

I

84. ВОЗЛИКОВАЛИ МЫ

От нашей силы недруг оробел,
 Лишился божьего благословенья.
 И сразу мир подлунный просветлел,
 Как будто стал он садом в час цветенья.

Возликовали мы, гоклен, йомуд, —
 От нашей силы недруги бегут.
 Где раб, где господин, не разберут,
 В долинах опустели их селенья.

Текинцы, мы на быстрых скакунах
 Летим, во всех врагов вселяя страх.
 Нас да избавит от беды аллах,
 За наше истое ему служенье!

Там будто бы творится Страшный суд.
 Враги повсюду мечутся, снуют,
 Они друг друга давят, вдаль бегут,
 Предав свои ж селенья разрушенью.

Горит огонь всю ночь и день-деньской.
 Где юрты, что стояли над рекой?
 Смешались конский храп и стон людской,
 Пески от крови красны и камня.

Я, Зелили, о том пою сейчас,
 Что нас аллах оборонил и спас,
 Что в светлый час благословил он нас,
 Что нам победу ниспослал в даренье.

85. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА

Да будет, джигиты, вам весело всем!
Здесь столько людей превратилось во прах,
Но юная дочка Аббаса Сенем
Встречала любимого в этих местах.

Здесь крались охотники темной тропой,
Здесь клялись в любви и грешили божбой,
И здесь же красавицы юные в бой
Любимых своих провожали в слезах.

Кибитки здесь ставили, правили той,
Скакали и целились в тыкву стрелой,
И цели своей достигали порой
Здесь, в этих краях, на крутых берегах.

86. СТАТЬ БЫ БРАТЬЯМИ

К тебе, Риза-ходжа, я, жалкий раб,
Сегодня воссылаю обращенье:
Нам стать бы братьями с тобой, когда б
К тому же было и твое стремленье.

Я грешен был, и был непрямым мой путь,
Но праведность твоя когда-нибудь
От стрел разящих заслонит мне грудь
В день Страшного суда, в день воскресенья.

Не сразу понял я, что жизнь — вода,
Что время утекает навсегда.
Я был беспечен в прошлые года,
И сотворял намаз не каждый день я.

Людская жизнь короче с каждым днем,
И шелк с годами может стать тряпьем.
Понятно мудрецу, что мы речем,
Меж тем как дураку не впрок ученье.

Жизнь коротка, и наша ли вина,
Что в жизни только молодость — весна,

Ее пора светла, но не длинна.
Ну, а зима — не время для цветенья.

Будь славен тот, кто, не жалея сил,
Весь век свой только истине служил.
Мне тридцать с лишним лет, я не явил
За век ни послушанья, ни смиренья.

Так пусть меня ведет твоя рука.
Я, Зелили, на роль ученика
Еще гожусь какой-то срок, пока
Есть жажда и способность постиженья.

87. МАСТЕР

Пусть сам аллах благословит твой труд.
Что сделал ты, мне очень кстати, мастер.
Мне кстати повод, и кольцо, и кнут,
Но ты не говори о плате, мастер.

Пусть будет нам с тобой на всех путях
Неведомы ни горести, ни страх.
А что до платы, так — велик аллах —
И кто-нибудь тебе заплатит, мастер.

Да будем, мастер, мы с тобой людьми.
За труд свой плату бóльшую возьми:
Мое благословение прими,
Чтоб избежать моих проклятий, мастер.

Не вечны этот край и этот дом,
И мы не вечны, все мы прочь уйдем.
Но что б ни ждало нас на свете том,
Негоже думать здесь о злате, мастер!

Я, Зелили, могу тебе сказать:
Судьба слепа, и надобно желать
Нам обрести господню благодать.
Всё тщетно, кроме благодати, мастер!

Ты в дальний край откочевал навек,
 И далеко твой край родной остался.
 И убивался всякий человек,
 Который жить, простясь с тобой, остался.

Оборвалась непрочной жизни нить.
 С тобою вместе нам не есть, не пить.
 Как вырастет, как дальше будет жить
 Твой сын, бедняжка, что грудной остался?

Сгорает грудь у одиноких нас,
 И льются слезы горькие из глаз
 У всех у тех, кто в этот скорбный час
 С твоим уходом сиротой остался.

И даже тот, чье сердце словно лед,
 Сейчас печалится и слезы льет,
 Без своего любимца в черный год
 Весь род твой, дружный и большой, остался.

Остались те, кто мог бы умереть,
 Кого бы и не стали мы жалеть.
 Вот лавка та, где ты чеканил медь,
 Вот дом, что без тебя пустой остался.

Увы, добро всегда слабей, чем зло,
 И потому тебе не повезло.
 Остались и уздечка и седло,
 И верный конь твой скаковой остался.

Я, Зелили, сдержать не в силах слёз.
 К твоей могиле я дестан принес
 И с горьким плачем слово произнес.
 Я, одинокий и больной, остался.

Гокленов знатнейший бек, гроза для враждебных
 стран,
 Врата городской стены, достойный Халлы-Кара,
 Чей лик — планета Зохре, серп месяца рамазад,
 Столп мира, оплот небес — наш вольный Халлы-Кара.

Был с кречетом верным ты ловец — повелитель змей,
 В пещере темной, глухой — удав, что дракона злей.
 Незыблем как якорь, — слыл защитой родных степей,
 Ты крепостью был в краю предгорном, Халлы-Кара.

Над твердью земной парил ты ястребом в вышине,
 В ущельях ты с барсом, львом и тигром стал наравне
 И взглядом сеял огонь, когда, как могучий нер,
 Верблюдов вел караван двугорбых, Халлы-Кара.

Копытами скакуна ты эхо будил в горах,
 Да так, что скалы трясло и камень дробился в прах.
 Полсотню врагов — один поверг ты в смертельный
 страх,
 Заставив бежать толпой нестройной, Халлы-Кара.

Смерть — зло беспощадней всех — тебе Творец
 ниспослал.
 О, если б ты долгий век был с нами, не умирал!
 Но, курдов силу словив, когда с них дань собирал,
 Внезапно ушел от нас, покойный Халлы-Кара...

При жизни имя твое узнали Йезд и Керман,
 При звуках славы твоей кидало в дрожь Исфахан.
 В могиле ты — но поэт сложил о тебе дестан,
 Тебе хвалою весь мир наполнен, Халлы-Кара.

Сказал Зелили: главой до солнца поднялся ты.
 Погибель врагам, — как дэв, на них ополчался ты.
 С Махмудом-Слоном самим по силе сравнился ты,
 С китом в пучине морской, бездонной, Халлы-Кара!

90. ПРОЩАЙ

С любовью взлелеянный мой огород,
Мне долго был радостью каждый твой плод.
На север, в Хиву, меня враг уведет,
Сегодня тебе говорю я: прощай!

К тебе убежал я от зноя, мой сад!
Вдыхал я душистых цветов аромат.
Любил Зелили твой зеленый наряд,
От тени твоей ухожу я. Прощай!

Мой дом, ты открыт был всегда для гостей,
Ты слышал немало веселых вестей.
Уводят меня из-под кровли твоей.
Из двери открытой пойду я, — прощай!

Вы, овцы, не скоро на вас я взгляну.
Верблюды, ты привез мне когда-то жену.
Прощайте, любимые, друг ваш в плену.
Вы, травы, ты, поле, — в плену я, прощай!

Придет на развалины друг мой, поэт,
Мой поздний от вас он услышит привет.
Скажите ему: «Зелили уже нет.
Тебе передал он, тоскуя: прощай!»

Балханы! И к вам Сеиди подойдет,
У вас, великаны, ответ он найдет.
В далекие страны дорога ведет.
Ты, край мой скалистый, иду я, — прощай!

Ты, неба высокого синий шатер!
Прощай, мое небо, мой кончен простор,
Меж скал увидало ты черный позор.
Сегодня всему говорю я: прощай!

Садовников новых я вижу вдали,
Ишаны и ханы исчезнут с земли.
И вспомнит свободный народ Зелили,
И скажет врагам он, ликуя: прощай!

91. ПРИХОДИТСЯ

Земля моя, сегодня ты пуста.
Беду разлуки нам сносить приходится.
Умолкли песни певшие уста,
Молчание нам всем хранить приходится.

Нам, разлученным, свидеться опять
Случится ли? Никто не может знать.
И нам опять оружие в руки брать,
Чтобы тирана победить, приходится.

Тот светится светильник, тот погас.
Тяжка беда, что угнетает нас.
И груз тяжел, что мы несем сейчас,
Из глаз нам слезы с кровью лить приходится.

И всё же Зелили стоит на том,
Что роща неразлучна с соловьем.
Мы возвратимся в наш родимый дом,
А ныне нам о нем грустить приходится.

92. ЖИЗНЬ МОЯ ПОСТЫЛОЙ СТАЛА

Я много исходил чужих сторон,
И жизнь моя давно постылой стала.
И, как чабан, я с теми разлучен,
Кого любил, с кем я ходил, бывало.

Лишения терплю не первый год,
Скитаюсь я, меня скитанье ждет,
И тысяча печалей и невзгод
На грудь мою, мне на голову пала.

Я бросил светлый край, шагнул во мрак,
И неоткуда ныне ждать мне благ.
Зато я понял, кто мой друг, кто враг.
То понял я, чего не знал сначала.

Мы ныне здесь, а родина вдали.
От мест родных мы далеко ушли.
Узнали цену мы родной земли
Теперь, когда ее у нас не стало.

И нынче, не юнец, не аксакал,
Я всякую опору потерял
От горестей и бед, что я познал, —
А бед и горя я познал немало.

Бурлит Хива, а я Хиве не рад,
На теле раны у меня болят,
Мне кажется: на мне горит халат
И вся на мне одежда запылала.

Ни радости, ни счастья не могли
Мы обрести вдали родной земли.
Чужбиной сыт по горло Зелили —
Его чужбина эта доконала.

93. РОДНАЯ СТОРОНА

Тот край, где я теперь, душе моей не мил,
Я сердцем льну к тебе, родная сторона.
Атрек, Гурген — места, где вырос я и жил.
Я сердцем льну к тебе, родная сторона!

Там с белоснежных гор стекают родники,
Газели там в горах пьют воду из реки.
Там реки глубоки, долины широки.
Я сердцем льну к тебе, родная сторона!

Несметные сады, счастливые края,
Там множество зверья у каждого ручья.
Там дом, где я рожден, там молодость моя.
Я сердцем льну к тебе, родная сторона!

Не только богачи, но даже бедный люд,
Все досыта едят и сколько надо пьют.
Брось в борозду зерно — окупится твой труд.
Я сердцем льну к тебе, родная сторона!

Веселые пиры родимой стороны,
Простолюдин и бай — на тое все равны.
Кибитки там красны, красавицы стройны.
Я сердцем льну к тебе, родная сторона!

Горяч красавиц взгляд, он излучает свет,
Красавицы едят кишмиш и пьют шербет.
Там любят горячо, любви запрета нет.
Я сердцем льну к тебе, родная сторона!

Там каждый воин смел и мудры вожак,
За край родимый пасть готовы смельчаки,
И пало много их от вражеской руки.
Я сердцем льну к тебе, родная сторона!

Во что превращены родимые края!
Развалины черным-черны от воронья.
И весело врагам, и слезы льют друзья.
Я сердцем льну к тебе, родная сторона!

Что наша боль врагам, что им наш плач и стон,
Что от того, что я с собратом разлучен,
И край родимый мне любимей всех сторон?
Я сердцем льну к тебе, родная сторона!

Султаном был Юсуп в стране у египтян,
Но предпочел рабом вернуться в Ханаан.
Уж лучше дома раб, чем на чужбине хан.
Я сердцем льну к тебе, родная сторона!

Темно вокруг, и нет просвета впереди,
Где ты, мой лучший друг, любезный Сеиди?
И грудь моя болит, и всё, что там, в груди.
Я сердцем льну к тебе, родная сторона!

Где Зелили сейчас, там гиблые места.
Там всё, что ни на есть, пустая суета.
Там даже той — не той, там жизнь людей пуста.
Я сердцем льну к тебе, родная сторона!

94—95. ПОСЛАНИЕ К СЕИДИ

1

От близкого сердца с чужбины далекой
К тебе донесется ль мой стон, Сеиди?
С Халлыклыч-сердаром на запад с востока
Я шлю свой печальный дестан, Сеиди.

Родные поля и аулы покинув,
Народ подневольный побрел на чужбину.
Без пищи, без крова в глухую пустыню
Мы шли, изнывая от ран, Сеиди.

Отчизна! . . . О ней лишь твержу я в разлуке,
И в горле кусок застреваает от муки.
К тебе стираю бессильные руки,
И слезы в глазах, как туман, Сеиди.

Прорвется ль к тебе это слово из плена?
Падут ли разлуки высокие стены?
Помчимся ли вновь мы на берег Гургена,
К луке наклоня свой стан, Сеиди?

Смирится бы я, да душа не смирится,
К тебе полетел бы, да сердце — не птица. . .
Хива, Бухара. . . Что с отчизной сравнится?
И друг мне один только дан — Сеиди!

Живыми, здоровыми встретиться снова
Под сенью священной родимого крова. . .
Нет краше мечты, нет заветнее слова, —
Иль всё это — горький обман, Сеиди?

Ведь есть же счастливые люди на свете!
Так нашу беду не развеет ли ветер?
Опять не сойдутся ли жёны и дети
К подножью медовых Балхан, Сеиди?

Рыдай, Зелили, о поре невозвратной.
Где друг твой любимый, сородич и брат твой?
С кем жизнь ты связал нерушимую клятвой?
Где край наш — цветущий бостан, Сеиди?

2

От близкого сердца из дальнего края
Тебе посылаю привет, Сеиди!
Длинна и опасна дорога степная, —
В тревоге я жду, дай ответ, Сеиди.

Три года прошло, как тебя не видал я,
Ни писем твоих, ни стихов не читал я,

Аллах да избавит тебя, помышляя я,
От мук этих горестных лет, Сеиди!

В стране чужеземной, гонимый судьбою,
В разлуке с любимой своей Хатиджою,
Ты бродишь, и бродит судьба за тобою,
Песком заметая твой след, Сеиди.

Пусть всех осеняет нас милость святая,
До смерти с отчизною не разлучая!
Кто бродит по свету, судьбу искушая,
Запомнит пусть этот завет, Сеиди!

Сгореть нам в каком из недугов незваных?
Разверсты в груди незажившие раны.
Спалит без огня нас хивинец поганый, —
Числа нет кострам наших бед, Сеиди!

Назад оглянусь я с томленьем во взоре —
Пустыню зальет горьких слез моих море.
В цветущем краю враг оставил — о горе! —
Лишь мертвых развалин скелет, Сеиди!

Навеки покрыв свое имя позором,
Как вор темной ночью, занес свой топор он,
И старых и малых рубил без разбора, —
Не так нас учил Мухаммед, Сеиди!

Как стадо, народ беззащитный погнали, —
И горы от стонов людских зарыдали,
Заплакали тучи, от криков дрожали
Земля, небо, солнце — весь свет, Сеиди!

Не знать бы нам пыток таких, мусульмане!
Брели без пути, дни и ночи в тумане,
Отставших тянули, как скот, на аркане...
Заплакал Аркач, глядя вслед, Сеиди!

Кровь в сердце спекалась от мук
беспримерных,
От слез помутились глаза правоверных.
Когда в Тегеране увидели первых —
Последних в Хиве еще нет, Сеиди!

Всё видели мы, нужды нет в разговоре.
Молчи, говори — не избудется горе.
От Иолотани скитались до моря
Вдали от соседа сосед, Сеиди.

Тот — нищий, с протянутой бродит рукою,
Тот гонит чужие стада к водопою.
Страна изобилья, что стало с тобою?
Я плачу — заплачь, о поэт Сеиди!

Когда б воротился народ из Ургенча
Вновь в Карры-Кала — о, счастливая встреча!
Вновь всех увидеть бы, услышать их речи,
Узнать, что рабов больше нет, Сеиди!

Увидеть хочу скотоводов в Сергизе,
В Ойли на равнине, в Хартуте, в Маргизе...
Пусть манят их травы и синие выси, —
В Кувлы отыскать бы их след, Сеиди!

Хоть несколько светлых увидеть мгновений,
С тобой разделить пиалу наслаждений, —
Других, Зелили, не осталось стремлений...
Потом — хоть на смерть! — мой обет, Сеиди.

96. УЙДЕМ В ГУРГЕН

Хивинский хан всех обложил налогом,
Особо нас, к нему попавших в плен.
По тайным тропам, по кривым дорогам
Давай уйдем скорее в наш Гурген.

Ни этот хан, ни слуги хана злого
Певцов не ценят и не слышат слова.
Хивинская земля для нас сурова.
Давай уйдем скорее в наш Гурген.

Льда и зимой здесь не дадут без платы.
Чтоб подати платить, мы небогаты.
И как ни труден путь, мы без возврата
Давай уйдем скорее в наш Гурген.

Здесь Зелили, а милая далече,
Давно никто моей не слышит речи.
Но всё ж я верю: даже плен не вечен.
Давай уйдем скорее в наш Гурген.

97. О ГОРЕСТЯХ МОИХ

Хочу тебе я рассказать, мой друг,
О горестях моих, что сердце гложут.
Сказать о том, что ест меня недуг,
Что боль в моей душе и в сердце тоже.

Коней не гнал, на тои не ходил,
Невзгоды я сносил по мере сил,
Гостям своим халатов не дарил, —
Средь равных был последним я, быть может.

Нужда меня отметила клеймом.
Бывало, ночью плакал я и днем.
Печаль входила в мой убогий дом
И в те года, когда я был моложе.

Моя судьба в течение жизни всей
Мне мало светлых даровала дней.
Порой не мог я прокормить детей,
Роптал, хоть, может быть, роптать негоже.

Я был юнцом, теперь я аксакал.
А что я в жизни видел, что познал?
Болело сердце, я детей терял,
Несчастьями бывал я уничтожен.

Хоть за душой и нету ни гроша,
Не покидай меня, моя душа.
Пусть жизнь моя горька, нехороша,
Но умирать не хочется мне всё же.

Да, Зелили, поспешно жизнь идет.
Беда беду и год сменяет год
И много пало на тебя невзгод,
Когда ты до пятидесяти дожил.

100. ОПЛАКИВАНИЕ МЕНГЛИ

Были радости редкими в сердце твоём,
О Менгли, твое сердце горело огнем!
Мы тебя не забудем, пока не умрем,
И сегодня, Менгли, о тебе, неживом,
Плачут многие люди и ночью и днем.

Нас, гостей, ты, бывало, встречал дастарханом,
Говорил ты как равный и с нищим и с ханом.
Может, слово мое и покажется странным,
Ибо нынче не здесь ты, а в крае туманном,
И поэтому горькие слезы мы льем.

Был ты изгнан и угнан в далекие дали,
Был ты с теми, кого убивали и гнали,
Что свой край покидали в великой печали,
И в снегу замерзали, в песках увязали,
А иные и вовсе сгорали живьем.

Те, что знали тебя, мы тебя не забыли.
Кто не знал, те по нашим словам оценили.
В нашем крае в молчании камни застыли,
А не там, на твоей безымянной могиле,
Где тебя схоронили на склоне чужом.

Мир нам сеть расставляет, он зол и изменчив,
Всех равно, и мужчин он карает, и женщин.
Был ты в жизни лишь горькой печалью увенчан,
Был ты пленником, сгинул в далеком Ургенче,
И сейчас, Зелили, я горюю о том.

101. ОКАЗАЛОСЬ

Казалось мне, что все горят в огне,
Но оказалось, вы-то не горели!
Казалось, были вы добры ко мне,
Но зла против меня сокрыть вы не сумели.

Я слезы днем и ночью лью из глаз,
Мой крепкий стан согнулся, взгляд угас,
Я тяжело болен, но никто из вас
Не навестил меня за многие недели.

Стрела разлуки прорвала мой кров,
От горестей любви я нездоров.
Выходят и ручьи из берегов, —
Ручьи моей любви меня же одолели.

Вы не поймете, чем мне стать пришлось,
Что это значит — быть с любимой врозь.
Отделена моя от плоти кость,
Но муки те меня еще не одолели.

Любовь моя, я песни пел о ней
И петь их буду до скончанья дней.
Пусть смерть моя всё ближе, всё ясней,
Пусть где-то упаду я, не дойдя до цели.

Но, Зелили, я на своем стою.
Ни от кого любви я не таю
И всё гляжу на милую свою,
Ту, на которую глаза бы не глядели.

102. Я ОЧЕНЬ ОСЛАБЕЛ

Ты ран моих не береди, дружище,
Я очень ослабел, вот-вот умру.
Из-за любви я стал больной и нищий,
В Хиву подамся или в Бухару.

Друг настоящий — с другом хоть на плаху,
Пойдем со мною, чтоб не знал я страху.
Ты за меня помолишься аллаху.
Давай тебя с собой я заберу.

О ней, любимой, плачу я украдкой,
Свои глаза проплакал без остатка.
Дотла меня сжигает лихорадка,
Как в зной безводье, как пожар в жару.

Табибы, знахари на всем Востоке
Не облегчат мне мой недуг жестокий.
Спит мое счастье, сон его глубокий,
И ночью спит, и днем, и поутру.

Любимой пряди — яхонт, щеки — лалы,
Фисташка — рот, а губы — что кораллы.

Таких красавиц в мире не бывало,
И мне она такая по нутру.

Речь милой мудростью аллах отметил,
Глаза любимой — нет таких на свете.
Целебен нежный взгляд ее и светел,
Лишь раз посмотрит — слёзы я утру

Я, Зелили, покину край свой ныне
И пропаду, быть может, на чужбине.
И всё ж меня надежда не покинет
До той поры, покуда не умру.

II

103. ПРОШУ

И снова я того, который вечен,
Прошу, пусть он мне милую пошлет.
Пусть ту, чей добротою нрав отмечен,
Чтоб жизнь была счастливою, пошлет.

Чтоб удивляла всех высоким станом,
И гладкой кожей, и лицом румяным.
Пусть ту, которой стал бы я желанным,
Пусть мне трудолюбивую пошлет.

Чтоб всех дивила красотой невинной,
Медовым словом, речью соловьиной.
Пусть бог мне милую с косою длинной,
Не очень суетливую пошлет.

Чтобы она под нашим скромным кровом
Всегда и всех встречала добрым словом.
Не будет пусть аллах ко мне суровым —
Пусть мне сладкоречивую пошлет.

Я каждый божий день молюсь помногу,
Вздыхаю руки к божьему чертогу.
Пусть Зелили, взывающему к богу,
Он гурию красивую пошлет.

104. МНЕ НУЖНА ЛЕЙЛА

Творец, взываю к твоему чертогу:
Будь милосерден, мне нужна Лейла!
Чтоб всех была красивей среди многих
И чтобы нравом доброю была.

Пусть не от злых случится ей родиться.
Работа пусть в руках ее спорится.
Пусть будет чернокоса, белолица,
Чтобы горячим взглядом сердце жгла.

Коса черна — лицо пусть будет бело.
Соколицей чтоб на меня глядела,
И грех вовек ее не осквернил бы тело,
И чтоб душой она была бела.

Я, Зелили, ужели зря стараюсь?
К господнему чертогу обращаюсь,
Чтоб тропка той, о ком я плачу, маясь,
Через зрачки очей моих прошла.

105. ОГУЛЬБИБИ

Бесценный жемчуг, птичья песнь, весна в садах —
Огульбиби!
Настанет ночь, и чудный лик в горячих снах, —
Огульбиби!
Ресницы-стрелы мне грозят, но смех в глазах
Огульбиби.
Как гибок стан, рука нежна... Храни, аллах,
Огульбиби!
Едва на площадь вышла ты, — земля в цветах,
Огульбиби!

Я наблюдал издалека влюбленным взором за тобой, —
От всех изъянов уберег создатель дивный облик твой!
Чиста, лучиста как алмаз, всеильна гордой
красотой...
Не могут жалкие слова воспеть тебя, мучитель мой!
Огонь мне в сердце не унять, в моих мечтах —
Огульбиби.

Хоть я тебя ни в чем, что было, не виню,
Но, даже если ты хоть десять раз на дню
Пройдешь предо мной, тебя я прогоню.
Уйду я от тебя, ты не нужна мне боле.

Кровь капает из глаз, я ничему не рад,
И раны там, в моей груди, кровоточат,
И две мои руки ослабшие дрожат.
Уйду я от тебя, ты не нужна мне боле.

Будь, горе Зелили, наукою другим.
Сгорев в огне любви, я превратился в дым,
Я превратился в дым, сгорел я молодым.
Уйду я от тебя, ты не нужна мне боле.

107. СТАЛИ РОДНИКАМИ

Хоть убиваться днями и ночами
По милой мне никто не повелел,
Мои глазницы стали родниками,
Глаза проплакал я, не пожалел.

Для всех нас смертных горе неминуче.
Без милой плохо мне, и с ней не лучше,
И с каждым днем моя плачевней участь.
Не знаю, есть ли этому предел?

До той поры, пока мой век не прожит,
Любимую забыть душа не может.
И хоть моя болезнь мне сердце гложет,
Вершу свой путь я, беден и несмел.

Не верил я, чтоб в мире так бывало,
Чтоб так душа из-за другой страдала.
Не отнимают доли льва шакалы, —
Всё люди отняли, чем я владел.

О Зелили, нет счастья человеку!
Ты превратился от любви в калеку.
Чего ты ждешь, иди скорее в Мекку,
Чтоб жить тебе потом, как ты б хотел!

Любимая, меня ты опалила
 Огнем, не оставляющим следа.
 Свою любовь и нежность посулила
 И прочь ушла, стройна и молода.

Болезнь мою нетрудно обнаружить,
 Я изнутри сожжен, сожжен снаружи,
 И с каждым днем всё хуже мне и хуже, —
 Ты отняла мой разум навсегда.

Друг друга солнце и луна стыдятся,
 И потому им не дано сближаться.
 Как много нас, что разума лишатся,
 Когда однажды ты придешь сюда!

Твой сад далек, я подступиться ближе
 Боялся — думал, что тебя обижу.
 И вот тебя ищу я и не вижу,
 А дни мои бегут, идут года.

Но если всё же ты меня приветить,
 Я всё отдам, добро пушу на ветер.
 Я на красавиц всех, что есть на свете,
 Тебя не променяю никогда.

Проходят дни, я ждать не в силах боле.
 Я дольше не могу страдать от боли.
 Но ты кусочки перца, комья соли
 Прикладываешь к ранам вместо льда.

Как ни бурлило, море не избылось,
 Беду хотел избыть — не получилось.
 И чтоб судьба ко мне явила милость,
 Нет слов таких, нет на нее суда.

Не улетает птица неудачи,
 И Зелили не песнь поет, а плачет.
 Но ни от песни, ни от слов горячих
 Не уменьшается его беда.

Ты свергла в костер с головою меня,
 Сразила своей красотой меня,
 Душишь струною меня,
 Губишь тоскою меня.
 Сожги же скорее любовью меня,
 Пронзи же ресницей-стрелой меня,
 Не мучь только пыткой такую меня!

О, сколько стерпел я позора и зла!
 А радость короче мгновенья была...
 Лишь горе любовь дала
 И сердце сожгла дотла.
 Багряная роза в слезах умерла,
 Волшебными чарами ты завлекла,
 Косой обвила, как змею, меня!

Рабом твоим стал, но и рабству был рад,
 Безумец Меджнун, в райский верил я сад...
 Прекрасен любимой взгляд,
 Как жемчуг зубы горят.
 В разлуке с тобой диване я лишь брат.
 О стон мой, достигни небесных врат!
 Безжалостный рок свел с тобою меня...

Твой образ — мой давний и вечный тиран.
 Изранен тобой, нет мне зелья от ран.
 Скрывают тебя Иран,
 Балх, Бухара, Бадахшан,
 Прячут тебя Багдад и Кенган, —
 Нет равной тебе ни в одной из стран.
 Творец, не сроднишь ты с другою меня!

Сказал Зелили: зря торгуешься с ней,
 Ты только бедняк, так уж будь поумней.
 Она кипариса стройней,
 А взгляд ее — солнца ясней.
 Как знать ей, что нет страданья сильнее?
 О, сжался! — но тщетна мольба моя к ней...
 Ты с черной связала судьбою меня!

110. ЛЮБИМАЯ МОЯ

Ты — свет моих очей, любимая моя,
Алмаз, что всех светлей, любимая моя.
Я бедный соловей, любимая моя,
Горюю всё сильнее, любимая моя.
Меня ты пожалей, любимая моя!

Ты боль приносишь мне, а чем я виноват?
Я пью вино любви, но хмелю я не рад.
Кто это пил вино, все низвергались в ад.
Так пусть не бьет меня твой равнодушный взгляд
Холодностью своей, любимая моя!

Огнем разлуки боль ты причиняешь мне,
Сжигаешь плоть мою на медленном огне,
На раны сыплешь соль, их омочив в вине,
Мученья я терплю не по своей вине,
А ты всё злей и злей, любимая моя!

Те, что на белый свет для жизни рождены,
Да будут от моих страданий спасены!
От крови слез моих глаза мои красны,
Твои ж глаза — Кевсер, лицо светлей луны.
Не убивай меня, любимая моя!

Я от тебя далек, но светишь ты вдали.
Ты — боль моей души, цветок моей земли.
Ты — плоть моя, венец мечтаний Зелили,
Свет сердца моего, моей мольбе внимли
И мне ответь скорей, любимая моя!

111. СОЖГЛА МЕНЯ

Я понял, что не свойственна ей милость, —
Она сожгла всего меня дотла,
И кость моя обмякла, искрошилась,
Моим страданьям тяжким нет числа.

Терплю я муки каждое мгновенье.
Нет облегченья, нет мне утешенья,
И проливаю слезы каждый день я.
Любовь мне причинила много зла.

С пути любви свернуть бы! Не могу я.
Уйти в далекий путь бы! Не могу я.
Когда все спят, уснуть бы! Не могу я.
Любовь моя мне сердце извела.

Теперь уж не спасись мне, что ни делай.
Влачусь по свету нищий, оробелый.
Любимой брови — лук, ресницы — стрелы,
И мне пронзила грудь ее стрела.

Обид и горя я терплю немало,
Постылой жизнь моя давно мне стала.
Любимая кудрями привязала
Меня к себе и сердце мне сожгла.

Любовь ко всем приходит, но немногих
Она сжигает в горе и тревоге.
Любовь моя, как вор с большой дороги,
В недобрый час меня подстерегла.

Всё ж, Зелили, рук опускать не надо,
И в песне пусть твоей не будет яда,
Хотя разлуки тяжкая громада
Тебе на сердце бедное легла.

112. ГОРИТ МОЯ ДУША

Горит моя душа мучительным огнем,
Пылает ныне то, что прежде только тлело.
То, что я возводил с таким большим трудом,
Ты вдруг в единый миг разрушить повелела.

Ты прогнала меня. Я так и не постиг,
Как то, что помню я, ты позабыла вмиг.
Я виноват, что благ, к которым не привык,
В своей любви искал — искал, да неумело. . .

Я не пойму, где зной, где благостная тень,
Я горько слезы лью. Всё горше, что ни день.
Оставила меня ты в поле, как мишень,
И прямо в грудь мою летят разлуки стрелы.

Нет сил, чтобы уйти, дороги далеки,
И слишком тяжелы тюки моей тоски.

Соперники мои иль просто дураки
Тебе шептали то, что слышать ты хотела.

Душа моя мертва, а сердце — вот, возьми.
Я разучился петь, я разлучен с людьми.
Так мучили в свой час поэта Насими, —
Сдираешь кожу мне и ты с живого тела.

На свете нету бед печальнее разлук.
Я с милой разлучен, и мне никто не друг.
Я заболел от всех перенесенных мук,
И высохла душа, и плоть окаменела.

Сперва, покуда я судьбы своей не знал,
Я о Меджнуне песнь, увы, не вспоминал.
Я был всесильным львом, а ныне кем я стал?
Шакал и тот мимо меня проходит смело.

Несчастный Зелили, я разучился петь.
Зов тех, кто беден, — глух. Как буду жить я
впредь?

Огонь любви горяч, я не могу стерпеть
И не могу понять, как ты его стерпела?

113. ПАЛ НА СЕРДЦЕ МРАК

Кипарис, мы с тобой, хей! — разлучены.
Я брожу сам не свой, думы смятены.

Хей, любовь моя,
Как страдаю я,
Но не вижу своей пред тобой вины.
Твой румянец ал,
Подбородок мал,
Я в тебя влюблен,
Я испепелен,
Ты меня дотла
Взорами сожгла.

Совершенства твои мысль мою влекут,
Мед и сахар ко мне с уст твоих текут.

Чудный лик яви,
Печень не травы, —
Стал, на радость врагу, бледен я и худ.

Пал на сердце мрак,
Веселится враг,
Я в тебя влюблен,
Я испепелен,
Ты меня дотла
Взорами сожгла.

Хей, рыданье мое прекратится ли?
Состраданье твое пробудится ли?
Кто сотрет со щек
Слёз моих поток?
А прекрасный мой сон воплотится ли?
Истерзался я,
Истрадался я,
Я в тебя влюблен,
Я испепелен,
Ты меня дотла
Взорами сожгла.

Хей, в ресницах твоих яд осиных жал,
Жалят печень мою, жалят, как кинжал.
А души самшит
Бровь твоя крушит,
Хей, беды, маеты я не избежал.
Зубки — жемчуга,
Звездочка — серьга,
Я в тебя влюблен,
Я испепелен,
Ты меня дотла
Взорами сожгла.

Я лишился ума, тающий в мольбе.
Всё боюсь, что другой будет мил тебе.
Пощади меня,
Награди меня,
Хей, всецедрый султан, приведи к себе!
От тебя вдали
Чахнет Зелили,
Я в тебя влюблен,
Я испепелен,
Ты меня дотла
Взорами сожгла.

Печалься, сердце: милая сейчас
 Сюда, чтоб стало нам больней, идет.
 Чтоб снова растоптать с тобою нас,
 Красавица, что всех милей, идет.

Неверное, недоброе дитя,
 Она растопчет нас с тобой шутя.
 Все сорок змеек кос своих сплетя,
 Она, словно царица змей, идет.

Мне счастья не сулит ее приход.
 Жеманница, чьи губы словно мед,
 Чьи брови — луки и фисташка — рот,
 Красавица, что всех стройней, идет.

Она свой лик прекрасный повернет —
 И взор ее мне в душу западет.
 Та, чьи ресницы — стрелы, что вот-вот
 Меня пронзит стрелой своей, идет.

Да, Зелили, тяжка твоя беда.
 Что было, всё ты отдал навсегда.
 И вот, не торопясь, она сюда,
 Чтоб завладеть душой твоей, идет.

115. Я СТАЛ МОТЫЛЬКОМ

Я разум потерял, твоей красой влеком.
 Мне быть в твоём огне несчастным мотыльком.
 Не знаю ничего, не помню ни о ком.
 Сегодня надо мной смеются все кругом,
 И стрелы все летят мне в сердце прямиком.

Я горько слезы лью от тяжкого недуга,
 Потокос слёз моих затоплена округа.
 Я горем окружен, прорвать не в силах круга,
 И около меня ни брата нет, ни друга.
 На милую свою гляжу я лишь тайком.

Покоя в жизни нет, а если есть — обманной.
И путь к любви моей — неверный и туманный.
Любимую ища, паду я бездыханный.
От груза, что несу, скривился тонкий стан мой.
Я не могу сказать ни слова: в горле ком.

От горестей моих мой стан переломился,
И слёз моих запас от плача истощился.
Мне на глаза туман стеною опустился.
Я память потерял, мой разум помутился, —
Безумен, как Меджнун, и мыслю я с трудом.

Жизнь Зелили давно кромешным стала адом.
Не рад я ничему. А ты тому ли рада,
Что стала ты Ширин, а я твоим Фархадом
И что за это всё позор — моя награда,
Что стали все мои дороги тупиком?

116. В ПОТОКИ ПРЕВРАТИЛА

Мимо меня она прошла, всё отняла, что было,
И слезы горькие мои в потоки превратила.
Подула ветром ледяным и жизнь мою сгубила.
Где память, где покой былой, где разум мой
и сила?
Стал для меня весь этот мир темнее, чем могила.

И я когда-то был цветком, цветок увял сейчас.
Сразил меня бездушный взгляд ее холодных глаз.
Коварство тех, кто дорог нам, уничтожает нас.
Красавица мимо меня прошла в недобрый час
И сердце бедное мое разлукою разбила.

Я стал угрюмым и больным, кто б ныне мог
сказать,
Что озаряла и меня господня благодать?
Друзья мои, моей беды вовек бы вам не знать!
Я ухожу, мой тяжек путь и непосильна кладь,
И слабости мои любовь перед людьми раскрыла.

Все говорят, безумным стал я от любви своей.
Я излечиться бы сумел, да нету лекарей.
Вместо того чтобы стоять мне у ее дверей,

Не лучше ли добро собрать и прочь бежать
скорей, —
Бежать в пустыню от всего, что было сердцу мило?

Но нет, влюбленный Зелили в пустыню не уйдет.
Он о возлюбленной своей поёт который год,
О той, чьи брови — что луна, фисташка — нежный
рот,
Той, от которой у него беды невпроворот,
Которая его своей красою опьянила.

117

Сердце мне сожгла своим огнем
Ты не потому ль, что изначала
В мире этом, да и в мире том
Женщина, как ты, не обитала?

Нежное лицо твое — цветок,
Голос — соловьиный голосок.
Ты — свеча, и должен, мотылек,
Я сгореть во что бы то ни стало.

Мотылек влюбленный, я лечу
Прямо на зажженную свечу.
Но, тебя любя, я не хочу,
Чтоб, как я, и ты в огне пылала.

Беден я, бреду тропой разлук.
Я держал, но выпустил из рук
Ту, чьи очи — стрелы, брови — лук,
Чья стрела мне прямо в грудь попала.

Все надежды превратились в дым,
И, на радость всем врагам моим,
Лучший друг мне ныне стал чужим,
Время нынче темное настало.

Зелили, я ныне распрощусь
С миром и в пустыню удалюсь.
Я уединюсь и не вернусь.
Неужель и этого ей мало?

Зелили вам говорит: идите,
Путь ее коврами устелите,
Руки на груди своей скрестите,
Ей служа отныне наперед!

120. ЗДОРОВА ЛИ ОНА?

Соседка милая! Была ли у нее ты?
Поведай же скорей: здорова ли она?
Медоточивые уста ее — как соты,
Лицо — цветка нежней. Здорова ли она?

Тростинки тоньше стан, как кедр нагорный
плечи,
Спокойны и скромны движения и речи.
Не хватит слов хвалу ей воздавать
при встрече.
Подруга юных дней, — здорова ли она?

Она дороже мне души моей нетленной,
В моих глазах она — сиянье всей вселенной.
Раскрывшийся бутон, цветущий сад весенний,
Краса родных степей, — здорова ли она?

Пусть я умру — ее тавро неизгладимо.
Пусть плоть и кость прожжет — в душе
неопалимой
Навеки сохраню я память о любимой.
Душа души моей, — здорова ли она?

Вы, что, подобно мне, любимых покидали,
Чьи стоны рвали грудь и оглашали дали,
Вы, что от милых рук терзанья испытали, —
Скажите мне о ней: здорова ли она?

Всё вспоминаю я, что мир сулил лукавый.
Проглочен горький яд и выпита отрава.
В огне любви сгорят и яхонт и оправа. . .
Палач души моей, — здорова ли она?

О повелительница, светоч мой,
 Моей несвязной речи украшеньё!
 Горит огонь и летом, и зимой,
 Боль у меня в боку и в сердце жженье.

Я сердце надорвал, померк мой взгляд,
 Кругом весна, а я весне не рад.
 Зубов любимой вижу ровный ряд
 И слышу сладкие ее реченья.

Мне б розы красные ее срывать,
 Мне б стан ее руками обвивать,
 К ее устам устами припадать,
 Чтобы внимать ее сердцебиенью.

Она — подснежник, растопивший лед,
 Стан — кипарис ее, а губы — мед,
 А грудь ее — мазандеранский плод
 Или фиалка в светлый час цветенья.

Я, Зелили, убог и нездоров,
 Но не оспорите моих вы слов:
 Донди — бесценный светоч двух миров,
 В моем, по крайней мере, представленьё.

123. СЕРДЦЕ НЕ ПОЗВОЛИТ

И от тюльпанов щек, и от медовых уст
 Ушел бы я навек, да сердце не позволит.
 Не то что подойти, взглянуть я не решусь.
 Ушел бы я навек, да сердце не позволит.

Шел за Ширин Ферхад во все края земли,
 Страдания терпел Меджнун из-за Лейли.
 Не говори: «Меня покинет Зелили».
 Ушел бы я навек, да сердце не позволит.

Ни в чем мы не вольны, и ведает Творец,
 Кого любить нам, быть любовью чьих сердец,
 Кто в пламени любви свой обретет конец.
 Ушел бы я навек, да сердце не позволит.

Вам Зелили речет: в любви мы не вольны.
Донди — моя душа, алмаз моей казны.
Из-за нее одной я мучусь без вины.
Ушел бы я навек, да сердце не позволит.

124. ПОЙДЕМ

Мой верный друг, мой милый брат, мой спутник в двух
мирах,
Пойдем, мой Сеиди, пойдем, подружку навестим.
На звезды в небесах ночных, на розы в цветниках, —
Пойдем, на милую мою подружку поглядим.

Пойдем, зайдем, поговорим, узнаем, как всегда,
Горька ль, сладка ль для нас ее прохладная вода.
Четырнадцать, пятнадцать лет вернутся ль к ней
когда?

Пойдем, мой Сеиди, пойдем, подружку навестим.

Лицо — как солнце ясное, стройней самшита стан,
Бровь — полумесяц золотой, под ним горит звезда,
Прозрачный жемчуг берегут медовые уста...
Пойдем, мой Сеиди, пойдем, подружку навестим.

Пойдем к царице красоты, к владычице земли.
Быть может, сердце грустное мое развеселим.
А если спросит что Донди — ответит Зелили...
Пойдем, мой Сеиди, пойдем, подружку навестим!

125. ДОНДИ

Моя шахиня, у твоих я ног,
Услышь мой стон, мои моленья, Донди.
Ты — пламя, я — несчастный мотылек,
Сгореть дотла дай позволение, Донди!

Твое лишь имя на моих устах.
Защитник и свидетель мой — аллах.
И если я не чист в твоих глазах,
Я виноват, даруй прощенье, Донди!

Нет соловья, лишь ворон на суку.
Я горя много видел на веку,
Так пощади же своего слугу,
Откинь платок хоть на мгновенье, Донди!

Давай поплачем вместе, видит бог, —
Я без тебя убог и одинок.
Со своего лица откинь платок,
Чтоб он твой лик не застил тенью, Донди!

Стал Зелили безумен, погляди,
Не сердце — пламя у меня в груди.
К тебе приду я с другом Сеиди,
Лишь от тебя мое спасенье, Донди!

126. Я РАЗЛУЧЕН

Горе, горе. . . Не уйти от злой тоски, —
С другом сердца я судьбою разлучен.
Губы — сахарные, щеки — лепестки. . .
С тонкострунную косою я разлучен.

Зубы — жемчуг, ногти — яхонт-самоцвет.
От ресниц — каленых стрел — спасенья нет.
Раскрываются бутоны юных лет. . .
Соловей, с моей весной я разлучен.

Взоры пламенные, брови — лук тугой.
Стройным станом — словно тополь молодой.
Навсегда ушли и радость и покой, —
С звездным небом и с луной я разлучен.

Скажет слово — сердце словом покорит,
И лицом, и добрым нравом покорит.
И с ученым, и с простым поговорит. . .
С мудрой речью, с простотой я разлучен.

Зелили! Одни страданья — мой удел.
И душою и умом я оскудел.
Видно, близок роковой для всех предел. . .
С честью, с доблестью, с душой я разлучен.

127. ПЛАКАТЬ НЕ ПЕРЕСТАЛ

Прозвание твое я всюду повторял,
Я плакать и до сей поры не перестал.
Бывало, соловьем я пел и щебетал,
И вот уже давно почти немым я стал.

Я повторял «люблю», но этот свой глагол
Я словно износил, другого не нашел.
Я нес любовь свою, а груз любви тяжел.
Был прям я, что «алиф», а превратился в «дал».

Утратил разум я, как полюбил. С тех пор
Я много пролил слёз, но щеки я утер.
Любовь — всегда костер, и я попал в костер,
И, в пепел превратясь, погас я, отпылал...

Я, Зелили, рыдал, но плакать мне нельзя.
Терпенья моего оборвалась стезя.
Я знаю, счастья нет, лишь горе есть, друзья.
От скорби я поник, от боли я устал.

128. НЕ ЗАБУДУ

Пусть по миру пойду, но и у края
Я не забуду, милая, тебя.
И, даже истлевая, пропадая,
Я не забуду, милая, тебя.

Я понял: этот мир нечист и ложен.
Пусть стану здесь я немощным, но всё же
И в немощи своей, на смертном ложе,
Я не забуду, милая, тебя.

Хоть, словно Ибрагиму, мне случится
На жертвенном огне испепелиться,
Хоть я на гору Каф взлечу, как птица, —
Я не забуду, милая, тебя.

Быть может, по примеру Исмаила,
И я уйду ото всего, что мило.
Но что бы жизнь со мной ни сотворила,
Я не забуду, милая, тебя.

И если стану старым и незрячим,
И если, как Якуб, глаза проплачу,
Или же, как Юсуп, родных утрачу, —
Я не забуду, милая, тебя.

В сем страшном мире всё случиться может:
В могилу пусть живым меня положат
И даже снимут, как с Джержиса, кожу —
Я не забуду, милая, тебя.

И как бы ни был я далек от цели,
До той поры, покуда дух мой в теле
И дни мои еще не пролетели,
Я не забуду, милая, тебя.

Что, Зелили, скажу я на прощанье?
Покуда не утратил я сознания,
Покуда теплится в груди дыханье —
Я не забуду, милая, тебя!

129. О БРАТ!

О горестях моих ты много ль знаешь, брат?
Всё горше жизнь моя, терплю я муки ада.
Я боли не таил, я плакал невпопад,
И все узнали то, что мне скрывать бы надо.

Не обижайся, брат, в грехах меня вина.
Я по ночам не сплю и днем не вижу дня.
Всё отняла любовь, что было у меня,
Я оголен, как сад во время листопада.

Болит моя душа, я ныне еле жив.
Не знающий любви, ты весел и счастлив.
Нет, ты не сможешь, брат, любви не пережив,
Понять моей тоски, понять моей досады!

Любовь мне никогда не обещала благ,
Узнал я, сколь тяжел и туг ее кушак.
Он всё перетянул, мне труден каждый шаг,
И всюду на пути помехи и преграды.

Коль счастье — птица, ей подрезали крыла,
Она теперь не та, чем ранее была.
Нет от меня следа, я догорел дотла,
И этому враги мои безмерно рады.

Нет рядом никого, влачусь путем разлук.
Любовь вокруг меня тесней смыкает круг.
И выпало мое оружие из рук,
И от любви моей нельзя мне ждать пощады.

Я, Зелили, плыву, тяжка беда моя,
С такой бедой ко дну идет моя ладья.
Глубок поток любви, в котором сгину я.
Придешь ли ты спасти меня, моя отрада?

III

130. ОБМАНУЛ ТЫ

Ты начал тоем, кончил тризной,
О мир блудливый! Обманул ты.
Подобно женщине капризной
И похотливой, обманул ты.

Мы шли, беспечные, как дети, —
Так много радостей на свете!
Расставив дьявольские сети,
Всех, мир игривый, обманул ты.

Склоняя к выгодам базарным,
Ты золото рассыпал в дар нам.
Но, вероломный и коварный,
Нас речью лживой обманул ты.

Как девушка, в нарядах лучших
Явился ты в мечтах летучих.
Напрасной мукою измучив,
Вновь, мир ревнивый, обманул ты.

Ты улыбнулся мне, как другу,
Но лишь к тебе простер я руку —
Погнал меня в Хиву, в разлуку,
Улыбкой льстивой обманул ты.

Проходят годы чередою.
Пришел — и вновь простись с землею,
И звезды гаснут над тобою, —
Всех, мир болтливый, обманул ты!

И мы прошли, судьбой гонимы,
Отрады в мире не нашли мы.
Где, Зелили, Гурген родимый?
О мир кичливый, обманул ты!

131. ПО ЭТОМУ ПУТИ ПРОШЛИ

Потомки праотца Адама,
Спасители родной земли
И старики из мудрых самых
По этому пути прошли.

В папахах, на затылки сбитых,
На иноходцах знаменитых
Двадцатилетние джигиты
По этому пути прошли.

Охотник, молодой и старый,
Высматривая след архаров,
И дервиш, и купец с товаром
По этому пути прошли.

Коней горячих коноводы
Свои прожили в мире годы,
Всё миновав — огни и воды,
По этому пути прошли.

И Зелили, огнем палимый,
Сей путь проходит одолимый.
Все: и Гариб с Сенем любимой
По этому пути прошли.

132. ОБМАНЧИВ ЭТОТ МИР

Высокая гора стоит, к себе манит,
И белизна снегов блестит в тумане синем.
Обманчив этот мир, он слишком благ на вид, —
Здесь в зелени сады и в золоте пустыни.

Но золота здесь нет и нету серебра,
И никому из нас мир не сулит добра.
Твои торопит дни, знак подает: «Пора!»
Непрочный этот мир, нет для него святыни.

Здесь горы высоки, но ложны все мечты.
С тобой нам не достичь заветной высоты.
Так всё подстроит мир, чтобы заплакал ты,
Он грешную твою плоть от души отринет.

Горит твоя свеча, но всё на свете тлен.
Чтоб смерть остановить, не существует стен.
Здесь все несчастны мы и только тот блажен,
Кто истине служил от века и поныне.

Чего же хочешь ты, беспечный человек?
Что в жизни понял ты, хоть свой и прожил век?
Пусть даже борода твоя бела как снег,
Душа твоя полна сомнений и гордыни.

И ты покинешь мир, как он тебе ни мил,
На горе всем родным, ты упадешь без сил.
Твой час пробьет, и всё, что здесь ты натворил,
Умножится стократ и на тебя нахлынет.

Аллаха Зелили в который молит раз:
Спаси меня, аллах, как праведников спас.
Я верую сейчас, что и в последний час
Меня твой свет благой и милость не покинут.

133. СТАНЕТ

Влюбленный — во имя любви жертвой порою станет,
В разлуке сердце его раной живою станет,
Ему лишь стенанье одно долей земною станет,
Поток его горьких слез бурной рекою станет,

В вечной тоске душа — Меджнуна душою станет,
От розы вдали — соловей, петь он с тоскою станет.

Странник, на гору взойдя, постой, оглядись кругом.
Мир — караван-сарай, лишь ненадолго дом.
Сломлен скитаньем иль нет — дума твоя об одном:
Где ты, моя тропа на брэнном пути земном?
Да будет родник твой чист, не стань бесчестья рабом,
Снеши, он краток, твой миг, в зеленом шатре живом!
Лишь гостя в теле душа, а тело землю станет.

Законам мирским не верь, их мудрость — один обман.
За друга примешь сей мир — не считаешь ран.
Пусть верный отыщет путь усталый твой караван.
Не ради греха и злобы творцом тебе разум дан.
Ты только одна песчинка из тех, что легли в бархан.
Настанет пора — проводят тебя в твой вечный зиндан,
И жизнь твоя, как мираж, легендой мирскою станет.

Страшит нас карающий рок, зло вижу со всех сторон.
Судьба пожирает нас, как с хищной пастью дракон.
Кем бы ты ни был, знай: счастье — всего лишь сон.
Кто на земле вам скажет, что с миром в согласье он?
Страданье и гнет — вот участь смертных любых времен,
Бить, и хватать, и бить — вот мира вечный закон.
Твой самый надежный дом пеплом, золою станет.

Оставь, Зелили, печаль, жизнь мира — всего пять дней,
Редко кого одарит любовью она своей.
Не верь же слепо благам, позор отвести сумей.
Праздность забудь и сон, безделье — всего грешней!
Пришли караваны твои, продолжи стезю людей.
Что пользы от дома, семьи, богатств и роскоши всей?!
В день Судный один творец судьей над тобою станет.

134. НЕТ ВЕЧНО ЖИВОГО

Смертный человек, не будь беспечен.
Смерть клеймом отметит всех живых.
Все уходят в путь, который вечен.
Много ли вернулось? Нет таких!

Всё мирское, что с тобою рядом,
Оплетет тебя, отравит ядом.
Приобщишься ты к мирским уладам
И поймешь непрочность благ земных.

Будь ты счастлив, будь ты обездолен —
В мир пришел ты на пять дней, не боле,
И в конце концов, по божьей воле,
Откочуешь, немощен и тих.

Мир, в который мы с тобой попали,
Нам подарит многие печали.
Будут здесь и радости вначале,
И в конце наш стон и плач родных.

Всё непрочно здесь, недолги сроки.
Жизнь струится, как вода в потоке.
Как ни сладок этот мир жестокий,
Всё ж он чужд намерений благих.

Участь каждого из нас плачевна,
На живущих небо смотрит гневно.
Караван уходит ежедневно
В путь отсюда до краев иных.

Зелили, быть может и некстати,
Я молю: хоть долг мой неоплатен,
Но вознагради меня, создатель,
Благодатью милостей твоих!

135. СРАВНЮ

Наш мир неверный и невечный
Сравню я с ветром в тишине,
А душу в теле человечьем —
С непрочной лодкой на волне.

К тому готовьтесь, что, возможно,
Жизнь ранит вас неосторожно:
Жизнь человека ненадежна,
И мир надежен не вполне.

Коварен мир, но, тем' не' менее,
Мечтает кто-то в ослепленье
Взять целый мир в свое владенье.
Мечтающий — глупец вдвойне.

С молитвою к земле арабов
Бредут паломники в Каабу. . .
Коль нет коня, о кляче слабой
Хозяин мнит, как о слоне.

Кто лжет и всё переиначит,
Тот для себя лишь что-то значит.
Он сам подобен старой кляче,
Что скачки видит лишь во сне.

Вам Зелили речет, что́ знает.
А тот, кто слов не понимает,
Кто умной речи не внимает,
Осла напоминает мне.

136. ДРАКОН

Из смертных нас любой всё что ни есть утратит
Мы — жертвы, мы — ничто, меж тем как мир —
дракон.
Что ни заглотит он, ему не скажешь: «Хватит!»
Хоть нас погубит всех, не будет ублажен.

Пришедший в мир, и ты сойдешь в другое лоно.
Всё то, что ты воздвиг, оставишь разоренным.
Ведь этот мир — дракон, не победить дракона,
Он пьет людскую кровь в течение всех времен.

Не забывай о том, что наш покой непрочен.
Поверив сатане, не спи и дни и ночи.
Светильник твой горит, но радуйся не очень:
Его иссякнет свет, он не навек зажжен.

Не занимай себя вознею бесполезной, —
Где б ни был, ты идешь над пропастью отвесной.
Зияет бездна там, внизу, и этой бездной
Ни ты, ни кто другой не будет пощажен.

Мир не жалеет нас, великих и убогих.
Мир, что не вечен, схож с подстилкой при дороге.
Расслабит путник здесь натруженные ноги
И вскоре будет вновь дорогой увлечен.

Вам, люди, Зелили твердить не перестанет:
Всё то, что расцветет, когда-нибудь увянет.
Всяк, кто пришел, уйдет, ушедший прахом станет,
Из коего он был когда-то сотворен.

137. ЭТОТ МИР

Не доверяйте миру, ибо может
Немногим похвалиться этот мир.
Он тленен, и обманчив, и ничтожен,
И к смертным неприветлив, этот мир.

Коварства он нам всем дает уроки,
Он учит и хитрить, и быть жестоким.
Две родинки наклеивший на щеки,
Походит на блудницу этот мир.

Пойми же ты, Адама сын убогий:
Мир — это лишь привал в твоей дороге.
Хоть за века и пережил он многих,
В руины превратится этот мир.

В конце все те, что в мире обитали, —
Рыдали, а смеялись лишь вначале.
И ты избежнешь этого едва ли,
Хоть будет веселиться этот мир.

Мы — сонм прохожих, над собой невластных,
Сюда пришедших в чаяньях напрасных.
И знает Зелили: для нас, несчастных,
Пять дней, не боле, длится этот мир.

138. ТЛЕННЫЙ МИР

Ты к миру приглядишься: он тленен и жесток,
Укоренились в нем неверные понятия.
Грустит в пустом дому иной, кто одинок,
И кто-то слезы льет или поет некстати.

Наш мир несправедлив, здесь голодны одни,
Меж тем как у других текут в блаженстве дни.
Так что же есть наш мир? Внимательней взгляни.
Мир — это караван, и путь наш безвозвратен.

Пред тем как все твои мечты предать огню,
Обманет он тебя раз тысячу на дню.
Он медом свежих сот обмажет западню
И завлечет тебя рассказами о злате.

Сей мир спровадил всех, кто в этих жил краях,
Тех, кто героем был, и тех, кто ведал страх.
Твое богатство — прах и благородство — прах,
Богатством не гордись и тем, что ты из знати.

Беспечен ты не будь в кругу мирских забот.
Нам всем года и дни отпущены под счет.
Твоя не вечна плоть, и дух твой отойдет.
На свете благ иных нет, кроме благодати.

Начнешь стяжать добро — и вовсе пропадешь.
Но если честь свою и совесть сбережешь
И если ты поймешь, где истина, где ложь,
Из мира ты уйдешь без стога, без проклятий.

Твержу я, Зелили, вам всем кто ни на есть:
Терпите в жизни всё, но сберегите честь.
Сейчас для жизни той доспех готовьте здесь,
Готовьте, чтобы вам надежды не утратить.

139. ПОГУБИЛ

Друзья мои, не будьте столь беспечны,
Наш мир неверный многих погубил.
Здесь даже солнце и луна не вечны,
Здесь колыбелей меньше, чем могил.

Нас увлекает этот мир обманный
И после отправляет в край туманный.
Ни Искандера нет, ни Сулеймана —
Всех этот мир неверный поглотил.

Жестокий мир Юнуса бросил в воду,
Чтоб отнял страшный кит его свободу.
Неверный мир Юсупа в рабство продал,
Якуба старого осиротил.

Пойми, на что способен мир сей страшный,
Ты, сущий ныне, вспомни день вчерашний,
Когда Немруд до неба строил башню
И сыном жертвовал своим Халил.

Но всё ж приходят все на землю эту,
Чтобы оставить здесь свою отмету.
Вот так, ища любимую по свету,
Ферхад влюбленный гору своротил.

Коварный мир — до черных дел охочий.
Страдал Хемра влюбленный дни и ночи,
И братья брату выкололи очи,
Чтоб мир померкший стал ему не мил.

Мир этот полон злобы и коварства,
Людей он обрекает на мытарства.
Рыдал Гариб в разлуке и в лекарство
Пыль от подошв любимой превратил.

Пусть, Зелили, я отступал от правил,
И весь свой век скорее клял, чем славил,
Неверный мир, что слезы лить заставил
И тех, кто некогда веселым был.

140. ЯВИЛСЯ ТЫ НА СВЕТ

Однажды от отцовского начала
Ты в чрево матери своей пришел,
Ты был всего лишь жидкостью сначала,
Но наполнился ты кровью, новосел.

Еще лежал в своем ты тесном ложе,
Ты был слепым и немощным, но всё же
Живую плотью обрастал и кожей,
И наконец-то душу ты обрел.

Потом прошло не много и не мало,
Но ровно девять месяцев с начала.
И вот он пробил, час, пора настала,
Явился ты на свет, и бос и гол.

Грудь матери сосал и пил ты воду,
И зуб твой первый вышел на свободу.
Ты подрастал и ко второму году
В обыкновенном хлебе вкус нашел.

Родители души в тебе не чают,
Тебя целуют, на руках качают.
Проходят дни, и вот уж понимают
В четыре года первый твой глагол.

Пять лет тебе, благодаренье богу,
И ходишь, и растешь ты понемногу,
Тебе шесть лет минуло, и дорогу
В соседнюю кибитку ты нашел.

Семь лет тебе, а восемь только будет.
Нет горя у тебя, твой путь не труден,
Любуются тобой чужие люди,
Десятый год — и нет ни бед, ни зол.

Двенадцать лет. Мальчишкою веселым
Ты с книжкой под мышкой ходишь в школу,
Чтобы внимать священному глаголу,
Запоминать аяты, что прочел.

Шестнадцать лет, семнадцатый стучится, —
Красавица, тонка и белолица,
Украдкою тебе ночами снится,
И вот уже ее ты в дом привел.

Кто в эти годы из людей спокоен?
Ты в девятнадцать лет — отважный воин,
Ты скакуна и сабли удостоен,
Летишь по полю брани, что орел.

Вот двадцать лет, всё шло тебе во благо,
Не осмотрясь не делал ты и шага.
Примером всем была твоя отвага,
И смертный враг тебя не поборол.

Обычно в тридцать лет мы что-то знаем,
Мы в этом возрасте добро стяжаем.
Был в тридцать лет ты всеми уважаем,
И никого ни в чем ты не подвел.

Вот сорок лет, в руках играет сила,
И кровь твоя уже сгустилась в жилах.
Хоть не сбылось всё то, что жизнь сулила,
И должен ты работать, словно вол.

А в пятьдесят всё тяжелей дорога,
И борода седа уже немного.
Стал чаще поминать ты имя бога,
Ты в шестьдесят — усердный богомол.

Глядишь, и до семидесяти дожил,
Не золото, недуги приумножил.
Мутнеет взгляд твой, и темнеет кожа,
И зубы падают, и путь тяжел.

Вот восемьдесят, и, со смертью споря,
Ты спотыкаешься: не жизнь, а горе.
Согнулся весь от возраста и хвори
И мхом оброс ты, как трухлявый ствол.

Был юношей, а стал ты старым мужем.
Кому ты девяностолетний нужен?
Тебе всё хуже с каждым днем и хуже,
И нет того, кто бы тебя почел.

Да, Зелили, ты не бессмертен тоже.
Хоть до ста лет ты доживешь, и всё же
Таких людей на свете быть не может,
Которых Азраил бы не нашел.

141. В ОДИН ИЗ ДНЕЙ

Ты не смотри с презреньем на людей
И совесть не сжигай, собой владей.
Смерть — лучница, она стрелой своей
Прицелится в тебя в один из дней,
С землей смешает нас в один из дней.

Ты много золота и добра скопил,
Но всех, кто ни на есть, лишенных сил
Ждет на дороге ангел Азраил.
Он нас возьмет с собой в один из дней,
Смешает нас с землей в один из дней.

И знает Зелили: мир — это сон,
Где каждый смертный смерти обречен.
Дыханье — птица. Вдруг раздастся стон,
И птица улетит в один из дней,
Смешают всех с землей в один из дней.

142. УЙДЕТЕ

Эй, сыновья людей, не спите, ждет вас путь.
Жизнь слишком коротка, и вы навек уйдете.
Вы на земле едва успеете моргнуть,
Глядишь, и в мире нет следа от вашей плоти.

К нам недобра судьба, ее всеильна власть.
Кто на ногах стоит, всем суждено упасть.
Земля — дракон, она свою раскроет пасть
И всех, кто в мир пришел, без жалости проглотит.

Ты верил в мир, а он куда тебя завлек?
Хоть будешь всех сильнее, тебя он свалит с ног,
Ибо с тобой игру затеял он — игрок;
Как обыграть тебя — вот что его заботит.

Ни золота, ни добра ты не стяжай в свой дом.
Что ты ни обретешь, утратишь всё потом.
Жизнь коротка, и ты идешь крутым путем,
Кружится голова на каждом повороте.

Я, Зелили, пою, и боль в моих словах:
Пусть нам за сотни бед пошлет детей аллах.
Не то, когда в свой час мы превратимся в прах,
Разрушится наш дом, хоть будет в позолоте.

143. С ДУШОЮ РАЗЛУЧИТ

Знай: и тебя с душою разлучит
Сей мир, что вероломен и не светел.
Не ожидай, что ангел защитит
Тебя от бед твоих на этом свете.

Мир — он игрок, и, смертным, всё равно
Обыгранными быть нам суждено.
Как ловчей птице, бросят нам зерно,
Чтоб на приманку мы попались в сети.

Тебя, быть может, через пять минут
Забудут все оставшиеся тут,
Хотя, наверно, слезы и прольют
Твои родные, и друзья, и дети.

Всем предстоит нам в дальний путь идти,
И спросит ангел, встретившись в пути:
«Кто твой пророк?» И как там ни крути,
Ты должен будешь на вопрос ответить.

И, Зелили, я повторю опять:
Служенью правде жизнь свою потратить.
Кому аллах дарует благодать,
Того и ангел в небесах приветит.

Не опозорь, спаси меня.
Я согрешаю, путь мой ложен.
Но я — твой раб, прости меня,
Не покарай меня, о боже!

Аллах великий, мне внемли,
Подругу верную пошли,
Иль, обитатель сей земли,
Уйду я, хоть мой век не прожит.

Что я творю, понять боюсь,
Неправых дел я не стыжусь,
Не плачу я и не смеюсь.
Но ты, всевышний, мне поможешь!

Я на веку не знал удач.
Недуг мой скрытый — мой палач.
Огонь, что жжет меня, горяч,
Душа горит и сердце тоже.

Жизнь — это суета сует.
Мне, Зелили, дороги нет.
Но ты опора, ты — мой свет,
Если не ты спасешь, так кто же?

145. НАУЧИ МЕНЯ

И вновь, ничтожный, грешный раб, я обращаюсь к богу:
Аллах великий, научи меня своим путям.
Я сбился с правильной стези, я потерял дорогу.
Аллах великий, научи меня своим путям.

Кем раньше был и кем я стал, я повторяю снова.
Я сбился с верного пути и не нашел другого.
Я ныне одного прошу: мое услышь ты слово.
Аллах великий, научи меня своим путям.

Быть может, сам я виноват, послушал я шайтана.
Меня он с другом разлучил и в край увел туманный.
И, зная за собой вину, молюсь я неустанно:
Аллах великий, научи меня своим путям!

В горах я самоцвет искал, но там дракон озлился.
Я за жемчужиной нырял, да глиною покрылся.
Лия из глаз потоки слез, в поток я превратился.
Аллах великий, научи меня своим путям!

Тот человек, который чтит закон,
 Сумеет избежать напрасной брани.
 А тот, кто из отбросов сотворен,
 Зазря любого хоть убьет, хоть ранит.

На этом свете счастье обретет
 Лишь тот, кому наука впрок идет.
 Но путь пройдет и дураком помрет
 Тот, кто советы слушал без вниманья.

Все к злату льнут, и только одному
 Кому-то злато мира ни к чему.
 Будь верным другом мудрецу тому
 И прояви, служа ему, старанье.

Будь для него опорой в пути,
 Ему во тьме дорогу освети,
 Невесту помоги ему найти,
 Любому потрафляй его желанью.

А этот суфий весел и здоров,
 Но говорит, что ото всех грехов
 Уйдет в пустыню, что среди песков
 Окончит дни свои, скитальцем станет.

Он утверждает, что блюдет закон,
 Что от соблазнов мира отрешен.
 Но если грош один теряет он,
 Доносятся до нас его стенанья.

Порой твердит нам человек иной,
 Что, мол, ему пустыня — дом родной,
 Но, может быть, и стал он диваной
 Лишь для того, чтоб клянчить подаянье?

Нам кто-то говорит: «Велик аллах!» —
 Так, будто бы им движет божий страх.
 Но с именем аллаха на устах
 Паскудные свершает он деянья.

Порою у хаджи достоинств тьма,
 Усерден он в молитве, и весьма,

Но, хоть на голове его чалма,
Греховной пищей он свой рот поганит.

Хаджи иные всюду и везде
И говорят, и мыслят об еде.
Зачем о Страшном думать им суде,
Когда к желанной пище тянут длани?

Несчастней всех тот, чей незрелый ум
Для наставлений слаб и слаб для дум,
Кому благое слово — только шум,
Который голову его туманит.

Вам Зелили твердит, что жизнь пройдет,
Что в этом мире счастье обретет
Лишь тот, кто наставления блюдет,
Тот, кто в молитве к небу руки тянет.

148. НЕТ ЦЕННЕЙ ВЛАДЕНЬЯ

Благословите наступивший день.
День — это жизнь, и нет ценней владенья.
Болезни нет опаснее, чем лень,
От этого недуга нет леченья.

Иной надел отшельника халат,
Но алчностью его пылает взгляд.
Он говорит: «Я вас утешить рад»,
Но от него нам нету утешенья.

Не верьте вы словам иных святош,
Реченья их о чуде ложны сплошь.
Неправда в их молениях, в просьбах — ложь,
Они притворны, хоть полны смиренья.

О Зелили, слова твоих речей
Пусть будут слов иных святош честней!
Кто любит свой народ, у тех людей
Нет в сердце ни обмана, ни сомненья.

Не укоряй, не думай, что услышит:
 Беспутному смиренье не пристало.
 Кого премудрость осенила свыше,
 Тем наше наставленье не пристало.

От веры мусульманам отречься,
 Тщась о душе, земному предаваться,
 В пустыне в шелк и бархат наряжаться
 Ослам на удивленье — не пристало.

Как ни чекань, медь серебром не станет.
 Как ни порочь, туркмен рабом не станет,
 Совет держать мудрец с глупцом не станет.
 Дурному — поученье не пристало.

Друг друга сыну и отцу бесчестить,
 Сидеть старухе с молодыми вместе,
 Стыдливость девичью забыв, невесте
 Ходить на погребенье — не пристало.

Сто раз придешь с поклонами к скупому, —
 Великодушный не пошлет к другому.
 Ходить без провожатого слепому,
 Глухому слушать пенье — не пристало.

Ученому — погоня за наживой,
 Беспечность праздная и нрав игривый,
 Голодному — к еде вкус прихотливый,
 А нищему стесненье — не пристало.

Раздоры — с братом, с чужаком — братанье,
 Гадалкам — вера, снам — истолкованье,
 Торговцам — совесть, пирам — подаенье,
 А дервишам хуленье — не пристало.

Неблагодарным — угождать не в меру,
 Оказывать почтенье лицемеру,
 Плестись в хвосте за караваном неру,
 Не знать в любви мученья — не пристало.

Кормить коня трухой, собаку пловом,
 Взнуздать козу, ягненка взять в оковы,

В день скачек праздничных седлать корову,
А клячу в день сраженья — не пристало.

Джейрану — горы, кабану — курганы,
Лес — соловью, а воронью — тюльпаны,
Лягушке — крылья, зайцу — океаны,
Киту к земле стремленье — не пристало.

Дождь — полевым, летучим мышам — грозы,
Зной — муравьям, а страусам — морозы,
Змее — от ящериц сносить угрозы,
А мухам оперенье — не пристало.

Нет, Зелили, от чванной знати толку!
Слону — стареть, жить носорогу — долго,
Сове — поститься, побираться — волку,
Льву лисье поведение — не пристало.

150. ДЕВЯНОСТО

Хей, голова, вникни в слова:
Тридцать полков — значков девяносто.
Четыре стебля — одна трава,
Один стебелек — листков девяносто.

Муфтий один, а преданий сто,
Сура одна — сочетаний сто,
Совет один — заседаний сто,
Десяток дремот, зевков девяносто.

Что за овчарка в раю живет?
Что за цесарка в небе плывет:
Четыре пера во весь небосвод,
На каждом пере желтков девяносто?

Кому пар уст положено три,
В любые не говор вложен, а три?
У сабли не пара ножен, а три,
Одна рукоять — клинков девяносто.

А кто рассуждает без языка?
Кто цепко хватает без коготка?
А что за теснина: пуста, узка,
Проход один — тупиков девяносто?

А что не на месте ни там ни здесь,
Не ест, не пьет, а утроба есть,
А нос на груди, отсыревший весь,
И уши висят с боков — девяносто?

Искали, искали, да не нашли.
А вы бы спросили у Зелили,
Кто может ходить вдали от земли,
Полсотни голов — ходуль девяносто?

151. БОИТСЯ

Тяжелый слон, пугающий зверей,
Бойтся повстречать единорога.
И баю, что рабом был с давних дней,
Всё слышится: кричит хозяин строго.

Для добрых дел и немощный встает,
Хромой бойтся: палки не найдет,
Бойтся волк: в пустыне не падет
Ослица, что слаба и колченога.

Идут, боятся странники в пыли
Не увидеть селение вдали.
Хозяин, видя: воры в дом пришли, —
Дрожит и молит, чтоб пришла подмога.

Путь удальца всегда счастлив и благ,
Лентяй страшится сделать лишний шаг.
Услышит трус, что где-то близко враг,
Бежит, от страха поминая бога.

Нет твари, чтоб ей не было ловца,
С волчицей не играет пусть овца,
И саранча, заслыша свист скворца,
Гроза полей, пугается премного.

Кто зло творит, не может быть счастлив.
Суфи, что был пред женами кичлив,
Стоит, сопит, трясется еле жив,
Глас пира вдруг услышавши с порога.

Бои́тся сплеховать в бою джигит.
Коль нету льва, лисица говорит:
«Едва меня завидит лев — бежит».
А видит льва — сама бежит, убога.

Вновь, Зелили, скажу я от души:
Бери жену, боясь, и не спеши.
В сердцах тех жен, что вправду хороши,
Должны быть страх и за мужей тревога.

152. ЦЕЛЫМ МИРОМ ЗАВЛАДЕЕТ

Порой властитель править не умеет,
Меж ним и подданным его — стена.
Кто щедр, тот целым миром завладеет,
Была бы у него полна мошна.

Иной хитрит, весь век добро стяжает,
Но всё, что есть, в конце концов теряет.
Когда дорога наша не петляет,
То к цели нас выводит лишь она.

Речь умная — нет лучшей благостыни.
Вам, люди, дам я наставленье ныне.
Хотя иным, вознесшимся в гордыне,
Быть может, речь моя и не слышна.

Никто не верит в добрые деянья.
Давать мы разучились подаянье.
Смешались все законы мирозданья —
Порой комар слывет сильнее слона.

Взгляни вокруг, что на земле творится:
Не может зло никак угомониться.
Покуда нету льва, лисица — львица,
А лев вдали — она бежать должна.

Покуда нет врага, и трус ярится,
А чуть завидит: пыль вдали клубится,
Бежит он, чтоб подальше схорониться, —
Гори огнем, родная сторона!

А я готов вам, люди, побожиться:
Коль черный час пробьет, беда случится —
От битвы Зелили не отворачивается, —
У нас у всех отчизна лишь одна.

153. ХОТЬ КРИЧИ

Тот караван не повернуть обратно,
Что вдаль уже ушел своей тропой.
Коль смерть твоя придет, так на попятный
Не отойдет, хоть ты кричи, хоть пой.

Собрал зерно — в запас оставить нужно.
Опасен путь — бери с собой оружие.
И, что бы ни случилось, путь окружный
Всегда гораздо хуже, чем прямой.

Из всех путей-дорог избрал ты ныне
Неверный путь из-за своей гордыни.
Придет гордыня к нам, нас ум покинет,
И нам уже не обрести покой.

Ты будешь хоть царем, хоть полководцем —
Судьба и над тобою посмеется.
Мир, чтоб владеть им, в руки не дается, —
Глядишь, и пробил час твой роковой.

Джигит вовек богатств не сберегает,
Коль просят, он на просьбу отвечает.
О бедняке — кто о тебе узнает,
Хоть и сровняешь горы ты с землей?

Трус ищет для себя тропы спокойной, —
В сражение лететь к лицу достойным.
Живым что толку плакать над покойным?
Из тьмы он не вернется гробовой!

Созреет плод не раньше и не позже,
А только в срок, когда созреть он должен.
Никто джигита оценить не сможет,
Покуда в путь с ним не пойдет иль в бой.

Не почитает брат родного брата —
В урочный час постигнет их расплата.
И если слово у тебя не свято,
То говорить нам не о чем с тобой.

Ты бдишь — и воры прочь бегут из сада.
Коль близко волки — беспокойно стадо.
Когда в твоём доме гостям не рады,
Джигиты в дом и не стучатся твой.

Несчастный разлучен с отчиной милой,
Он обручен, как Зелили, с могилой.
Он жив, но стала жизнь его постылой,
И поседел он на земле чужой.

154. ЗМЕЯ ТАИТСЯ

Там, где беда подстерегала нас,
Стараемся мы спать и не ложиться.
А если ляжем, вскочим вдруг тотчас,
Как будто где-то здесь змея таится.

В плену, в неволе жизнь нехороша,
В неволе ты живешь едва дыша,
Как будто цель врага — твоя душа,
И враг в нее стрелу пустить ловчится.

Всех никому не исходить дорог,
От смерти зелья нет, отмерен срок,
Приблизит пусть к себе не бек, а бог,
Кто чист и праведен, того счастливица.

Нам женщины хорошие нужны.
Жена плоха — дни мужа сочтены.
А если муж никчемн у жены,
То лучше б и на свет ей не родиться.

Я, Зелили, свое вам слово нес:
Хорошие слова прекрасней роз,
Плохие, наподобие заноз,
Нам прямо в сердце норуют вонзиться.

155. КАК МОЖНО ДАЛЬШЕ

Не верь, мой брат, захлопни двери
Пред тем, кто лжив и трусоват.
От не внушающих доверья
Держись как можно дальше, брат.

Будь с тем особо осторожным,
Кого ты не сочтешь надежным,
Не то пойдешь путем ты ложным,
Не повернешь потом назад.

Речь добрая врачует души,
Слова плохие и не слушай.
Чем брат неверный — пес пастуший,
Что верен, лучше во сто крат.

От дурака на всякий случай
Беги, чтоб болтовней не мучал.
Бахши поющий много лучше
Тех, что молчание хранят.

Я, Зелили, твержу, чтоб знали,
Чтоб вы печалей избежали:
От тех людей бегите дале,
Кто хоть богат, но скуповат.

156. ВЫБЕРИ ДОСТОЙНОГО

С достойным выйдешь в путь — не пропадешь.
Дорога будет легкой, будет гладкой.
А подлеца в товарищи возьмешь,
Он всем твои раскроет недостатки.

Всё объяснишь, сошлешься на закон —
Подлец тобой не будет вразумлен.
Ты всё предскажешь наперед, но он
Смутит рассудок твой, предаст украдкой.

Из шелка рыбаки не вяжут сеть.
Никто не сменит золото на медь.
Коль подлеца не сможешь разглядеть,
Твой будет путь непрямым, а жизнь — несладкой.

Бог ведает, кто прав, а кто не прав.
И сам ты, Зелили, свой знаешь нрав?
Пойми, кто лжив, кто честен, и стремглав
Беги от недостойных без оглядки.

157. ГЛУПО

Что владеет трусом? Спесь и страх.
Глупо с трусом тайною делиться,
Потому что трус на всех углах
Станет тайною твоей хвалиться.

Храбрый создан, чтобы побеждать,
Трус — чтобы со страху обмирать.
Глупо труса с храбрецом равнять, —
Пес паршивый с волком не сравнится.

Мнят хромые палкой и змею,
Странник встретить рад в чужом краю
Друга или же родню свою.
Тот, кто жаждет, рад воды напиться.

Говорит без умолку дурак,
Гость, что надоест, страшней, чем враг.
Тот, кто в детстве ел один каймак,
Не начнет, и повзрослев, трудиться.

Пусть мне внемлет всяк, кто не глухой,
Пусть завет запоминает мой:
Станет богачом бедняк былой,
А не будет всё равно лениться.

Знаем ли, что за могилой есть?
Своего не упускайте здесь.
Если будет что нам пить, что есть,
Так давайте петь да веселиться.

Зелили пусть в то, что ты поёшь,
Никогда не закрадется ложь.
Ну а глупый посмеется — что ж,
Песня не для глупого творится!

158. ЛУЧШЕ

Хорош бывает хан, когда далек.
Чем хан, разбойники лихие лучше.
Чем бай, что и завистлив и жесток,
Ей-богу, чабаны простые лучше.

Несчастен бедный или же больной
И тот, кто разлучен с родной страной.
Бывает так: чем глупый брат родной,
Неглупые, хоть и чужие, лучше.

Есть у тебя богатство или нет —
Не отвернись от друга давних лет.
А если у тебя плохой сосед,
Так уходи в края иные лучше.

О Зелили, жизнь слаще всех щедрот.
И несчастливый счастлив, коль живет.
Нам говорят что, мертвых, рай нас ждет,
Но здешний ад, где все живые, — лучше!

159. ПО-РАЗНОМУ ЖИВУТ

Так что тебя, сын человека, ждет,
Когда столь суетны твои стремленья?
Ты должен знать, что Страшный суд грядет,
А ты усердно ищешь наслажденья.

Не все живут, как этого хотят:
Тот счастлив, этот ничему не рад.
Один из смертных нищ, другой богат,
Хоть в мире все мы — божье сотворенье.

По-разному все смертные живут:
Те ищут мира, эти — жаждут смут,
Те тратят золото, эти — берегут,
Приумножая многие владенья.

Иные истину рекут уста,
С других нисходит только клевета,
Кого-то занимает суета,
А не великой истине служенье.

Хоть в мире горя много и обид,
Но со стези, где быть ей надлежит,
Неправда истину не совратит,
Когда б на то не божье повеленье.

Лишь те, кто не обидел бедный люд,
Пусть, не страшась, идут на Страшный суд.
Их оправданье и блаженства ждут,
Хоть неусердны были их раденья.

Я — Зелили, услышьте голос мой:
Пусть всяк из вас идет своей тропой,
И если ты бахши, так песню пой,
А если дервиш ты, шепчи моленья.

160. ПОКУДА СЕРДЦЕ БЬЕТСЯ

Несчастен в мире всякий человек,
Которому подруги не найдется,
Подруги, чтоб любить ее весь век,
Покуда дышит он и сердце бьется.

Блажен и юный муж, и тот, что сед,
Пред коим цель свой зажигает свет.
Нередко, если друга рядом нет,
Благое дело нам не удается.

Нам польза в жизни только от друзей.
Твой друг замерзнет — друга обогрей.
Не будет снадобья у лекарей —
Тебе, больному, тяжело придется.

Друзей обрадует благой твой шаг,
А промаху возрадуется враг.
Что бы ни говорил тебе дурак,
Не верь ему, пусть даже он клянется.

Несчастен тот, кто лишь родней богат, —
Нам от родни порою только яд.
И человек чужой милей, чем брат,
Который над бедой твоей смеется.

Чем конь ленивый, лучше уж осёл.
Пес лучше, чем джигит, что глуп и зол.
Несчастен тот, кто путь почти прошел,
Но о душе бессмертной не печется.

Я, Зелили, скажу вам: всё пройдет.
Есть жизнь и смерть, и свой всему черед.
Спасенья и дервиш не обретет,
Тот, чья слеза пред богом не прольется.

161. ТЯЖЕЛЕЙ, ЧЕМ РАНА

Тому, кто хоть не слаб, но одинок,
Плохое слово тяжелей, чем рана.
Узнают все любой его порок,
Достоинство и то сочтут изъяном.

Разбогател богач за счет сирот,
Но то, что нажил, впрок ему нейдет.
Его и самого несчастье ждет,
Хоть сытым будет он всегда и пьяным.

Для каждого деянья свой черед.
Тот счастлив, у кого здоровый скот.
В делах торговых деньги любят счет,
Торговля в долг чревата лишь обманом.

Когда тебе, джигит, удачи нет,
Померкнет пред тобою белый свет,
И в отчем крае не избегнешь бед,
Хоть будешь ты и Залом, и Рустамом.

Тому, кому удача дарит свет,
Опорой будут сын, свояк, сосед.
Кого полюбит бог, тот много лет
Идет по свету, светом осиянный.

А если у тебя удачи нет,
Не то что скакуна, и клячи нет, —
Ты плачешь, проклинаешь белый свет,
И сын родной родится нежеланным.

Лишь истину вам Зелили твердит,
Он боли ваши и страданья зрит.
Душа того, кто полюбил, горит,
И плачет он в страданьях непрестанных.

162

Когда иному счастье улыбнется,
Он отречется от всего, что есть.
Он от друзей и братьев отвернется,
С кем знался, с тем не станет пить и есть.

Слова, быть может, я напрасно трачу.
Что речь моя для недостойных значит?
Но если ты джигит, то в час удачи
Не позабуди: всего дороже — честь.

Трус, видя пыль, о чести забывает.
Когда лисе беда не угрожает,
То даже льва она не замечает,
Себя считает чем-то. Чем? Бог весть...

Я дам совет вам: лучше промолчите,
 Коль не по сердцу людям ваш глагол.
 Всех новых правил лучше тот обычай,
 Что от отцов и дедов к нам пришел.

На речь того не обращай вниманья,
 Кого не озаряет пониманье.
 Не слушай тех, что клянчат подаянье,
 Хотя и жалко тех, кто бос и гол.

Будь в мире славен человек нелживый.
 Но даже пес, худой и шелудивый,
 Куда милее женщины сварливой
 Или мужчины, что не в меру зол.

Благословен мудрец, совет дающий,
 Внемли совету всяк на свете сущий.
 Чем человек, закона не блюдущий,
 Уж лучше старый конь или осёл.

Ставь юрту там, где все, а не иначе.
 От всех живущий вдалеке — заплачет.
 Я, Зелили, скажу: быть храбрым — значит
 Быть добрым к тем, кто с просьбою пришел!

164. ОСТАНЕТСЯ

Твоя любовь когда-нибудь потом
 Пройдет, но в сердце, что болит, останется.
 Сойдется рать лицом к лицу с врагом —
 Трус с поля убежит, джигит останется.

Туман с вершин высоких не сойдет.
 А будет бек недобр — его народ
 Уйдет, добро возьмет, отгонит скот.
 Лишь сам богач, забывший стыд, останется.

Безумным людям — брат и волкодав.
 В дом входит глупый, обуви не сняв.
 Скакун, не в меру кормленный, отстав,
 За тем, кто всех опередит, останется.

Хоть скажут: «Встань!» — безногому не встать,
Бедняк женился бы — где денег взять?
Со всем смириться можно, всё понять,
И всё же в сердце боль обид останется.

Что наставлять того, кто всех глупей?
Из мира мы уйдем с течением дней,
Но имя доброе среди людей,
То, что и время пощадит, останется.

Послушайте, что Зелили речет:
Мир лжив, и каждый, кто пришел, уйдет,
С собой богатств никто не унесет,
Добро, что каждый сотворит, останется.

165

Что падобио нам всем, чтобы избегнуть зла?
Нужны нам зрелый ум, упорство и терпенье.
И чтобы наша речь приятною была,
Во всех делах всегда потребно нам уменье.

Коль жадны мы, себя осиливать должны,
Должны мы помогать всем тем, кто голодны.
Джигитам — нам друзья хорошие нужны,
Чтоб всякого врага одолевать в боренье.

Чтоб в доме для гостей всегда была еда,
Чтоб угождать друзьям, их избежать суда,
Чтоб люди всех племен нас славили всегда, —
Нам и стада нужны, и прочее именье.

Чтоб нас любили все, необходима нам
Способность раздавать и скот и хлеб друзьям.
Чтобы в кругу гостей нам быть как соловьям,
Должны мы обладать благим талантом пенья.

Должны гордиться мы оружием боевым,
Конем своим лихим, мечом своим стальным.
Джигитам нужно всем, седым и молодым,
Чтоб были на щите и сбруе украшенья.

Я, Зелили, скажу: чтоб легче путь пройти,
Должны мы по себе красавицу найти,
Такую, чтоб могли в ней до конца пути
Опору обрести, найти в ней утешенье.

166

Не будь беспечным, не покинь тот край, что сердцу
мил.

Не упусти и не отдай того, что ты любил,
И не свершай неправых дел — так нам творец судил.
Не забывай: в счастливый час аллах — владыка сил —
Тебя, ничтожный божий раб, из ничего слепил.

Беспечный, погляди назад, на жизнь на прожитую:
Чтоб целым миром завладеть, ты шел напропалую.
Ты имя бога поминал, творил молитвы все,
Нечистый взгляд свой устремлял на женщину чужую.
К чему стремился — не обрел, а душу погубил.

Лишь о богатстве помышлял ты днями и ночами,
Ты золотом владеть мечтал, стадами и конями.
Но ты задумайся на миг о том, что будет с нами,
Как сможешь вытерпеть потом ты вечный адский
пламень,
Когда от искры лишь одной ты возопил?

Каким бы длинным ни был век, твое померкнет око.
Твой час пробьет, о человек, и ты уйдешь далёко.
И спросят ангелы тебя: какого чтил пророка?
От поздних жалоб, от твоих молитв не будет прока, —
Ты опоздал, не станет их и слушать Азраил.

Сегодня, Зелили, твои напрасны упования.
От страшной участи тебя спасет лишь покаянье.
Во всем, в чем в жизни согрешил, ты повинись заране.
Аллаху ведомы твои и мысли и деянья,
В том мире станет явным всё, что здесь ты утаил.

Что стало с миром? Люди слишком лживы,
 А мать всех грехов на свете — ложь.
 Суть всякого обмана и наживы:
 Теньгу даешь — назад туман берешь.

Богатым только петь да веселиться.
 Чего бояться им, чего стыдиться?
 Надеются: им грех любой простится,
 И потому они надменны сплошь.

Богатые стремятся жить богато.
 Что им до тех, чья пища скудновата?
 Богатые весь век стяжают злато,
 Пока их смерти не охватит дрожь.

И день настанет поздно или рано:
 Не отличая бедняка от хана,
 Смерть призовет нас всех в тот край туманный,
 Куда богатств с собою не возьмешь.

И, Зелили, я, правдою живущий,
 Скажу тебе опять, на свете сущий:
 Кто б ни был ты, бедняк иль власть имущий,
 Ты никуда от смерти не уйдешь.

168. С МЕДВЕДЕМ СХОЖ

Словно Карун, богат наш бай, наш господин,
 Но он с медведем схож, а был рожден, как люди.
 С тобою тяжбу он затеет без причин,
 Но бедняку, тебе, и медяка не ссудит.

В реке течет вода, и на дороге грязь.
 Одеться б бедняку, где взять рядом иль бязь?
 Лежит стрелок в тиши, за камнем притаюсь,
 Пусть промысел его всегда удачным будет.

Скажу я, Зелили, от многих бед устав:
 Не радуйся, джигит, того, кто слаб, поправ,
 Не вешай клеветы на шею тех, кто прав,
 И не сходи с пути, как бы он ни был труден.

169. УЙДЕШЬ

Богач, ты обезумел от богатства,
Но что ты здесь ни соберешь — уйдешь.
Богатства путь лежит чрез святотатство,
Всего добра не наживешь — уйдешь.

Пойми же, что ничтожно, что велико.
Богатство то, что ты собрал, двулико,
Оно — твой хан, не ты его владыка,
И ты, поняв: богатство — ложь, — уйдешь.

Не богу, сатане ты доверяешь,
Халат стыда на плечи надеваешь,
И всё ж, как ты ни алчешь, ни сгораешь,
Хоть и полмира оберешь — уйдешь.

Как золото ни ценится, а всё же
Слова поэта всех богатств дороже.
Добро накопишь ты, а взять не сможешь,
Всё пропадет, сам пропадешь — уйдешь.

Пусть слово Зелили — не без укора:
Ты копишь всё, стяжаешь без разбора,
Но в толк возьми: всё завершится скоро,
Добра с собой ты не возьмешь — уйдешь.

170. ОТКАЖИСЬ

Спи, сердце, и от зла земного откажись,
Уйди и от всего плохого откажись.

Нельзя в одной руке два удержать арбуза,
Возьми один, а от другого откажись.

Среди ста тысяч дум метаться ты не должен,
Всё доброе приблизь, от злого откажись.

Богатства чтоб нажить, не нужно суетиться,
От всех земных богатств сурово откажись.

Страшись огня любви, в котором всё сгорает,
И от деяний злых ты снова откажись.

И если ты влюблен, служи своей любимой,
От прочего всего мирского откажись.

Пусть мучают тебя, но, Зелили, будь стоек,
От многих дел земных для слова откажись.

171. СЕГОДНЯ

Конец наш близок, пусть он нам не ведом,
Но этому я вижу знак сегодня.
Воюют — рать на рать, сосед с соседом, —
Всяк человек другому враг сегодня.

Неправедны мужи и грешны жены,
Давно забыты древние законы,
И наши никому не слышны стоны,
Лишь о себе печется всяк сегодня.

На свете нету слабому пощады,
И зарится богач на наше стадо.
Обиды нас своим дурманят чадом.
Мы проливаем кровь за так сегодня.

Нас не аллах — шайтан ведет куда-то,
Дорога и крива и узковата,
И брат родной обманывает брата, —
Наш вероломен каждый шаг сегодня.

Мы научились брать без воздаянья,
Не обращать на бедняков вниманья.
И без молитвы, и без покаянья
Навек уходим мы во мрак сегодня.

Не только что беспутная блудница,
Но даже мать семейства — молодлица
Идет, мужского взгляда не стыдится,
Как будто ждет греховных благ сегодня.

Нет грешного для нас и нет святого,
Мы разучились чтить святое слово,
И нечиста еда под нашим кровом,
Нечист наш хлеб, нечист каймак сегодня.

Почтения нету к людям просвещенным,
Не помогают мудрецам ученым,
Не знают, кто, по праведным законам,
Нечист и грешен и кто благ сегодня.

И нет боящихся на нашей тверди,
И нету у молящихся усердья,
У сильных мира нету милосердья,
И властвует султан не так сегодня.

С притворною молитвою по миру,
Корысти ради ходят старцы-пиры.
Тот голоден, тот рад — взбесился с жиру.
Всех судят вор и с ним дурак сегодня.

Да, Зелили, трудна твоя дорога
На той земле, где позабыли бога,
Где честных мало, а нечестных много,
Где погрузилось всё во мрак сегодня.

172. ДРУГОМУ НАДОЕЛ

Всяк, кто живет, другому надоел.
Здесь люди нечестны, пути обманны.
Мы устаем и от ничтожных дел,
Как от недель дороги караванной.

Неправда рядом, правда далека.
Незнающий не спросит знатока,
Но каждый спорит из-за пустяка,
Грешит и ложной речью, и туманной.

Плохое время, черен каждый год,
Добром оно лишь худшим воздает.
С любовью примешь гостя, что придет, —
И сам же гость сочтет прием твой странным.

Не уподобь ослицу скакуну,
Не вешай на других свою вину,
Не избери сварливую жену
Иль женщину с другим каким изъяном.

О Зелили, на свете всюду ложь,
Удачи здесь и ты не обретешь.
Но, может, добрую жену найдешь
С косою длинною и тонким станом.

173. ЛУЧШЕ ПОПРОСИТЬ ЧУЖОГО

Чем брата, что надменен и суров,
О чем-то лучше попросить чужого.
Когда тебе дают с попреком плов,
Уж лучше вовсе век прожить без плова.

От горя сердце не убережешь,
Его печалят ненависть и ложь.
Когда не слушают, что ты речешь,
То не слетает с губ благое слово.

В цель лишь стрела прямая попадет,
Коль вьюк не прям, в дороге упадет.
Коль путь твой крив, расплаты час придет.
Всем прочим друга предпочти прямого.

В груди стрела сломалась — как извлечь?
Лишь умный умную постигнет речь.
При дележе дурному не перечь,
Но не ходи с ним на охоту снова.

К тебе был добрым кто-то — не забудь,
А сам содеял зло кому-нибудь —
Так повинись, — быть может, в этом суть,
Быть может, это — дружества основа.

Я, Зелили, твержу: юнец, смотри,
Надежней тайну на замки запири.
Будь с другом прям, а с недругом хитри.
Коль враг суров, с ним обходись сурово.

Бредет бедняк, пасет свой тощий скот,
 Сам бедностью своей, как конь, стреножен.
 Кто в долг дает теньгу, а две берет,
 На золотом лежать мечтает ложе.

Всех создал бог, хороших и плохих.
 Иным детей не прокормить своих,
 Один в одеждах ходит золотых,
 Другой в тряпье согреть себя не может.

Полным-полны у беков закрома,
 А бедняку сума лишь да тюрьма.
 Пред ним, голодным, всюду мгла да тьма,
 Хоть ради хлеба лезет вон из кожи.

Не верьте в то, что молвят трус и вор,
 Грешить хулой и завистью — позор.
 Почаще к небу обращайтесь взор, —
 Шайтан и вас подстерегает тоже.

И ты не будь беспечен, Зелили,
 Молись и слову божьему внемли.
 Не забывай: под толщею земли
 Лежат и те, кто был тебя моложе.

175. БЫТЬ МУЖЕСТВЕННЫМ ПОДОБАЕТ

Кто понимает, что такое честь,
 Тому быть мужественным подобает.
 Те, у которых есть что пить, что есть,
 Пусть дастархан почаще расстилают.

Когда ты удалец, так в бой лети,
 А если трус — сворачивай с пути.
 Осёл в песках умается идти,
 А волк, пускай он тощ, — не оплошает.

Когда тяжка беда иль груз тяжел,
 Нам нужен друг, чтобы помочь пришел.
 Хотя на вид невзрачен и не зол,
 Но каракурт и льва одолевает.

Плох враг вне нас, но что ни говори,
А тополь черви точат изнутри,
Хоть неказист мангуст, но посмотри:
И крупную змею он побеждает.

Кто хочет слушать, тем подай совет,
Учить невежд — не оберешься бед.
Виновному придется дать ответ,
Его джигит в час мести покарает.

Что Зелили поет, о бедный люд,
Он отдает тебе на правый суд.
Он беден, унесет один верблюд
Всё то, чем Зелили располагает.

176. ХВОСТ И ГРИВА

Скакун недорог, если нету гривы
И если нет хвоста у скакуна.
Богатства нет — не быть тебе счастливым,
Достатка нету — жизнь твоя трудна.

Из нас иные храбры в бранном деле,
Но, если мы добром не завладели,
Жизнь проживем и не достигнем цели,
Хоть, может, и не наша в том вина.

Что говорить, плохое нынче время,
Лишь знатный да богатый чтимы всеми.
Тебе, седому, не придержат стремя,
Когда одежда на тебе бедна.

Дай бог тебе хорошую невесту,
Твоя кибитка пусть не будет тесной,
Трудись, хоть, может, от работы честной
Твоя не станет тяжелей мошна.

Жена плохая — в доме неполадки, —
Беги куда попало, без оглядки.
Несладки будут дни твои и кратки,
Когда нехороша твоя жена.

Но будь весь век с женой хорошей дружен.
Выходишь в путь — хороший спутник нужен.
А вздорен спутник твой и глуп к тому же —
Дорога даже краткая длинна.

Дай бог тебе сынов как можно боле.
А будет дочь — не мни, что обездолен,
И помни, что она по доброй воле
Найти себе избранника должна.

Я, Зелили, не каждому угоден.
Иным, быть может, мой завет бесплоден.
Но если ты не глуп, не сумасброден,
Пусть будет речь моя тебе ясна.

177. ВСЕ ПОХОЖИ

Отличен чем-то всякий человек,
И лишь бранящиеся все похожи.
Хороший доброе творит весь век,
Плохому всё не так и всё негоже.

Плохой бранится, встав от сна едва.
Коль плох ты, плохи и твои слова.
О добром добрая идет молва,
Плохого слова он сказать не может.

Чтоб ученик стал мастеру под стать,
Юнец уменье должен перенять.
Коль дочь свою плохому учит мать,
Дочь, повзрослев, плохою станет тоже.

Вокруг тебя друзья или враги, —
Не возгордись, но честь побереги.
Несчастливого увидишь — помоги,
И самому тебе аллах поможет.

Всем в день Суда судьбою будет бог.
Он спросит каждого: «Кому помог?»
Коль человек завистлив и жесток,
Ему, как жаба, сердце злоба гложет.

Скажи нам, Зелили: святой намаз
Всегда ль ты сотворял в урочный час?
Ты сироте помог хотя бы раз?
Когда помог, свой век не зря ты прожил.

178. НЕ МЫСЛИТ ОБ ИНОМ

Вот так оно идет из года в год:
Жизнь наша тяжелее с каждым днем,
Всяк изловчается, хитрит и лжет,
Распространилась подлость в мире сем.

Кто подл, тот при деньгах и при чинах,
Повержен честный человек во прах.
Все помышляют лишь о барышах,
Давно никто не мыслит об ином.

О совести никто не говорит,
Не думает про то, что говорит.
Всё стало промыслом: и честь и стыд,
А клятвопреступленье — ремеслом.

Живется в мире плохо бедняку.
Что он увидит на своем веку?
Он грош одолжит, а ростовщику
Два или три гроша отдаст потом.

Угрюм бедняк, гнетет его недуг.
Враг — враг ему, а друг — ему не друг.
Ишаны, суфии и все вокруг
Пекутся лишь о кошеле своем.

Коль нету денег — ты не человек,
Живи, бедняк, и слезы лей весь век.
Мздоимцы все вокруг; и хан и бек
О злате мыслят, больше ни о чем.

Я, Зелили, жить боле не могу,
Мне тесно, мой согнулся стан в дугу.
Богатый уподобился врагу
И часа ждет сожрать меня живьем.

Себя покажет истинный храбрец,
Он с юных лет пойдет с врагами биться.
Его полюбит старец и юнец,
Средь сверстников своих он отличится.

Джигита видно с самых малых лет.
В счастливый час и в пору тяжких бед
Товарищам своим он даст совет.
И будет с другом он, что ни случится.

Где ложь, где правда — не узнать подчас.
Каков скакун, нам не видать на глаз.
Но он определится в бранный час
И в скачке, если полетит как птица.

Когда вокруг спокойно — трус кричит,
Грохочут войны — за горой сидит.
Молчанье в мирный час хранит джигит,
Но в смертный бой вступить не побоится.

Несут поклажу неры — не спешат.
Уместно или нет — глупцы кричат.
Мудрец не скажет слова невпопад,
Но речи мудреца — слова провидца.

Иной тебя накормит, а иной
Попотчует одной лишь болтовней.
В краю, где нету львицы ни одной,
Себя считает львицей и лисица.

Послушайте, вам Зелили твердит:
Пока есть силы, в бой летит джигит,
А нищий дервиш, что аллаха чтит,
Аллаху не перестает молиться.

180. УКРАШЕНИЕ ДЖИГИТА

Скакать на скакунах пристало всем.
Оружье — вот джигита украшенье.
Его копьё, доспехи, латы, шлем —
Для недругов несчетных устрашенье.

Баран плохой, зарежешь — нету сала.
Умрет бедняк — и плакальщиков мало.
Хороший брат — опора аксакала.
Хороший сын — для сердца утешенье.

Удачи конь проворным не бывает.
Почтенен тот, кто сильных побеждает.
Народ, что мертвецов своих сжигает,
Достоин осужденья и презренья.

Ты трус, так что с того, что ты богатый?
Ты храбрость за свое не купишь злато.
Когда жена у мужа плоховата,
Беда такая хуже наважденья.

Сияют солнце и луна над нами,
И наступают ночи вслед за днями,
И сахар из ствола, из влаги пламя —
Творится всё по божьему веленью.

Я, Зелили, слагаю строки эти.
Один я в мире, кто меня приветит?
Я говорю: нет верности на свете,
Но к нам порой приходит озаренье.

181. ТРУС

Храбрец с коварным встретится врагом,
Трус встретиться и с другом побоится.
Гость с доброй вестью постучится в дом, —
Трус даже к гостю выйти не решится.

Покуда всё спокойно, трус шумит:
Мол, никому он не простит обид.
Но голову сломя он прочь бежит,
Когда увидит: пыль вдали клубится.

Случиться может так когда-нибудь,
Что пустится и трус в далекий путь,
Но встречного увидит — и юркнуть
В сторонку поспешит, чтоб схорониться.

За отчий край сражаться в бой летит
Герой отважный и простой джигит.
Почует трус опасность — убежит,
Он не рожден на свет, чтоб насмерть биться.

Не скачут в бой на дряхлых скакунах.
Лишь храбрецам сопутствует аллах.
Чуть грянет бой, вселится в труса страх,
Он упадет в песок и притаится.

О брат, не отвергай моих речей,
Не бойся ничего, собой владей.
И даже тот, кто прочь бежит людей,
Настанет время, к людям обратится.

Послушай Зелили и ты, юнец:
Не тот, кто всех сильнее, — удалец.
Хоть каракурт и мал, но он — храбрец,
И даже царь зверей его боится.

182. ТРУС ДУЕТСЯ

Трус дуется, зло замышляет скрыто
В час даже незначительных невзгод.
А станет он главой пяти кибиток —
И не посмотрит на простой народ.

Он дома грозен: всех, мол, уничтожу!
В дороге или в поле трус ничтожен.
Единственное, что он делать может, —
Припрятывать добро, считать доход.

Когда увидит: пыль вдали клубится,
Трус из кибитки выглянуть боится.
А храбрый от врага не отвратится,
Не побежит, назад не повернет.

Где честно спорят — трус дрожит со страху,
Лишь совершая торг, не даст он маху.
Возносит он моления аллаху:
Пусть брань его кибитку обойдет.

Теряет память трус в изнеможенье,
И слуха он лишается, и зренья.
Он прячется в тот час, когда в сраженье
Джигит отважный голову кладет.

С женой своею трус и храбр, и злобен,
Но перед храбрым он ослу подобен.
А храбрый муж со львом отважным сходен,
Когда на поле брани бой идет.

Я, Зелили, твержу, что не годится
Трусливым быть, всю жизнь дрожать,
страшиться.
Джигит отважный будет насмерть биться,
Он или победит, или падет.

183. КУРИЛЬЩИК

Покайся ты, творящий тяжкий грех!
Мгновенно жизнь твоя пройдет, курильщик.
Из многих грешных ты грешнее всех,
Твой тяжкий грех тебя же бьет, курильщик.

На что ты тратишь злато-серебро?
Прокуриваешь всё свое добро.
Ты душу губишь, жжешь свое нутро,
И дымом от тебя несет, курильщик.

Ты пренебрег законом и постом.
Что говорят, тебе всё нипочем.
А что потом? Подумал бы о том,
На свете том тебя что ждет, курильщик!

Нам, людям, от тебя велик ли прок?
Не потому ль ты ходишь одинок?
Отворотится от тебя пророк,
И лик аллах свой отвернет, курильщик!

И замахнется ангел булавой,
Взовьется серый пламень под тобой.
Ты был при жизни хуже, чем слепой.
Кто от беды тебя спасет, курильщик?

Я, Зелили, твержу тебе: спеши,
Покайся и куреньем не греши.
Бывает так, что тело — враг души.
Тебя геенна призовет, курильщик!

184. ПЛАЧЕТ

Игрок ведет игру и всякий раз,
Последнее добро спуская, плачет.
И праведник, свершая свой намаз,
Грехи свои перечисляя, плачет.

Коварные злословят иль хитрят,
Отважным нету на земле преград.
Влюбленные, как соловьи, не спят,
Своих любимых воспевая, плачут.

Медведь лежит в лесистой стороне,
Джейран бежит в песках иль по стерне,
Ловец находит жемчуга на дне
И, раковины упуская, плачет.

Сегодня слышно мне, как в вышине
Летят, курлычут птицы по весне.
Они гнездятся в отчей стороне
И после, край свой покидая, плачут.

Глухой взывает: «Кто мне слух вернет?»
Слепой рыдает и прозренья ждет.
Богач мечтает обобрать сирот.
Бедняк, долги свои считая, плачет.

Храбрец, опорой будь для всех родных,
Спасеньем будь и для людей чужих,
Что терпят бедствие в волнах морских
И, бога в помощь призывая, плачут.

Вам говорит несчастный Зелили:
Страдает он от родины вдали.
Бредущий по полям чужой земли,
Он, отчий край вспоминая, плачет.

185. НЕ ОТЛИЧИТЬ

Не всё и не всегда понятно нам,
Зло от добра мы отличить не можем.
Порой нам, невеликим знатокам,
Что золото, что медь — одно и то же.

Ты с другом неразлучен — друг хорош.
Друг далеко — другого где найдешь?
Порой друзей не ценим мы, но всё ж
Саман с соломой путать нам негоже.

Землетрясенье весть нам подает,
И лишь глухой не слышит, что грядет.
Земля гудит, тревожится народ.
То, что грядет, глухого не тревожит.

За бедность люди презирают нас.
Мы говорим — не понимают нас.
Где истина, где ложь, иной подчас
Не отличит, хоть до седины и дожил.

Я, Зелили, вам говорю давно:
Не всё прекрасно, что заведено.
Не каждому из нас в свой час дано
Постигнуть, кто велик, а кто ничтожен.

186. СТО ТЫСЯЧ БЕД

Твердит Курбандурды немало лет:
Зачем аллах меня привел на свет?

Зачем аллах, опутав цепью тяжкой,
Явил мне этот мир, где счастья нет?

Мир не порадовал меня ни разу,
Лишь в сердце мне вселил сто тысяч бед!

187. О ДРУЗЬЯ!

Я жизнь свою проспал, сам не заметил как,
А завтра что со мной случится, о друзья?
Я радостей искал, искал неверных благ,
А завтра что со мной случится, о друзья?

Весь век я жить спешил, я мир боготворил,
А мир неверен был, и лгал он, и хитрил.
Я не по правде жил, не ведал, что творил.
А завтра что со мной случится, о друзья?

Я не свершал добра, жизнь прожил впопыхах,
Не видел цели я и погрязал в грехах.
Я сам порою лгал, мне был неведом страх.
А завтра что со мной случится, о друзья?

Я грешен был и слаб, и по грехам моим
Я буду обвинен, и буду я судим.
Когда-то полагал, что я неуязвим.
А завтра что со мной случится, о друзья?

Во всем, что совершал, я каюсь лишь сейчас,
Свой грех я осознал сегодня в первый раз.
Я редко сотворял молитву в должный час.
А завтра что со мной случится, о друзья?

Я сердца своего не сожигал дотла,
И не терзал души, что каменной была.
Я слишком был кичлив, я не чуждался зла.
А завтра что со мной случится, о друзья?

Я к истине не шел, бывал и зол, и крут,
И вот я, Зелили, явлюсь на Страшный суд
Я сам защитник свой везде — и там и тут.
А завтра что со мной случится, о друзья?

188. ПОКУДА ВЕК НЕ ПРОЖИТ

Джигит, весь век людской — пять и не боле дней,
Так веселись и пой, покуда век не прожит.
Не твой, храбрец, удел — удел плохих людей:
Не пить, не есть весь век, а лишь богатство множить.

Мир этот преходящ, недолог век людской.
Скачи на скакунах, люби и песни пой.
Какою бы с тобой мы ни пошли тропой,
Всех нас обманет мир и всех нас уничтожит.

Я, может быть, и сам был весел, но сейчас
Я поражен огнем миндалевидных глаз.
Красавицы, чей рот — рубин, а взгляд — алмаз,
Чья красота, увы, не вечна в мире тоже.

Не нажил я добра, хоть прожил много лет.
Мне богатство — конь, добра иного нет
Безвестным Зели ти пришел на белый свет,
Но он покинет мир со славою, быть может.

189

Сеиди

Зелили, коли вправду ты разумом скор,
Что за ветер незримо витает, скажи? —
Налетая, затмит, улетев, наградит.
Что, наполнившись им, увядает, скажи?

Зелили

Сеиди, коли вправду ответа ты ждешь,
Гнев души эти свойства имеет, мой брат:
Налетит — дух смутит, улетит — обретешь,
А наполнившись им, ум скудеет, мой брат.

Сеиди

Что за грядка у бога? — Двенадцать кустов,
И по тридцать на них черно-белых цветов,
И приносит цветок пять душистых плодов.
Чем же бога они услаждают, скажи?

Зелили

Луны года — вот божьи двенадцать кустов,
Тридцать дней и ночей — это тридцать цветов,
Пять молитв каждый день — пять душистых
плодов,
Их смиренность аллах лицезреет, мой брат.

Сеиди

Что за пламя залить невозможно водой?
Отчего безрассудным стать может седой?
Кто в утробе кита жил молитвой святой?
Что за сели молитва рождает, скажи?

З е л и л и

Жар любовный залить невозможно водой,
От любви безрассудным стать может седой,
В чреве рыбы Юнус жил молитвой святой,
Плач молящихся селем лютееет, мой брат.

С е и д и

Что за жемчуг: даешь, а его не берут?
Что за блеск: и за тысячу лет не сотрут?
Что за пламя: незримо, а жар его крут?
Что за уголь: не жжется, а тает, — скажи?

З е л и л и

Жемчуг — разум: даешь, а его не берут.
Блеск — то мудрость: и в тысячу лет не сотрут.
Пламя страсти незримо, а жар его крут.
Кто влюблен, тот, истаяв, слабеет, мой брат.

С е и д и

Что за дом, где никто до стены не дойдет?
Что за год — словно день, что за день — словно
год?
Что за мед непременно любой изопьет?
Что за нить в нас порывы питает, скажи?

З е л и л и

Мир — вот дом, где никто до стены не дойдет.
Год счастливый — что день, день тоскливый —
что год.
Смерти мед непременно любой изопьет.
Жизни тонкая нить пыл наш греет, мой брат.

ПРИМЕЧАНИЯ

Произведения обоих поэтов, Сеиди и Зелили, сохранились преимущественно в памяти народа, в устной передаче. В разное время, возможно еще и при жизни авторов, но главным образом уже в послереволюционные годы, усилиями ученых — представителей туркменской советской интеллигенции, а также некоторых русских собирателей, хорошо знавших туркменский язык, эти произведения были записаны и систематизированы. Записи хранятся в Рукописном фонде Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР в Ашхабаде. Автографы как Сеиди, так и Зелили пока не обнаружены.

Издавать произведения Сеиди и Зелили начали только в советский период. Так, стихи Сеиди на родном языке были изданы в Ашхабаде шесть раз — с 1926 по 1976 год, арабским, латинским и русским алфавитами. Последнее издание, наиболее представительное по составу, было подготовлено кандидатами филологических наук К. Джумаевым и покойным М. Каррыевым. Для изучения проблем жизни и творчества Сеиди многое сделал, кроме упомянутого М. Каррыева, кандидат филологических наук Х. Тангрыбердыев.

На личность и творчество Зелили еще в дореволюционное время обратили внимание русские востоковеды, в частности академик А. Н. Самойлович. Для изучения жизни и творчества поэта много потрудился Сары Гуклапы, посвятивший ему свою кандидатскую диссертацию. Произведения Зелили на родном языке издавались в Ашхабаде также шесть раз — с 1926 по 1982 гг. Последнее издание, по объему больше каждого из предыдущих, подготовил кандидат филологических наук М. Овезгельдыев.

Первые переводы стихов Сеиди и Зелили на русский язык стали появляться в конце 30-х — начале 40-х годов. Они публиковались — в то время и позже — в периодической печати, в различного рода альманахах, сборниках и т. п. Наиболее полные для таких изданий подборки стихов Сеиди и Зелили см.: Антология туркменской поэзии, М., 1949; Поэты Туркмении, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1971. В 40-е годы в Ашхабаде были изданы две небольшие книжки стихов Зелили в русском переводе: Зелили, Избранные стихи. В переводах Н. Коробенко и В. Стрельченко, Ашхабад, 1940; Зелили, Отчизна моя. Перевел Г. Веселков, [Ашхабад], 1948. Наконец, в связи с отмечаемыми в Туркменистане и в Москве юбилеями обоих поэтов, были подготовлены и изданы усилиями туркменских литературоведов, а также

московских переводчиков (Татьяны Стрешневой и Наума Гребнева) сравнительно обширные по составу сборники переводов их стихотворений: Сеиди, Избранное, М., 1976; Зелили, Избранные стихи, Ашхабад, 1981.

Наша книга базируется в основном на двух вышеназванных изданиях — московском 1976 г. и ашхабадском 1981 г., с использованием небольшого количества переводов, выполненных другими переводчиками и неоднократно печатавшихся ранее. Некоторые из уже опубликованных переводов подверглись исправлениям, главным образом в духе приближения к оригиналу. Двадцать одно произведение — шестнадцать у Сеиди, пять у Зелили — переведено и публикуется на русском языке впервые.

Данный сборник впервые, как на туркменском, так и на русском языках, объединяет творчество обоих поэтов. Это обусловлено связывавшей их личной дружбой, основанной на общности мировоззрения, сходстве судеб и т. д.

Настоящее издание не претендует на то, чтобы подать читателю творчество двух классиков туркменской поэзии в сколько-нибудь полном, завершённом виде. Некоторые произведения, представляющие немалый интерес, пока остаются непереведёнными. Полное и всестороннее знакомство русского читателя с поэтами-побратимами Сеиди и Зелили, в переводах предельно точных, при высоком поэтическом качестве, на основе глубокого изучения творчества авторов (этот процесс тоже пока нельзя считать завершённым), — очевидно, дело будущего.

Известно, что поэты мусульманского Востока в прошлом, туркменские в частности, как правило, удостоверяли свое авторство тем, что в конце произведения помещали свое имя, обычно поэтический псевдоним — техаллус. При этом они не давали стихотворениям (в отличие от дестанов, поэм) заглавий, а также почти никогда не датировали свои произведения, разве что указывали (иногда зашифрованно) дату события, о котором шла речь. Все это для современных издателей порождает две проблемы. Во-первых, как озаглавить произведение, чтобы читатель, в соответствии с выработанными навыками, легче усвоил его? Во-вторых, как соотнести произведение с тем или иным периодом жизни и творчества автора и, следовательно, какое место отвести произведению в книге, если принцип хронологической последовательности принимается в расчет?

Первая из названных проблем (заглавие) решается, по традиции, так: заглавие (в оригинале) дает издатель, обычно используя слово (словосочетание), кардинальное по смыслу, иногда повторяющееся неоднократно из строфы в строфу (редиф, рефрен). Заглавия в переводе базируются на оригинальных, но могут оказаться и другими. Нередко заглавие дается только по смыслу. Нами, в основном, использованы заглавия предшествующих изданий, ставшие традиционными, с внесением коррективов, которые обусловлены редактурой переводов с целью их приближения к оригиналу. Если основная мысль произведения выражена в первой строке — оно публикуется без заглавия.

Вторую проблему (датировки) решить сложнее. Только немногие из публикуемых нами произведений содержат указания (обычно косвенные) на тот или иной период жизни поэта (юность, зрелый возраст, старость), на поддающиеся хронологизации обстоятельства жизни его или соплеменников. Лишь в единственном случае стихотворение (Сеиди «Ушли мы навеки») содержит относительно точную

дату одного из таких событий. Учитывая все это, мы в основу рубрикации стихотворений положили принцип тематический. Произведения каждого из авторов разнесены по разделам. Внутри каждого из разделов они группируются, в известной мере, с учетом жанров (строфических форм). У обоих авторов количественно преобладают стихотворения типа мурекба (гошгы); в их массу вкраплены, в соответствии с содержанием, произведения других жанров (форм) — мухаммасы, мусаддасы, газели и т. п. (см. вступ. статью, с. 21).

Разделы I, II, III по тематике идентичны у обоих авторов. Раздел I — это стихотворения, в которых прямо отразились события жизни каждого из поэтов, а также их современников, всего народа. У Сеиди этот раздел завершается стихотворениями из его дестана «Две мои веточки», которые им созданы как поминальные, главным образом в связи со смертью двух младших сыновей (Мир-Хайдара и Мир-Эсена). Раздел II — любовная лирика; здесь немало произведений, также, очевидно, имеющих биографическую основу. Раздел III составляют произведения философские и дидактические, обличающие социальное зло и его почителей, прославляющие добро и т. п. Хронологизации эти произведения не поддаются, хотя в ряде случаев содержат указания на возраст автора, имена близких ему людей, упоминания тех или иных обстоятельств биографии и т. п. Внутри каждого из трех разделов мы старались, размещая стихотворения, выдерживать принцип тематический — от тех, которые трактуют общие проблемы мироздания, религии, до посвященных частностям повседневной жизни, нормам поведения в обществе или быту и т. д.

Необходимые пояснения к текстам содержатся в Примечаниях. Нередки здесь отсылки ко вступительной статье, где описываются современные обоим поэтам историческая обстановка и литературная жизнь, приводятся биографические сведения о них, анализируется их творчество. Разрядкой показаны отсылки к Словарю.

В Словаре поясняются специфические восточные реалии — культурно-исторические, этнографические, бытовые и т. п., дается значение слов, оставленных в текстах без перевода, в пущих случаях указывается язык-источник (кроме туркменского). Особое место занимают реалии географические: каждая из них приводится в форме и значении, современных эпохе Сеиди и Зелили, затем указываются наименование и значение поздние, вплоть до современных. Словарь содержит сведения о большом количестве исторических личностей, а также деятелей литературы; в последнем случае первым указывается техаллус либо имя, под которым поэт прославился (Махтумкули), затем даются имя собственное, варианты техаллуса или имени, прозвища и т. д. При пояснении имен персонажей мифологических специально определяются только те, которые не относятся к области мифологии мусульманской.

Многие, различные по значению, понятия, раскрываемые в Словаре, представлены не только в форме, которая зафиксирована в текстах или во вступительной статье, но еще и в вариантах этой формы, употребляемых у народов, издавна соседствующих с туркменами, либо у европейцев (дестан — дастан, Мухаммед — Мухаммад — Магомет).

В работе над книгой нам оказали помощь старшие научные сотрудники Института языка и литературы им. Махтумкули Академии

наук Туркменской ССР — член-корр. АН Туркм. ССР доктор филологических наук З. Б. Мухаммедова и кандидат филологических наук М. Овезгельдыев. Мы им приносим самую искреннюю благодарность.

СТИХОТВОРЕНИЯ

СЕИДИ

I

1. *Мечен родинкой милой.* Естественная родинка (родимое пятно) на лице считалась одним из признаков красоты, в первую очередь женской; поэтому было принято наводить искусственные родинки: либо наклеивать их, либо, надрезав кожу, вводить в разрез красящее вещество.

4. *Поработал в Нишанпуре... Мы скакали на Мешхед.* Очевидно, указания на походы воинво-эрсари, вместе с представителями других туркменских племен, на Иран.

6. Ст-ние написано по случаю высвобождения Ишан-Орака из эмирского плена.

7. *Таких владык отыщешь ли у нас?* В этой и в некоторых других строках данного и следующего ст-ний гипербола выражает скрытую иронию автора по поводу «высоких качеств» бека Солтаннияз а (см. о нем вступ. статью, с. 28).

8. *Все теке, салыры, эрсари придут.* Сеиди с иронией говорит о том, что заведомо невозможно (см. примеч. 7).

9. Ст-ние, очевидно, было создано, когда автор узнал об уходе Зелили в Хиву, а значит — до событий, вынудивших Сеиди с соплеменниками покинуть родину (см. вступ. статью, с. 29).

10. Посвящено выступлению туркмен против притеснений эмира Мир-Хайдара (см. вступ. статью, с. 29, а также стихотворения 4, 14).

14. См. примеч. 10.

16. В ст-нии идет речь о решении племени эрсари уйти из родных мест от притеснений эмира Мир-Хайдара (см. вступ. статью, с. 29). *В году тысяча двести тридцать девятом.* Сответствует январю 1823 — июлю 1824 г. европейского летоисчисления.

17. Ст-ние является посланием туркмен эрсари хану Мухаммед Рахиму после ухода из Бухарского эмирата. В Мервем бы поселиться Мервский (Мургабский) оазис в это время находился под властью Бухары; Сеиди предлагает хивинскому хану, от имени соплеменников, их руками завоевать оазис для Хивы и поселиться на его землях (см. вступ. статью, с. 29).

18. Ст-ние отображает разочарование, которое Сеиди и его сподвижники ощутили, оказавшись в Хивинском ханстве (см. вступ. статью, с. 29). *Бессовестный шах* — эмир Мир-Хайдар, в действительности шахом не титулованный. *От милостей ханских бежали в пески*. Очевидно, указывается момент, когда эрсари, окончательно не поладив с ханом Хивы, отправились через Каракумы, на юг — на Гургеп.

19. *Пятнадцать лет*. Возможно, указание на срок со времени исхода с Лебаба (см. вступ. статью, с. 30).

20. Ст-ние, очевидно, было создано, когда Сеиди, обжившись на Гургене, оказался в плену у иранцев (см. вступ. статью, с. 30). *Хабиб-ходжа* — вероятно, один из сподвижников поэта (речь идет не о его отце, носившем то же имя). *Печень жжжет*. В поэзии Ближнего Востока традиционный образ печени выполняет ту же функцию, что образ сердца в поэзии Запада.

21—27. О дестане «Две мои веточки» см. вступ. статью, с. 30. Его основное содержание — поминальные плачи по двум младшим сыновьям поэта — Мир-Эсене и Мир-Хайдаре, обращения Сеиди к близким людям с жалобой на утрату сыновей; традиция включает в дестан также стихотворения — ответы тех, к кому Сеиди обращался, его поэтические диалоги с сыновьями (то и другое мы не публикуем); в дестане имеются указания и на смерть двух старших сыновей — Бек-Назара и Сахиб-Назара.

2. Ст-ние было сложено, когда оба мальчика заболели холерой.

3. Ст-ние обращено к заболевшему сыну Мир-Хайдару.

4. Ст-ние было сложено, когда умерших детей укладывали на погребальные носилки. *Шахматы* — с давних времен во всех слоях общества излюбленная игра туркмен.

5. В этом ст-нии Сеиди обращается к своей теще *Мерьем* — бабушке умерших сыновей поэта.

7. Согласно преданию, это ст-ние Сеиди сложил на пути в Карры-Кала, куда направлялся вдвоем с Шемшат — второю женой.

28. Ст-ние — поминальный плач по Сахиб-Назару, одному из старших сыновей поэта, тематически примыкает к дестану «Две мои веточки», но, по традиции, в него не включается.

II

31. *Аблаксаят*. Вторая часть этого женского имени, возможно, указывает на принадлежность героини к племени саят.

33. *Цепенеет попугай*. В поэзии Ближнего Востока попугай — олицетворение красноречия.

34, 43. *Родинка цветет*. См. примеч. 1.

44. *Ты печень выжгла мне дотла*. См. примеч. 20.

45. Неизвестно, о ком идет речь в ст-нии, во всяком случае не о сыне поэта, который носил то же имя — *Бек-Назар*.

47. *Печень превратил в кебаб*. См. примеч. 20.

50. *Восемь створ* — восемь частей райского сада — Э р е м а.

55—58. Ст-ния посвящены первой жене поэта *Хатидже*.

61. *Пылает печень у меня*. См. примеч. 20.

62. Некоторые из представленных здесь наименований невозможно отождествить с какими-то географическими реалиями. Иные отождествляются предположительно: *Зер* — возможно, *Зераб*, *Хавор* — *Хаверан*, *Сарай* — *Бахчисарай*.

ЗЕЛИЛИ

I

84. Ст-ние по содержанию и образному строю родственно известному ст-нию Махтумкули «Судил йомудам и гокленам бог...», которое поэт, согласно преданию, прочитал правителю Ирана, когда оказался в иранском плену вместе со своими родственниками. Распространяясь в народе, подобные ст-ния утверждали идею единства туркменских племен перед лицом общего врага — персов.

87. Речь идет о мастере-чеканщике, который чеканил по металлу в мастерской, служившей ему также лавкой (см. примеч. 88.).

88. *Лавка та, где ты чеканил медь* — см. примеч. 87.

90. О теме ст-ния см. вступ. статью, с. 43. Оно было в 1933 г. записано на родине поэта историком и этнографом Г. И. Карповым,

но впоследствии текст, так и не опубликованный на родном языке, оказался утраченным. *Друг мой поэт* — имеется в виду Сеиди.

93. *Тот край, где я теперь*, — Хорезм (см. вступ. статью, с. 42).

94—95. Речь идет об уходе гокленов на поселение ханом Мухаммед-Рахимом (см. вступ. статью, с. 41). *На запад с востока*. Очевидно, указание на то, что Сеиди, в то время когда Зелили и его соплеменники еще пребывали в хивинском плену (на востоке, см. *Хива*), уже находился на Гургене (на западе). *Три года прошло*. Возможно, указание — хотя и трудно согласуемое с другими данными — на встречу обоих поэтов перед тем, как в 1816—1818 гг. Зелили отправился в изгнание. *В разлуке... с Хатиджою*. Очевидно, автор не знал о смерти первой жены Сеиди. *В Тегеране увидели первых*. Должно быть, намек на один из эпизодов, когда гокленов вводили пленниками в Иран.

96. Ст-ние выражает надежды туркмен вернуться на покинутую родину (см. вступ. статью, с. 42).

98. О теме ст-ния см. вступ. статью, с. 40.

100. *Сгинул в далеком Ургенче* — см. вступ. статью, с. 44.

II

113. *Печень не трави... Жалят печень мою* — см. примеч. 20.

122—125. Эти ст-ния посвящены предположительно сестре поэта Сеиди; отсюда следует, что Зелили в молодые годы побывал на Лебабе — на родине Сеиди (см. вступ. статью, с. 26). *Мазандеранский плод* — турундж, кисло-сладкий плод наподобие апельсина.

III

130. *Погнал меня в Хиву* — см. вступ. статью, с. 41.

133. *Жизнь мира — всего пять дней*. В поэзии Востока так обозначается понятие кратковременности земного бытия.

134. *В мир пришел ты на пять дней, не боле* — см. примеч. 133.

137. *Две родинки наклеивший на щеки* — см. примеч. 1. *Пять дней, не боле, длится этот мир* — см. примеч. 133.

146. *Свободу дай рабу* — см. вступ. статью, с. 11.

150. Ст-ние представляет собой образец оригинального, свойственного туркменской поэзии жанра — загадки (точнее, серии загадок) в стихах. О жанре ст-ния см. вступ. статью, с. 45. (Ср. также № 189). Здесь отгадки каждой строфы, предположительно, следующие. 1) Сезон года (три месяца круглым счетом девяносто дней) и целый год (четыре сезона по девяносто дней). 2) Поэт и его стихотворения либо со строками неодинаковой длины, либо со слогами ударными и неударными. 3) Начало — также сезон года, две последние строки — четыре сезона. 4) Трое уст — три раза по три месяца, в каждом месяце три раза по десять дней; то же в следующей строке, и в последней — снова сезон (девяносто дней). 5) Первая строка — судьба, вторая — смерть, третья — могила, четвертая — загробный мир. 6) Две первые строки — корабль, третья — парус, четвертая — якорь. 7) В двух заключительных строках — корабль на веслах, где пятьдесят человек команды, из них сорок пять — с веслами, которых девяносто.

164. *Обуви не сняв.* Согласно обычаю, обувь снимают у входа в жилище.

170. *Нельзя в одной руке два удержать арбуза* — народная поговорка.

180. *Народ, что мертвецов своих сжигает.* Очевидно, имеются в виду жители Индии — немусульмане.

184. *Страдает он от родины вдали.* См. вступ. статью, с. 42.

188. *Весь век людской — пять и не боле дней.* См. примеч. 133.

ДИАЛОГ СЕИДИ И ЗЕЛИЛИ

189. Диалог представляет собой серию стихотворных загадок и ответов на них (см. примеч. 150). О жанре ст-ния см. вступ. статью, с. 45. Ср. также № 150. *Пять молитв каждый день* — н а м а з.

СЛОВАРЬ

- Аббас** — персонаж ближневосточного фольклора, отец красавицы Шахсенем; также имя одного из иранских шахов династии Сефевидов.
- Агехи** (Агахи) Мухаммед Риза (1804—1874) — узбекский поэт, придворный историограф хивинских (см. Хива) ханов.
- Азади** Довлетмамед (Карры-молла, ок. 1700—1760) — туркменский поэт и мыслитель, отец поэта Махтумкули.
- Азраил** — ангел смерти.
- Айван** — род открытой веранды.
- Акдаг** — название хребтов в горной системе Памир и в других местах Средней Азии, сопредельных с нею стран.
- Аксакал** — букв.: белая борода; уважаемый человек, старейшина.
- Алеппо** (Халеб) — город на севере Сирии.
- Али** — четвертый халиф (656—661), зять и (по некоторым данным) племянник пророка Мухаммеда, известен также под прозвищем Шахимердан (букв. перс.: Повелитель мужей, отважных); в поэзии — олицетворение мужества, отваги, талантов военачальника.
- Алиф** — первая буква арабского алфавита («а»), в виде вертикальной черты; поэтический символ прямизны, стройности стана.
- Аллахи** (Молла-Аллакули) — туркменский поэт конца XVIII — начала XIX в., был есаулом (средний офицерский чин) бека в Жерки, в своем творчестве выражал идеи повиновения властям.
- Амбра** — ароматное вещество из отбросов кашалота, употребляется в медицине и в парфюмерии.
- Амир Хосров Дехлеви** (1253—1325) — поэт, автор стихов и дестанов, жил и творил в Дели (откуда техаллус), писал на языках народов Индии, а также на фарси.
- Андалиб** (Индалиб, Нурмухаммед Гариб, ок. 1711—ок. 1780) — туркменский поэт, жил в Хивинском ханстве (см. Хива), автор лирических стихов и дестанов на популярные сюжеты.
- Андижан** — город на востоке Узбекистана, в Ферганской (см. Фергана) долине, ныне областной центр.
- Андхой** — город и местность на северо-западе Афганистана.
- Арзрум** (Эрзерум) — город на востоке Турции.

- Арзыгюль* — из арабск. «арз» («жалоба») и перс. «гюль» («роза»); женское имя.
- Аркак* (Кесе-Аркак) — населенные земли вдоль северо-восточных предгорий Копетдага.
- Аруз* — арабская система количественного стихосложения,работанная в I тысячелетии н. э., впоследствии воспринятая поэзией ираноязычной и частично тюркоязычной; содержит правила построения стихотворных стоп, различных как по объему, так и структуре комбинаций слогов, долгих и кратких; предполагает богатое разнообразие стоп и их соединений, образующих стихотворную строку; требует употребления точных рифм; произведение определенного содержания строится с использованием также определенных средств стихотворной техники; правилам аруза тюркоязычные поэты могли следовать лишь формально, искусственно подчиняя ему особенности фонетики родного языка.
- Архар* — дикий горный козел.
- Арык* — оросительный канал.
- Астрабад* — город на севере Ирана, порт на южном берегу Каспийского моря, центр провинции, где издавна обитало много туркмен; впоследствии Бендер-Шах, ныне — Горган.
- Атрек* — река, пачинающаяся в горах Копетдага и впадающая в Каспийское море, ее долину и бассейн издавна заселяют туркмены, главным образом йомуды и гоклены.
- Ахал* — орошаемые земли вдоль северных склонов Копетдага, где с XVIII в. большинство населения составляли туркмены племени теке.
- Ахмед Югнеки* (Югнекский) — поэт-слепец из селения Югнек под Самаркандом, приблизительно в XII в. создал на тюркском (староузбекском) языке поэму «Хибат-уль-хакаик» («Подарок истин») религиозно-дидактического содержания, в которой утверждаются идеи гуманизма, прославляются науки, просвещение, широко используются элементы фольклора; поэма написана арузом; в последующие века была забыта.
- Ахун* — мусульманское духовное лицо, знаток богословия.
- Аят* — стих К о р а н а.

- Бадахшан* — горная страна в верхнем течении Амударьи (точнее, истоков ее, Вахша и Пянджа), охватывавшая территорию современной Горно-Бадахшанской автономной области и северных районов Афганистана; издревле славилась месторождениями драгоценных камней.
- Бай* — богач, главным образом сельский, незнатного происхождения.
- Байрам-хан* Мухаммед (ок. 1505—1561) — туркменский поэт, государственный деятель империи Великих Моголов; кроме родного языка писал на фарси.
- Балх* — область и город на севере Афганистана, в древности центр Бактрии (Бактрианы) — государства, созданного ближайшими преемниками Александра Македонского.
- Балханы* (Большой Балхан, Малый Балхан) — букв.: Источающий мед, Медоточивый; горные хребты на западе Туркменистана.
- Басра* (Бассора) — город на левом берегу Шат-эль-Араба, общего устья рек Тигр и Евфрат.

- Батыр** — богатырь.
- Бахчисарай** — столица Крымского ханства.
- Бахши** — народный певец, сказитель, нередко автор собственного репертуара.
- Бедиль** Мирза Абдулкадыр (1644—1721) — поэт и мыслитель, жил в Индии, писал на языке фарси.
- Бейт** — двустишие, основная единица стиха в арузе, состоит из двух мисра, связанных единой законченной мыслью, иногда зарифмованных.
- Бек** — представитель родо-племенной или феодальной знати; правитель области; с именем собственным (до или после него) выражает уважение, подчеркивает такие качества, как отвага, выносливость, физическая сила.
- Белуг** — одна из горных вершин на западе Копетдага.
- Бостан** (бустап) — плодовый сад; поэтический образ плодородия, изобилия, благополучия.
- Бунчук** — шест с пучком конских волос и каким-либо символическим изображением на конце; воинский значок, обозначающий местонахождение командира.
- Вамык** — герой фольклора, также не дошедшего до нас дестана «Вамык и Узра», приписываемого среднеазиатскому ираноязычному поэту XI в. Уисури; поэтический образ верного влюбленного.
- Везир** (визирь) — главный министр при монархе в государствах мусульманского Востока.
- Великие Моголы** — правители феодального государства на севере Индии, созданного в XVI в. выходцем из Средней Азии Захиреддином Мухаммедом Бабуром; последний — номинальный — император был низложен англичанами в середине XIX в.
- Вепаи** (Вефай) — среднеазиатский поэт XV в., автор религиозно-дидактического трактата в стихах «Ровнак-уль-ислам» («Светоч ислама»), употреблявшегося как учебное пособие в мектебах.
- Газель** — 1) короткое (обычно из четырнадцати строк) стихотворение, состоящее из бейтов, обычно лирического содержания; 2) вид антилопы, джейрана; в поэзии — символ красоты, изящества.
- Гаиби** (Гаибназар, Молла-Гаиб) — туркменский поэт-книжник конца XVIII — начала XIX в., жил в Бухарском эмирате, где пользовался также авторитетом как религиозный деятель и духовное лицо; автор стихов и поэм разнообразной тематики, с оттенком идеологии суфизма (см. суфи); в политике выражал умеренную оппозицию эмирской власти.
- Гариб** — персонаж ближневосточного фольклора и письменной поэзии, возлюбленный красавицы Шахсенем; образ несчастного влюбленного, скитающегося на чужбине.
- Герат** (Гери) — город на западе Афганистана, в середине века столица Хорасана, один из значительных культурных центров Средней Азии.
- Гиджак** — струнный музыкальный инструмент, род скрипки.
- Гиссар** — горный хребет и местность в пределах Узбекистана и Таджикистана.

- Гёклены** (гёклены, геоклены) — одно из туркменских племен, обитающее в западных долинах Копетдага, в бассейнах Атрека и Гургена.
- Гошгёй** — см. мурёббá.
- Гурген** (Горган) — река на севере Ирана, берущая начало в горах Копетдага и впадающая в Каспийское море; в долине Гургена издавна обитают племена туркмен.
- Гурия** — райская дева, услаждающая праведников в раю.
- Гылман** — райский юноша.
- Гыр-Ат** — мифический конь богатыря Кёр-оглы.
- Гюлистан** — букв. перс.: страна роз; цветник, розарий; поэтический образ волшебного сада, благословенного края.
- Гяур** — см. кяфир.
- Дал** — буква арабского алфавита («д»), в виде дуги; поэтический символ согбенного стана.
- Дастархан** — скатерть с кушаньями; обильная трапеза.
- Дервиш** — букв. перс.: открывающий дверь (к богу); своего рода мусульманский монах, давший обет бедности; дервиши объединялись в общины, возглавлявшиеся ишанами (пйрами), учению которых следовали; многие дервиши вели скитальческий образ жизни, отсюда переносное значение: бедняк-скиталец.
- Деста́н** (дастан) — крупное произведение ближневосточного фольклора или литературы; поэма на определенный сюжет либо цикл тематически взаимосвязанных стихотворений одного автора; как правило, в дестане стихи перемежаются прозой.
- Джами** Абдурахман Нуреддин (1414—1492) — персидско-таджикский поэт, автор стихов, дестанов, сочинений на темы литературы и истории, жил и творил в Герате.
- Джан** — букв. перс.-тадж.: душа; слово-частица ласкательного значения, употребляется самостоятельно и с существительными, обычно с именами собственными (после имени).
- Джейран** — распространенный в Средней Азии вид антилопы.
- Джемшид** (Джам) — мифический царь Древнего Ирана, персонаж поэмы Фирдоуси «Шахнаме», обладатель несметных богатств, в частности волшебного кубка (чаша Джама), на дне которого отражалось все происходящее в мире.
- Джерджис** — мусульманский святой, соответствует библейскому Георгию Победоносцу; согласно легенде, был терзаем язычниками (с него сняли кожу), но остался невредимым.
- Джиги-джиги** (созвучно с «джиги» — «младший брат, младшая сестра») — ласковое обращение к маленьким детям («братик», «сестричка»); в песнях и стихах используется как припев.
- Джидда** — лох восточный ушколистый, дерево со съедобными сладко-терпкими плодами.
- Джизак** — город в средней части Узбекистана, ныне областной центр.
- Диванá** — юродивый, блаженный, нищий.
- Диванбеги** — министр (чаще главный) в некоторых государствах мусульманского Востока.
- Дувал** — глинобитный забор.
- Дурсунджемал** — букв. туркм.-арабск.: да будет краса; распространенное женское имя.
- Дутар** — двухструнный щипковый музыкальный инструмент.

Дэв — сказочный великан, олицетворение жестокой, грубой силы.
Дюльдюль — мифический конь, на котором, согласно преданию, ездил халиф Али.

Езид — имя арабского полководца VII в.; по его приказу в междоусобной войне были истреблены потомки халифа Али; в нарицательном значении: коварный, кровавый злодей.

Емин (*Ибн-Емин*, Вениамин) — персонаж библейской (затем мусульманской) легенды, младший брат Юсупа.

Зал — персонаж древнеиранского фольклора, а также поэмы Фирдоуси «Шахнаме», отец Рустема.

Заман — персонаж эпоса о Кёр-оглы, военачальник.

Зелили — букв. арабск.: слабый, униженный, измученный, опечаленный.

Зераб — местность в центральном Иране.

Зиндан — тюрьма.

Зинхари Абдурахим (Уста-Рахим, по некоторым данным, родился в 1791 г.) — туркменский поэт XIX в., жил близ Халача, занимался кузнечным ремеслом, образования не получил; в его многообразном творчестве прослеживается влияние Махтумкули и Кемине.

Зехре (Зухра) — восточное название планеты Венеры, которая считалась покровительницей музыки.

Зулейха — распространенное на мусульманском Востоке имя жены Пентефрия, согласно библейской легенде влюбившейся в Иосифа Прекрасного (Юсупа); образ страстно и безрассудно влюбленной женщины, широко используемый в фольклоре и литературе.

Зюльфикар — легендарный меч халифа Али.

Ибрагим — соответствует библейскому пророку Аврааму; согласно легенде, был ввергнут в огонь тираном Немрудом, но вышел из огня невредимым; образ страдальца за истину.

Изолтань — селение на одном из восточных ответвлений реки Мургаб, ныне город, районный центр.

Иса — арабская форма имени Иисуса Христа, почитаемого мусульманами в качестве одного из пророков, наделенного даром воскрешать усопших.

Искандер — Александр Македонский (356—323 до н. э.), древнегреческий властитель и выдающийся полководец, завоевавший, в частности, Среднюю Азию; на Ближнем Востоке сделался излюбленным героем фольклора и литературы, где его образ почти всегда сильно идеализирован.

Ислам — букв. арабск.: покорность; мусульманское вероучение создано пророком Мухаммедом.

Исмаил — мусульманский святой, соответствует библейскому пророку Самуилу, сын Ибрагима; в ближневосточном фольклоре олицетворяет готовность к жертве.

Исфахан — город на севере Ирана, в XVII—XVIII вв. был столицей государства.

Ишан — букв. перс.: они; духовный наставник мусульманской общины верующих, в частности дервишей.

Ишан-Орак (от «орак» — «серб») — один из сердаров племени эрсари, сподвижник поэта Сеиди.

Ишбаши — букв.: глава дела; административный чин среднего ранга в Бухарском эмирате.

Иезд — город в центральном Иране.

Иомуды (ёмуты) — одно из туркменских племен, обитающее по восточному побережью Каспия и в низовьях Амударьи, до начала XX в. жили также на полуострове Мангышлак.

Кааба — храм в Мекке, одна из главных мусульманских святынь, объект паломничества; поэтический образ: средоточие возвышенного, нетленного.

Кабус (Гумбет-Кабус, Гомбеде-Кабус) — местность, также город в долине реки Гурген.

Каджар — название одного из семи тюркских племен, обитавших на севере Ирана; в 1796 г. выходец из этого племени Агамухаммед-хан основал династию шахов (Каджарскую), правившую до 1926 г.; известен также Мухаммед Заман-хан Каджар, генерал-губернатор Астрабадской (см. Астрабад) провинции, в 1814 г. возглавивший восстание против шахского режима; в восстании активно участвовали туркмены.

Казвин — город на севере Ирана.

Каймак — густая пенка, сливки с топленого молока.

Калам — тростниковое перо.

Кандым — колючий кустарник (джузгун), растущий на засушливых землях.

Карабах — местность на юго-западе Азербайджана, ныне Карабахская автономная область.

Карадаг — название нескольких горных хребтов и населенных пунктов на территории Казахстана, Средней Азии, Закавказья.

Каракуль — местность к юго-западу от Бухары.

Каракурт — ядовитый паук.

Караханиды — династия (ок. 932 — ок. 1165) из тюркского племени ягма, создала раннефеодальное слабо централизованное государство, охватывавшее территорию современных восточного Казахстана, запада Киргизии; оно было разгромлено Сельджуками.

Карлюк — селение в верхнем течении Амударьи, на ее правом берегу.

Карры-Кала (употребляется неправильное: Кара-Кала) — селение, ныне районный центр, в горной долине на западе Копетдага, где издавна живут гоклены.

Карун — персонаж мусульманской мифологии, соответствует библейскому Корею, богат и алчный стяжатель; согласно легенде, был вместе с богатствами поглощен землей.

Касыда — поэтический жанр, ода; в классической арабской поэзии имела форму месневи; туркменские поэты обычно создавали оды в форме мурейба (гошгы), мухаммаса и т. п.

Кавф — мифический горный хребет, якобы опоясывающий землю, обиталище сверхъестественных существ; иногда отождествляется с хребтом Большой Кавказ.

Кашгар — город в Синьцзяне (Восточном Туркестане); название области.

Кашмир — область (княжество) на северо-востоке Индии, ныне штат.

- Кебаб* — мясо, зажаренное на вертеле (то же, что шашлык).
- Кевсер* (Аби-Кевсер, Ховзи-Кевсер) — райский источник, вода которого выбивается из-под корней дерева Лотос; в день Страшного суда воду из него будет раздавать праведникам сам халиф Али.
- Келат* — местность на северо-востоке Ирана.
- Кемине* Мамедвели (ок. 1770 — ок. 1840) — туркменский поэт-классик, по преимуществу сатирик, обличитель социальных зол, исключительно популярный в народе.
- Кенган* — арабск. форма от Ханаан, названия области на восточном побережье Средиземного моря, родины Юсуфа.
- Кенегес* — в прошлом селение на северо-западе Хорезма, в его туркменской части.
- Керки* — город в Туркменистане, в верхнем течении Амударьи, на ее левом берегу, в прошлом центр Керкинского тюмена.
- Керман* (Керманшах) — город на юго-востоке Ирана.
- Кёр-оглы* (Гёр-оглы, Гор-оглы) — букв.: Сын могилы или Сын слепого; мифический богатырь, олицетворение силы, отваги, мудрости и человеколюбия, излюбленный персонаж героического эпоса многих народов Ближнего Востока, от турок и курдов до узбеков и таджиков включительно; главный герой, однако, во всех вариантах — туркмен; предполагается, что цикл туркменских сказаний о Кёр-оглы сложился в XIV—XVI вв.
- Кесе-Аркак* — см. Аркак.
- Кетмень* — местная разновидность мотыги.
- Кибитка* — другое название юрты, куполообразного жилища из войлока, на деревянном остоле.
- Кишимш* — сушеный виноград, изюм.
- Коканд* — в XVIII—XIX вв. столица Кокандского ханства, город в Ферганской долине.
- Копетдаг* — система горных хребтов на юге и юго-западе Туркменистана.
- Коран* — священная книга мусульман, содержащая постулаты веры, изложение правовых, этических и бытовых норм, представляет собой якобы запись «откровений» пророка Мухаммеда.
- Кошма* — вид грубого ковра, употребляемого как подстилка.
- Кувлы* — местность в западных предгорьях Копетдага.
- Куляб* — город и местность на юго-западе Таджикистана.
- Кунград* — 1) город на юго-западе Каракалпакии; 2) название одного из узбекских племен, из которого вышла династия Кунград, правившая в Хивинском ханстве со второй половины XVIII в. до 1920 г.
- Курды* — народ иранской языковой семьи, населяющий Курдистан (поделенный между Ираном, Турцией, Ираком и Сирией); курды живут и в СССР; в XVII в. отдельные курдские племена были расселены на севере Ирана, чтобы противостоять воинственным и вольнолюбивым туркменам.
- Кутнам* (Кутнам-Кала) — укрепленное селение туркмен эрсари на левом берегу Амударьи, южнее Чарджуя.
- Кыпчаки* (кыпчаки) — самоназвание тюркоязычных племен, известных в древнерусских и западно-европейских источниках как половцы, или куманы; начиная с XI в. кыпчаками называли себя некоторые племенные группы полукочевников, позже вошедшие в состав крымско-татарского, казахского, туркменского и уз-

бекского народов; ныне Кыпчак — название селений вблизи Ашхабада, на юге Каракалпакии.

Кяфир (гяур) — немусульманин, иноверец; также в неодобрительном смысле: еретик, вероотступник, неверный.

Лал — рубин.

Лейли, Лейла — букв.: ночь; героиня древнеарабской легенды о Лейли и Меджнуне.

Лебав — поэтическое название узкой полосы оазисов по обоим берегам Амударьи.

Лур (Луристан) — область на юге Ирана.

Лутфи (Лютфи; 1366 или 1367—1465 или 1466) — поэт-лирик, жил и творил в Герате, один из первых использовал в литературе тюркский (староузбекский) язык.

Магрупи Курбанали (род. ок. 1740 г. — год смерти неизв.) — туркменский поэт, родом из Ахала, согласно преданию, друг Махтумкули, автор дестанов героико-патриотического содержания, где отразилась идеология военно-феодальной верхушки; был сердаром и, по рассказам, умер от раны, полученной в бою.

Мазандеран — одна из северных провинций Ирана, где издавна живет много туркмен.

Мазар — гробница, мавзолей; место погребения мусульманского святого, пользующееся почетом.

Майдан — площадь, обычно базарная; поле битвы.

Мангышлак — полуостров на северо-восточном побережье Каспийского моря, ныне территория Мангышлакской области Казахской ССР, в прошлом место расселения туркменских племен.

Марал — самка джейрана; поэтический образ женской красоты.

Маргиз — местность на юго-западе Туркменистана.

Марсия — поэтический жанр: элегия, поминальный плач; в арабской классической поэзии имела форму месневи; туркменские поэты обычно создавали такие произведения в форме муреббâ (гошгъ), мухаммаса и т. п.

Махмуд (Пиль-Махмуд — Слон-Махмуд, Исмамыт-ата и др.) — поэт XIV в., родом туркмен, прославился еще и как борец (пальван), участник состязаний на тоях; в разных местах Хорезма указывают предполагаемые места его погребения.

Махтумкули (техаллус: Фраги — букв. арабск. Опечаленный, Разлученный, ок. 1733—1783 или 1793) — великий туркменский поэт и мыслитель, происходил из племени гоклен, родной дядя по матери поэта Зелили.

Машраб Бабарахим (1657—1711) — узбекский поэт-вольнодумец, казнен реакционерами в Балхе, его имя окружено легендами.

Меджлис — собрание.

Меджнун — букв. арабск.: одержимый дѹхами; прозвище Қайса, полумифического древнеарабского поэта; согласно преданиям, он, страстно, до безумия влюбленный в девушку по имени Лейли, удалился в пустыню и жил среди зверей; история их взаимной несчастной любви стала основой сюжета многих поэтических произведений («Лейли и Меджнун»), созданных, в частности, поэтами Низами, Навои.

Медина — город в Хиджазе (на западе Аравийского полуострова), откуда пророк Мухаммед начал распространение своего

- религиозно-политического учения, резиденция первых халифов.
- Медресе* — мусульманская духовная (с элементами светского образования) школа высшей (второй после мектеба) ступени.
- Медхалджемал* — героиня популярного в прошлом среди туркмен романтического дестана о любви Медхалджемал и Сейпель-мелека.
- Мекка* — город в Хиджазе (на западе Аравийского полуострова), родина пророка Мухаммеда, местонахождение главных мусульманских святынь.
- Мектеб* — мусульманская школа первой (низшей) ступени.
- Менгли* (от «мен(г)» — «родника») — букв.: имеющий на лице роднику (которая считается одним из признаков красоты, в особенности женской); обобщенный образ красавицы, красавца; употребляется как прозвище и в роли имени собственного.
- Мерв* — в древние времена крупный политический и культурно-экономический центр в низовьях реки Мургаб; ныне Мары, областного город Туркменской ССР.
- Месневи* — поэтический жанр: произведение, составленное из двустиший, где строки зарифмованы по схеме а-а, б-б и т. д.
- Мессия* — согласно библейским легендам, пророк, посланец бога на земле.
- Мешихед* — город на севере Ирана.
- Мир-Хайдар* — эмир Бухары (1800—1826), из династии Мангыт.
- Миср* (Миср) — арабская, принятая всеми мусульманскими народами, форма названия Египта.
- Мисра́* — полустушие, строка бейта.
- Молла* — см. мулла.
- Молла-Непес* (Непес Кадырбердыоглы; ок. 1810—1862) — туркменский поэт-классик, жил в оазисах Теджена и Мургаба; автор исключительно популярного романтического дестана «Зохре и Тахир», непревзойденный мастер любовной лирики (современники называли его «падишах лирики»).
- Мосул* — город на юго-востоке Ирана.
- Мулла* — тот, кто окончил медресе и чаще всего выполнял функции священнослужителя; грамотный и потому уважаемый человек; у туркмен, при употреблении с именами собственными, принята форма «молла».
- Мунис* Шермухаммед (1778—1829) — узбекский поэт, придворный историограф хивинских (см. Хива) ханов.
- Мургаб* — река на юге Туркмении, берет начало в отрогах хребта Паропамиз, распределяясь по сети арыков, иссякает в пределах Марыйского (Мервского, см. Мерв) оазиса.
- Муребба́* (гошгы) — поэтический жанр: стихотворение из строф по четыре строки в каждой, обычно рифмуемых в первой строфе по схеме: абаб, в последующих: вввб, гггб и т. д. с единой рифмой «б» (чаще это редиф с предредифною рифмой); форма муребба классической арабской поэзии в поэзии туркменской совпала с аналогичной формой гошгы, характерной для песенного творчества древних тюрок.
- Мускус* — пахучая жидкость; животный мускус добывается главным образом из желез кабарги — разновидности оленя, обитающего в Азии.
- Мухаммас* — поэтический жанр: стихотворение из строф по пять строк в каждой, рифмуемых, в первой строфе, по схеме: ааааб

- (иногда ааааа), ввввб, гггб и т. д., с единою рифмой «б» (чаще это р е д и ф с предредифною рифмой).
- Мухаммед** (Мухаммад, Магомет; 570—632) — арабский религиозный и политический деятель, основатель ислама.
- Мухаммед-Рахим I** — хан Хивы (1806—1825), из династии Кулират.
- Мюрид** — ученик, последователь пира, шейха, ишана.
- Навои** Низамеддин Мухаммед Мир Алишер (1441—1501) — великий узбекский поэт, мыслитель, государственный деятель, утвердил тюркский (староузбекский) язык в качестве литературного.
- Надир** (Тахмасп-Кули-хан; 1688—1747) — выходец из тюркского племени афшар на севере Ирана, был главарем разбойничьей шайки, выдвинулся на службе у шаха Тахмаспа II, в 1736 г. узурпировал шахский престол, возглавил грабительские завоевательные походы, был убит придворными.
- Назли** — прилагательное от арабск. «наз» («коккетство, жеманство»).
- Намаз** — молитва, обязательная для мусульман, совершается пять раз в течение суток.
- Наманган** — город в Ферганской (см. Фергана) долине, ныне областной центр на северо-востоке Узбекистана.
- Насими** Сеид Имадеддин (ок. 1369—1417) — азербайджанский поэт, странствующий проповедник религиозного учения хуруфизма (утверждавшего божественную природу человека, потому отвергаемого ортодоксальным исламом); по приговору реакционного духовенства был в Алеппо подвергнут жестокой казни; с него, живого, сняли кожу.
- Немруд** — соответствует Немроду библейских легенд; обычно изображается как злодей, пытающийся убить особо почитаемого святого, пророка или даже самого аллаха.
- Нер** — одnogорбый верблюд-самец особой породы; в поэзии олицетворение силы и выносливости.
- Нехавенд** — местность на юго-западе Ирана.
- Низами** Гянджеви Ильяс (1141—1203) — великий азербайджанский поэт, автор цикла дестанов («Хамсе» — арабск. «Пятерца»), после него утвердившегося как традиционный; писал на языке фарси.
- Ниса** (Несса, Нусай) — в древности город, столица Парфии — государства, образованного на территории Средней Азии ближайшими преемниками Александра Македонского; ныне развалины (Старая и Новая Ниса) к юго-западу от Ашхабада.
- Нишанур** — город в центральном Иране.
- Ниязкули-ахун** — религиозно-политический деятель Бухарского эмирата в конце XVIII — начале XIX в., родом туркмен, основал медресе Идрис-баба на Лебабе, известное как прогрессивный для своего времени центр образованности; писал стихи, ортодоксальные в смысле исламской идеологии, покорности властям, под те халлусом Ниязи.
- Ногаи** (ногайцы) — народ тюркской языковой семьи, ныне обитающий в Ставропольском крае.
- Нурата** (правильно: Нуратау) — горная местность в средней части Узбекистана, к северо-западу от Самарканда.
- Огуз** — мифический предводитель древних тюрков.
- Огузы** (гузы, узы) — две группы племен, в I тысячелетии н. э. вхо-

дившие в племенное объединение тюрков, составившее этническую основу современных туркмен, также турок, азербайджанцев, уйгуров.

Ойли — местность на юго-западе Туркменистана.

Омар Хайям Гьяседдин Абульфатх (ок. 1048 — после 1122) — персидско-таджикский поэт и ученый, жил и творил в городах Средней Азии, Ирана.

Падишах — властитель, самодержец.

Пальван — см. п е х л и в а н.

Паропамиз — горная система на северо-западе Афганистана, ее ответвления — хребты и плоскогорья Бадхыз и Карабиль — протягиваются на территорию юго-восточного Туркменистана.

Парс (Фарс) — древнее название центральной части Ирана (Персии).

Пери — райская дева, фея; в поэзии олицетворение женской красоты.

Персия — прежнее (от П а р с) название Ирана, до 1935 г. употреблялось в международном общении.

Пехливан (пальван) — богатырь, силач, участник традиционных спортивных состязаний.

Пиала — овальная, сужающаяся книзу, чашка без ручки.

Пир — букв. перс.: старец; мусульманский духовный наставник.

Рагнб — название цветка.

Рамазан — девятый месяц мусульманского лунного года; месяц поста, в силу этого выделяемый из числа остальных.

Рахим — см. М у х а м м е д - Р а х и м.

Редиф — слово или группа слов, без изменений повторяющиеся нередко в конце каждой из строк первой строфы стихотворения и регулярно — в конце последней строки каждой из последующих строф; при наличии редифа рифма помещается перед ним и именуется п р е д р е д и ф н о й.

Рей — город в Иране, неподалеку от Тегерана.

Риза-ходжа (или: ходжам) — современник Зелили, один из образованнейших людей на Гургене.

Ринд — гуляка-мистик, предающийся пьянству, беспутству и своим поведением бросающий вызов служителям ортодоксального ислама.

Рудаки Абу-Абдаллах (или: Абуль-Хасан) Джафар (ок. 860—941) — таджикский поэт, «Адам поэзии на фарси», возглавлял поэтическую школу в Бухаре.

Рум (Румистан) — Византия, также нередко Западная Европа в целом.

Рустем (Рустам) — персонаж древнеиранского героического эпоса, воспетый в «Шахнаме» Фирдоуси; в фольклоре и письменной поэзии Ближнего Востока образ могучего и благородного витязя.

Саади Муслихеддин (ум. в 1291) — персидско-таджикский поэт-лирик.

Саз — струнный музыкальный инструмент; в поэзии олицетворяет мелодию, музыку вообще.

Салыр (салор) — одно из небольших туркменских племен, обитает в пределах оазисов Теджена и Мургаба.

- Саман* — резаная, измельченная солома.
- Самшит* — кавказская пальма; в поэзии символ прямизны, стройности стана.
- Сарык* — одно из туркменских племен, обитает главным образом в оазисах по Мургабу.
- Саят* — название одного из мелких туркменских племен на Лебабе и населенного пункта на левом берегу Амударьи.
- Сеид* — представитель привилегированного сословия, тех, кто считает себя потомками четырех первых халифов от браков с дочерьми пророка Мухаммеда.
- Сеистан* — область со смешанным населением на границе Ирана и Афганистана, поделенная между этими двумя государствами.
- Сейильхан* — букв. арабск.-перс.: помещение, место для прогулки; возможно, поэтическое обозначение Лебаба как страны благоденствия.
- Сель* (силь) — поток, возникающий от ливня в горах; поэтический образ внезапного, неодолимого бедствия.
- Сельбинияз* (от «сельби» — «ива», арабск. «нияз» — «кокетство», «жеманство») — женский персонаж тюркского фольклора.
- Сельджукиды* (Сельджуки) — династия (после 922—1157) выходцев из племени огузов, в короткое время образовала ряд могущественных, но непрочных государств на территориях от Средней Азии до Византии и арабских стран.
- Сенем* — см. Шахсенем.
- Сенсибель* — источник живой воды в раю.
- Сергиз* — местность на юго-западе Туркменистана.
- Сердар* — военачальник.
- Серендиб* — древнее название острова Цейлон (Шри Ланка).
- Солтаннияз* — один из беков племени эрсари, современник поэта Сеиди, проводил непоследовательную политику оппозиции властям эмирата.
- Сона* — самка пестрокрылой утки-кряквы; излюбленный поэтами образ красавицы.
- Сопй* — см. суфй.
- Сулейман* — библейский царь Соломон; олицетворение мудрости, сверхчеловеческого могущества, богатства; излюбленный герой ближневосточного фольклора.
- Сунниты* — последователи одной из главных ветвей в мусульманстве, признающие Коран и «откровения» пророка Мухаммеда.
- Сура* — глава Корана.
- Сусань* — название цветка, лилия.
- Сурьма* — черная краска для ресниц.
- Суфй, суфий* (сопй) — букв. арабск.: носящий власяницу, плащ из верблюжьей шерсти; 1) последователь суфизма, религиозно-философского, мистического течения в мусульманстве, отчасти оппозиционного ортодоксальному вероучению, утверждавшего возможность непосредственного общения с божеством, представляемым в суфийской поэзии как «друг», «возлюбленная»; 2) служка при мечети, низший служитель культа; 3) ученик пйра.
- Табиб* — врачеватель, знахарь.
- Талиби* (Мурад-шахир; ок. 1766 — ок. 1845) — туркменский поэт,

жил в центре Ахала, автор дестана, популярных лирических стихов.

Тевриз (Тавриз) — город на северо-западе Ирана, центр Иранского (Южного) Азербайджана.

Теджен — река, вытекающая из отрогов Паропамиза, на территории Афганистана носит название Герируд (от Гери — одно из названий Герата); образует оазисы Серахский и Тедженский, в пределах последнего иссякает, распределившись по сетям арыков.

Теке (текинцы) — одно из крупных туркменских племен, обитающее в полосе оазисов и степей от крайних северо-западных предгорий Копетдага до низовий Мургаба.

Тельпек — паха из овчины.

Теньга — мелкая серебряная монета, введенная при господстве Чингисхана и его преемников.

Термиз (Термез) — город на левом берегу Амударьи, ныне областной центр на крайнем юге Узбекской ССР.

Техаллус (лакаб) — поэтический псевдоним.

Той — пиршество, чаще свадебное.

Туман (тюмен) — 1) название денежной единицы среднего достоинства в Иране, у туркмен ценилась чуть выше теньги; 2) число десять тысяч, переносно — множество, громадное количество.

Тумар — амулет, талисман, ладанка в виде треугольника, носится женщинами через плечо.

Туран — области к северу от гор Копетдаг, Паропамиз и горной страны Памир, населенные главным образом тюркоязычными народами.

Туршиз — местность в Иране, на юге Хорасана.

Тюмен — 1) см. туман; 2) самая крупная единица административно-территориального деления в Бухарском ханстве (эмирате).

Тюрки — группа племен Центральной Азии, образовавшая ядро раннефеодальных государств (Восточный, Западный Тюркские каганаты, VI—VIII вв.) на территориях от Великой Китайской стены на запад до устьев Сырдарьи и Амударьи; родоначальники тюркоязычных народов.

Ургенч (от древнего «Гургандж») — город, в древности столица Хорезма, разрушенный войсками Чингисхана, впоследствии частично отстроенный; его развалины вблизи районного центра Куния-Ургенч (Старый Ургенч) Туркменской ССР; неподалеку находится город Ургенч, областной центр Узбекской ССР.

Фарс — см. Парс.

Фарси — одно из названий литературного языка (так называемого новоперсидского, иначе — дари, таджикско-персидского), которым широко пользовались в Средней Азии, в странах Ближнего Востока; ныне кроме Ирана он употребляется в Афганистане, на севере Индии; его варианты — современные литературные языки персидский и таджикский.

Фергана — город на северо-востоке Узбекистана, основан в 1877 г. под названием Новый Маргелан, ныне областной центр; словом «Фергана» в прошлом часто именовали всю Ферганскую доли-

ну — плодородную, густонаселенную местность, расположенную между горными хребтами Кураминским и Чаткальским на севере, Алайским и Туркестанским на юге, ее территория входит в состав союзных республик Узбекской, Таджикской и Киргизской.

Ферхад (Фархад) — популярный у народов Средней Азии персонаж эпических и романтических сказаний, олицетворение страстно влюбленного юноши, который во имя любви совершает титанические подвиги; образ Фархада особенно глубоко разработал Навои в поэме «Фархад и Ширин».

Фузули (Фузули) Мухаммед (1498—1556) — азербайджанский поэт, издавна хорошо известный в Средней Азии.

Фирдоуси Туси Абулькасым (934 или 941 — ок. 1020) — великий персидско-таджикский поэт, родом из Туса в центральном Иране, автор грандиозной эпической поэмы «Шахнаме», вобравшей в себя фольклорные сюжеты народов Ирана и Средней Азии.

Фраги — см. Махтумкули.

Фрах — местность неподалеку от Кабула в Афганистане.

Френгистан (Франкистан) — от «франк»; общее для ближневосточных географов название стран Западной Европы.

Хабеш — Абиссиния (Эфиопия).

Хаверан — местность на юге Туркмении, в районе Кесе-Аркача и нижнего течения реки Тедажен.

Хаджи — тот, кто совершил хадж — паломничество к мусульманским святыням и за это удостоен почета.

Хазан — осенний листопад, холодный ветер; поэтический образ стихийной силы, губящей все живое.

Хайдар — см. Мир-Хайдар.

Хакан — в древности титул властителя у тюркских и монгольских народов.

Халач — селение в верхнем течении Амударьи, на ее левом берегу.

Халил — одно из наименований пророка Ибрагима.

Халиф (от арабск. «халифá» — «помощник», «подмастерье») — титул властителей государств, созданных арабами-мусульманами после пророка Мухаммеда; наиболее почитаемы четыре первых халифа (так называемые «халифы первого крыла», или «чар яр»): Абу-Бекр, Омар, Осман, Али, резиденцией которых был город Медина.

Хан — предводитель родо-племенной или феодальной правящей верхушки; с именем собственным мужским, реже — женским (до или после него), выражает почтение.

Ханаан — см. Кенган.

Харадж — налог, в частности поземельный, согласно шариату взимаемый в пользу правителя страны.

Хартут — местность вблизи Карры-Кала.

Хатам-Тай (Хатим ат-Таи ибн Абдаллах ибн Са'д) — арабский поэт доисламской поры, прославившийся хлебосольством и щедростью; его имя сделалось нарицательным как олицетворение этих качеств.

Хатам-шахир (Сенд, Сейди, 1740—1824) — туркменский поэт, родом с Мангышлака, слагал стихи, совершенные по форме, разнообразной тематики.

- Хафиз Ширази Шемседдин Мухаммед** (1300—1389) — иранский поэт-лирик, родом из Шираза.
- Хемра** — герой ближневосточного романтического эпоса; образ страстно влюбленного, принимающего мучения во имя любви.
- Хива** — город в центре Хорезма, в прошлом столица Хивинского ханства.
- Хиджра** — букв. арабск.: уход в изгнание; бегство пророка Мухаммеда от преследований политических противников из Мекки в Медину в 623 г.; это событие мусульмане стали считать началом своего летосчисления («по хиджре»), в отличие от христианского — европейского («по милляди»).
- Ходжа** — представитель привилегированного сословия, тех, кто считает себя потомками четырех первых халифов (но, в отличие от сеидов, не от браков с дочерьми пророка Мухаммеда), а также потомками арабских завоевателей, вторгшихся в Среднюю Азию в VIII в. (в то время этим словом именовался арабский воин, которому представлялось право распоряжаться домом и имуществом одного из местных жителей); так называют себя некоторые племенные группы в Туркменистане.
- Ходжент** — город на севере Таджикистана, в Ферганской (см. Фергана) долине, ныне Ленинабад, областной центр.
- Хорасан** — территория на юго-восток от Амударьи (в ее среднем течении) до гор Копетдаг и Паропамиз, в прошлом ядро феодального государства, ныне название области на севере Ирана.
- Хорезм** — плодородная местность, крупный оазис в низовьях Амударьи, с древних времен центр могущественного феодального государства со столицей в Гургандже, пришедшего в упадок после нашествия монголо-татар под водительством Чингисхана; ныне территория исторического Хорезма поделена между союзными республиками Узбекской (с Каракалпакской АССР) и Туркменской.
- Хотан** — область в Синьцзяне (Западный Китай), в древности славилась мускусом, драгоценными тканями, красивыми женщинами; поэтический образ благословенного края.
- Хызр** (Хызыр) — букв.: зеленый; легендарный домусульманский пророк, усвоенный исламской традицией, покровитель природы, плодородия, незримый помощник людей, хранитель источника «живой воды», которую он нашел, сопровождая в походах Искандера; в фольклоре и литературе — образ чудесного спасителя, символ изобилия.
- Чабан** — пастух.
- Чарджуй** — ныне город Чарджоу, в среднем течении Амударьи, на ее левом берегу; к юго-востоку от него (где сейчас пос. Комсомольск) — развалины Старого Чарджуя, в прошлом (до 1920 г.) резиденция бека — правителя Чарджуйского тюмена Бухарского эмирата.
- Чары Афзал** (Ак-молла) — туркменский поэт конца XVIII — начала XIX в., жил в Хивинском (см. Хива) ханстве.
- Чилан** — укрепленный пункт на Лебабе.
- Чинар** (правильно: чинара) — платан, дерево, отличающееся прямой ствол; поэтический символ стройности стана.
- Чингисхан** (Темучин; ок. 1155—1227) — монгольский властитель и полководец, в результате грабительских завоевательных похо-

дов создал гигантскую империю от Тихоокеанского побережья до Поволжья, расширенную его ближайшими преемниками, но вскоре после этого распавшуюся.

- Шаабад* (Шахабад, Шават) — название селения и канала в центральной, узбекской, части Хорезма.
- Шабенде* (ок. 1720—1800) — туркменский поэт, родом из Хорезма, автор лирических стихотворений, исторических дестанов.
- Шайтан* — дьявол.
- Шам* — название Сирии, также ее нынешней столицы — города Дамаска, в древности резиденции халифов Омейядов.
- Шариат* — неписанный свод мусульманских законов и установлений, основанных на Коране.
- Шах* — титул монарха в некоторых странах Ближнего Востока, (Иран, Хорезм).
- Шахимердан* — см. А. л. и.
- Шахир* — поэт.
- Шахрисабз* — в древности Кеш, город на юго-востоке Узбекистана.
- Шахсенем* (Сенем) — героиня ближневосточного романического эпоса и письменной поэзии, возлюбленная Гариба.
- Шеддад* — персонаж ближневосточного фольклора; тиран-богоборец, приказавший ангелам взрастить на земле райский сад (Эрем); посланец аллаха Азраил отнял у Шеддада душу, когда тот попытался войти в этот сад.
- Шейдаи* — туркменский поэт второй половины XVIII в., жил предположительно в Тедженском или Мервском оазисе, автор дестана и лирических стихотворений, близких песенному фольклору.
- Шейх* — старейшина рода, племени (у арабов); наставник дервишеского (см. дервиш) ордена.
- Шемаха* — город на востоке Азербайджана.
- Шербет* — сладкий напиток, сироп.
- Шираз* — город на юге Ирана.
- Ширгази* — хан Хивы (1715—1728); в 1713 г., будучи наследником престола, основал знаменитое в Средней Азии медресе, носившее его имя.
- Ширин* — букв. перс.: сладостная; героиня широко распространенной на Ближнем Востоке легенды, использованной поэтами, возлюбленная Ферхада.
- Шукури* — туркменский поэт демократического толка, жил и творил в конце XVIII — начале XIX в. на Лебабае.
- Эмир* — букв. арабск.: правящий; титул властителей некоторых стран мусульманского Востока, в частности Бухары, где он был принят ханом Шах-Мурадом (1785—1800), из династии Маугыт.
- Эрем* — райский сад на земле (см. Шеддад), по велению аллаха был перенесен в потусторонний мир, где к существовавшим дотоле семи частям рая (створам) прибавилась восьмая.
- Эрены* — другое название: чильтены (букв. перс.: сорок тел); сорок неразлучных духов, невидимых и могущественных, помогающих мусульманам творить богоугодные дела.
- Эрсари* — одно из крупных туркменских племен, издавна составляющее большинство населения в оазисах Лебаба.

Эрсары-баба — мифический предок и этноним племени.

Юнус — мусульманский святой, соответствует библейскому пророку Ионе; согласно легенде, Юнус, очутившийся во чреве гигантской рыбы, за свое благочестие был спасен велением аллаха.

Юрт — край, страна.

Юсуп (Юсуф) — герой ближневосточного романического эпоса и литературы, соответствует библейскому Иосифу Прекрасному; согласно легенде, был продан в рабство в Египет, где в него страстно влюбилась Зулейха; она помогла Юсупу занять высокое положение; однако он, не ответив ей взаимностью, предпочел возвратиться на родину бедняком; поэтический образ человека, горячо преданного родной земле.

Юсуф Хас-Хаджиб Баласагуни (Баласагунский, ок. 1021 — год смерти неизв.) — придворный поэт и ученый, жил и творил в Баласагуне, столице государства Караханидов; известен своей дидактической поэмой «Кутадгу билиг» («Знание, дающее счастье», ок. 1069 г.), которая была одним из первых литературных произведений на языке тюрков Средней Азии, в последующие века известностью не пользовалась.

Якуб — персонаж ближневосточного романического эпоса и литературы, отец Юсупа; соответствует библейскому Иакову; согласно легенде, Якуб ослеп после исчезновения горячо любимого сына; поэтический образ отца-страдотерпца.

Ясеви (Ясави) Ходжа-Ахмед (ум. 1166) — среднеазиатский поэт — суфий, автор религиозно-назидательного произведения в стихах «Хикметы» («Мудрые изречения»), содержащего элементы проповеди гуманных идей; одно из первых литературных произведений на языке тюрков Средней Азии, оно на протяжении столетий использовалось как учебное пособие в мектебах и оказало заметное влияние на развитие письменной поэзии у тюркоязычных народов.

Ятаган — холодное оружие с изогнутым клинком, заостренным с внутренней стороны.

СОДЕРЖАНИЕ¹

Мечом и словом. Вступительная статья А. А. Зырина . . .	5
---	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

СЕЙДИ

I

1. Пустыня. Перевод Н. Вольпин	55
2. Джигит из племени эрсари. Перевод Н. Вольпин	56
* 3. Бывало. Перевод В. Ганиева	57
4. Храбрецы. Перевод Н. Вольпин	58
5. Хребет коня. Перевод Н. Вольпин	58
* 6. «Ты — храбрых воннов вожак. . .» Перевод С. Иванова	60
* 7. «У сына ишбаши Солтаннияза. . .» Перевод С. Иванова	61
* 8. «У Солтаннияза будет той теперь. . .» Перевод С. Иванова	62
9. Мой Зелили. Перевод Т. Стрешневой	64
10. Час расплаты. Перевод Т. Стрешневой	65
* 11. На коней, джигиты! Перевод А. Зырина	66
12. Друзья. Перевод Т. Стрешневой	66
13. Ныне («Позор тому, кто оробел. . .»). Перевод Т. Стрешневой	67
* 14. Уйдем! Перевод А. Щербакова	68
15. Прощайте ныне. Перевод Т. Стрешневой	69
16. Ушли мы навеки. Перевод Т. Стрешневой	70
* 17. «К вам сюда просить подмоги. . .» Перевод С. Иванова	71

¹ Переводы, публикуемые впервые, помечены звездочкой (*), сделанные заново для настоящего издания — двумя звездочками (**).

18. В разлученье. Перевод Т. Стрешневой	73
19. Осталась. Перевод Т. Стрешневой	74
20. Прощай навек. Перевод Т. Стрешневой	75
21—27. Из дестана «Две мои веточки»	
1. Памяти Бек-Назара. Перевод Н. Вольши	76
* 2. За детей — на жертву любую. Перевод А. Щербакова	78
* 3. «О, привязь моих отрад. . .» Перевод Б. Голубева	79
* 4. «Два знака судьбы стали долей мой. . .» Перевод Б. Голубева	80
* 5. «Мерьем, будут скорбными эти слова! . . .» Перевод Б. Голубева	80
6. Горе. Перевод Т. Стрешневой	81
* 7. Ныне («Бисне сердца моего. . .»). Перевод А. Щер- бакова	82
28. Кончина. Перевод Т. Стрешневой	83

II

29. Два цветка. Перевод Т. Стрешневой	84
30. Арзыгюль. Перевод Т. Стрешневой	85
31. Аблаксайт. Перевод Т. Стрешневой	86
32. Дочь Хорезма. Перевод А. Зырина	87
33. Халлы. Перевод Т. Стрешневой	88
34. Назли. Перевод Т. Стрешневой	89
35. Одна женщина. Перевод Т. Стрешневой	91
36. Коварная. Перевод Т. Стрешневой	91
37. Пора такая. Перевод Т. Стрешневой	92
38. Красавица. Перевод Т. Стрешневой	93
39. Несчастный Сеиди. Перевод Т. Стрешневой	93
* 40. Жребий. Перевод В. Ганиева	94
41. Будь ближе. Перевод Т. Стрешневой	95
42. Невеста. Перевод Т. Стрешневой	96
43. Нежная ханша. Перевод Т. Стрешневой	96
44. Чернокосяя. Перевод Т. Стрешневой	98
45. Кто найдет? Перевод Т. Стрешневой	99
46. Совершенная. Перевод Т. Стрешневой	100
47. Весть о красоте. Перевод Т. Стрешневой	101
48. Твоя жертва. Перевод Т. Стрешневой	101
49. Роза. Перевод Т. Стрешневой	102
50. Разлука. Перевод Т. Стрешневой	103
51. Нужен. Перевод Т. Стрешневой	103
52. «Будь прославлен сей день. . .» Перевод Б. Голубева	105
53. Душа устремлена. Перевод Т. Стрешневой	106
54. Только ты. Перевод Т. Стрешневой	107
55. Хатиджа. Перевод Т. Стрешневой	107
56. Царица змей. Перевод Т. Стрешневой	108
57. Властительница Хатиджа. Перевод Т. Стрешневой	109
58. Памятные места. Перевод Т. Стрешневой	110
59. Кто она? Перевод Т. Стрешневой	111
60. Джиги-джиги. Перевод Т. Стрешневой	111
61. К тебе. Перевод Т. Стрешневой	112
62. Не найти. Перевод С. Шервинского	114

63. Моя красавица. Перевод Т. Стрешневой	116
64. Шемшат. Перевод Т. Стрешневой	117
65. Молодицы. Перевод Т. Стрешневой	118

III

66. Стало больше. Перевод Т. Стрешневой	119
67. Лебаб. Перевод Т. Стрешневой	119
68. Между делом. Перевод Т. Стрешневой	120
69. Продают друзей. Перевод Т. Стрешневой	121
70. Может. Перевод Т. Стрешневой	122
71. Урок. Перевод Т. Стрешневой	123
72. Будь благороден. Перевод Т. Стрешневой	124
73. Поучение. Перевод Т. Стрешневой	125
74. Береги честь. Перевод Т. Стрешневой	126
75. Будь добрым. Перевод Т. Стрешневой	126
76. Рассуждение. Перевод Т. Стрешневой	128
* 77. Не нужно. Перевод Б. Голубева	129
78. Попустительство. Перевод Т. Стрешневой	129
79. Запомните. Перевод Т. Стрешневой	130
80. Лучше. Перевод Т. Стрешневой	131
81. Всё уйдет. Перевод Т. Стрешневой	131
82. Не станет. Перевод Т. Стрешневой	132
83. Придет. Перевод Т. Стрешневой	133

ЗЕЛИЛИ

I

84. Возликовали мы. Перевод Н. Гребнева	135
85. Памятные места. Перевод Н. Гребнева	136
86. Стать бы братьями. Перевод Н. Гребнева	136
87. Мастер. Перевод Н. Гребнева	137
88. Остался. Перевод Н. Гребнева	138
* 89. На кончину Халлы-Кара. Перевод А. Зырина	139
90. Прощай. Перевод Г. Карпова и Н. Лебедева	140
91. Приходится. Перевод Н. Гребнева	141
92. Жизнь моя постылой стала. Перевод Н. Гребнева	141
93. Родная сторона. Перевод Н. Гребнева	142
94—95. Послания к Сеиди. Перевод Г. Веселкова	
1. «От близкого сердца с чужбины далекой...»	143
2. «От близкого сердца из дальнего края...»	144
96. Уйдем в Гурген. Перевод Н. Гребнева	146
97. О горестях моих. Перевод Н. Гребнева	147
98. Не приду. Перевод Н. Гребнева	148
99. О горе! Перевод Н. Гребнева	148
100. Оплакивание Мепгли. Перевод Н. Гребнева	149
101. Оказалось. Перевод Н. Гребнева	149
102. Я очень ослабел. Перевод Н. Гребнева	150

103.	Прошу. Перевод Н. Гребнева	151
104.	Мне нужна Лейла. Перевод Н. Гребнева	152
** 105.	Огульбиби. Перевод Б. Голубева	152
106.	Не нужна мне боле. Перевод Н. Гребнева	153
107.	Стали родниками. Перевод Н. Гребнева	154
108.	Опалила. Перевод Н. Гребнева	155
* 109.	Сразила красотой. Перевод Б. Голубева	156
110.	Любимая моя. Перевод Н. Гребнева	157
111.	Сожгла меня. Перевод Н. Гребнева	157
112.	Горит моя душа. Перевод Н. Гребнева	158
* 113.	Пал на сердце мрак. Перевод А. Щербакови	159
114.	Идет. Перевод Н. Гребнева	161
115.	Я стал мотыльком. Перевод Н. Гребнева	161
116.	В потоки превратила. Перевод Н. Гребнева	162
117.	«Сердце мне сожгла своим огнем. . .» Перевод Н. Гребнева	163
118.	Весть. Перевод Н. Гребнева	164
119.	Милая идет. Перевод Н. Гребнева	164
120.	Здорова ли она? Перевод Г. Веселкови	165
121.	Горе мне! Перевод Г. Веселкови	166
122.	«О повелительница, светоч мой! . .» Перевод Н. Гребнева	167
123.	Сердце не позволит. Перевод Н. Гребнева	167
124.	Пойдем. Перевод Г. Веселкови	168
125.	Донди. Перевод Н. Гребнева	168
126.	Я разлучен. Перевод Г. Веселкови	169
127.	Плакать не перестал. Перевод Н. Гребнева	170
128.	Не забуду. Перевод Н. Гребнева	170
129.	О брат! Перевод Н. Гребнева	171

III

130.	Обманул ты. Перевод Г. Веселкови	172
131.	По этому пути прошли. Перевод Н. Гребнева	173
132.	Обманчив этот мир. Перевод Н. Гребнева	174
* 133.	Станет. Перевод Б. Голубева	174
134.	Нет вечно живого. Перевод Н. Гребнева	175
135.	Сравню. Перевод Н. Гребнева	176
136.	Дракон. Перевод Н. Гребнева	177
137.	Этот мир. Перевод Н. Гребнева	178
138.	Тленный мир. Перевод Н. Гребнева	179
139.	Погубил. Перевод Н. Гребнева	179
140.	Явился ты на свет. Перевод Н. Гребнева	180
141.	В один из дней. Перевод Н. Гребнева	183
142.	Уйдете. Перевод Н. Гребнева	183
143.	С душою разлучит. Перевод Н. Гребнева	184
144.	«Не опозорь, спаси меня. . .» Перевод Н. Гребнева	184
145.	Научи мня. Перевод Н. Гребнева	185
146.	Служи. Перевод Н. Гребнева	186
147.	Кто чтит закон. Перевод Н. Гребнева	187
148.	Нет ценней владенья. Перевод Н. Гребнева	188
149.	Не пристало. Перевод Г. Веселкови	189
* 150.	Девяносто. Перевод А. Щербакова	190

151.	Бои́тся. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	191
152.	Целым миром завладе́ст. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	192
153.	Хоть крячи. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	193
154.	Змея таи́тся. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	194
155.	Как мо́жно да́льше. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	195
156.	Выбери́ досто́йного. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	195
157.	Глу́по. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	196
158.	Лучше. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	197
159.	По-разно́му жи́вут. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	197
160.	Поку́да се́рдце бьётся. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	198
161.	Тяже́лей, чем ра́на. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	199
162.	«Когда́ ино́му сча́стью улы́бнется. . .» <i>Перевод Н. Греб-</i> <i>нева</i>	200
163.	Советы. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	201
164.	Оста́нется. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	201
165.	«Что́ надобно́ нам все́м. . .» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	202
166.	«Не́ будь́ беспече́нным. . .» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	203
167.	«Что́ ста́ло с ми́ром? . . .» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	204
168.	С ме́дведем схо́ж. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	204
169.	Уйде́шь. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	205
170.	Откажи́сь. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	205
171.	Сего́дня. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	206
172.	Друго́му на́доел. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	207
173.	Лучше́ попроси́ть чу́жого. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	208
174.	«Бре́дет бе́дняк, па́сет сво́й то́щий ско́т. . .» <i>Перевод</i> <i>Н. Гребнева</i>	209
175.	Быть́ му́жестве́нным подо́бае́т. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	209
176.	Хво́ст и гри́ва. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	210
177.	Все́ похо́жи. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	211
178.	Не́ мы́слит об ино́м. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	212
179.	«Се́бя пока́жет и́стинный хра́брец. . .» <i>Перевод Н. Греб-</i> <i>нева</i>	213
180.	Укра́шение джи́гита. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	213
181.	Тру́с. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	214
182.	Тру́с дуе́тся. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	215
183.	Кури́льщик. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	216
184.	Пла́чет. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	217
185.	Не́ отли́чить. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	218
186.	Сто́ тыся́ч бе́д. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	218
187.	О дру́зья! <i>Перевод Н. Гребнева</i>	219
188.	Поку́да ве́к не про́жит. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	219

ДИАЛОГ СЕИДИ И ЗЕЛИЛИ

** 189.	«Зели́ли, коли́ впра́вду ты́ разу́мом ско́р. . .» <i>Перевод</i> <i>А. Щербакова</i>	221
	Приме́чания	223
	Слова́рь	233

Сеиди, Зелили.

- С 28 Стихотворения: Пер. с туркм./Вступ. статья, сост. и примеч. А. Зырина. — Л.: Сов. писатель, 1984. — 256 с. — (Б-ка поэта. Большая сер.).

Настоящее издание впервые объединяет творчество двух туркменских поэтов XVIII в. — Сеиди и Зелили, что обусловлено общностью их мировоззрения, творческих позиций и личных судеб. Произведения каждого автора распределены по разделам в соответствии с их тематическими и жанровыми особенностями. Переводы на русский язык осуществлены известными поэтами и заново отредактированы для данного издания. Многие произведения печатаются в новых переводах, некоторые переведены на русский язык впервые для данного издания. Необходимые пояснения к текстам содержатся в примечаниях и словаре. Во вступительной статье даны биографии поэтов и анализ их творчества.

С $\frac{4702540100-143}{083(02)-84}$ 409—84

ББК 84.Тур1

